

В номере:

ИСТОРИЯ ПАМЯТИ

- 4 **А. И. МАКАРОВ** *Историческая память: конструкция или реконструкция?*
- 11 **В. В. ВЕДЕРНИКОВ** *Этюд в багровых тонах, или Сумерки просвещения*
-

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ?

- 25 **А. В. КАРАВАШКИН** *Иван Тимофеев – историк начала XVII в. – в свете современных интерпретаций*
- 38 **А. С. СТЫКАЛИН** *Правда и вымысел о реакции российского общества на венгерскую революцию 1848 г. Венгерская кампания 1849 г. и капитан Гусев*
- 55 **В. Е. ШИШКОВ** *Бой «Варяга»: правда или вымысел?*
- 75 **А. В. ШУБИН** *Конспирологи о причинах Февральской революции*
- 100 **А. М. БЕЛОГОРЬЕВ** *«Полуостров» Косово: история, вырванная из контекста*
-

ОСТОРОЖНО, ХАЛТУРА!

- 106 **С. Е. ЭРЛИХ** *Мифом миф поправ, или «Фоме» про Ерему декабризма*
- 112 **А. В. ГОЛУБЕВ** *Две стороны LAP Lambert Academic Publishing: несколько слов о соблазнах и последствиях легкой научной публикации*
-

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Историография памяти

- 115 **В. В. ТИХОНОВ** *Рецензия: Копосов Н. Е. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.*

Наследие империи

- 121 **В. В. ДОЛГОВ** *Украинский национализм: ликбез для украинцев. Рецензия на книгу: Галушко К. Украинский национализм: ликбез для русских, или Кто и зачем придумал Украину. Київ: Темпора, 2010. 632 с., ил.*

131 **В. В. ВОЛОБУЕВ**

Рецензия: Польша в XX веке. Очерки политической истории / Ред.: Г. Ф. Матвеев, А. Ф. Носкова (отв. ред.), Л. С. Лыкошина. М.: Индрик, 2012. 929 с.

Обобщающие исследования

140 **П. В. ПОНАРИН**

Рецензия: Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: НЛО, 2012. 278 с.

144 **М. А. КИСЕЛЕВ**

Как колонизируют историю. Рецензия: Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: НЛО, 2013

159 **М. С. ФАБРИКАНТ**

Рецензия: Jankowski T. Eastern Europe! Williamstown, MA: New Europe Books, 2013. 624 p.

163 **В. Н. СЕРГЕЕВ**

В поисках подлинного исторического материализма. Рецензия: Кагарлицкий Б. Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 528 с.

167 **Т. В. КОСТИНА**

Рецензия: Гуркина Н. К. История образовательных учреждений в России (X–XX века). СПб.: Полторак, 2012. 78 с.

Мир

171 **О. В. ХАВАНОВА**

Рецензия: Karstens S. Lehrer–Schriftsteller–Staatsreformer. Die Karriere des Josef von Sonnenfels (1733–1817), Wien; Köln; Weimar, 2011. 508 S. (Veröffentlichungen der Kommission für neuere Geschichte Österreichs 106). Карстенс С. Учитель–писатель–реформатор. Карьера Йозефа Зонненфельса (1733–1817).

Российская империя

176 **А. А. КИСЕЛЕВ**

Рецензия: Лабутина Т. Л. Британцы в России в XVIII веке. СПб.: Алетейя, 2013. 352 с.

182 **И. В. КУЧУМОВ**

Рецензия: Natalizi M. La rivolta degli orfani: la vicenda del ribelle Pugacev. Roma: Donzelli, 2011. 247 p.

185 **Н. А. МИНИНКОВ**

Рецензия: Александер Дж. Т. Российская власть и восстание под предводительством Емельяна Пугачева / Авторизованный перевод с английского, вступительная статья и примечания к. и. н. И. В. Кучумова. Отв. ред. д-р ист. наук В. Я. Мауль. Уфа: ИП Галимуллин Д. А., 2012. 240 с.

- 190 **Е. П. ЕМЕЛЬЯНОВ** *Рецензия: Олейников Д. И. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2012. 339 с. (Жизнь замечательных людей: Малая серия)*
- 194 **А. С. СТЫКАЛИН** *Рецензия: Н. В. Гоголь и славянские литературы / Отв. редактор Л. Н. Будагова. М.: Индрик, 2012. 568 с.*
- 199 **Е. А. КРЕСТЬЯННИКОВ** *Недавние работы новосибирских и томских историков: размышления о жизни юристов Сибири конца XIX – начала XX в.*

СССР

- 206 **А. Ю. СУСЛОВ** *Рецензия: Мартов Ю. О. Письма и документы. 1917–1922. Сборник / Сост. д-р ист. наук Ю. Г. Фельштинский; вступ. статья, примеч. и указатель д-ров ист. наук Ю. Г. Фельштинского, Г. И. Чернявского. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. 543 с.*
- 209 **В. А. ТОКАРЕВ** *Рецензия на книгу: Коньшова Е. В., Меерович М. Г. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). М.: ЛЕНАНД, 2011. 224 с.*
- 220 **А. Н. КАБАЦКОВ** *Рецензия: Лейбович О. Л. Без черновиков. Иван Прокофьевич Шаповалов и его корреспонденты. 1932, 1953–1957 гг. Пермь, 2009*
- 225 **С. В. СМИРНОВ** *Были ли русские солдаты в Квантунской армии? Рецензия: Яковкин Е. В. Русские солдаты Квантунской армии. М.: Вече, 2014. 320 с.*

Память места

- 230 **Н. Р. СЛАВНИТСКИЙ** *Новейшая историография Несвижского замка. Работы Н. А. Волкова и С. В. Юхо в трудах ВИМАИВиВС*
- 233 **А. Л. КЛЕЙТМАН** *Рецензия: Майорова А. С. История культуры Саратовского края: Культура Саратовского края до начала XX века. (Ч. 1. Конец XVIII – первая половина XIX века). Саратов: Изд. центр «Наука», 2013. 236 с.*
- 238 **А. В. ЖУРАВЕЛЬ** *Рецензия: Прохоров В. Е. Сермяжные истории. Брянск: Белобережье, 2009. 392 с.; Прохоров В. Е. Воспоминания о лихолетье. Брянск: Белобережье, 2013. 246 с.*

А. И. Макаров

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: КОНСТРУКЦИЯ ИЛИ РЕКОНСТРУКЦИЯ?

Чтобы вызвать прошлое в форме образа, надо иметь способность отвлекаться от настоящего действия, надо уметь придавать цену бесполезному, нужна воля к грезам.

*А. Бергсон
Две формы памяти*

Первым импульсом к написанию этой статьи было чувство несправедливости при прочтении статьи мнемоника О. Степанова, в которой была задета профессиональная честь Френсис Амели Йейтс (1899–1981), знаменитого историка «варбургской школы», которая и открыла тему истории европейской мнемотехники.

Книга Фрэнсис Йейтс – это что-то вроде выполнения домашнего задания по теме. Она сама не понимала мнемонику и не смогла ее воспринять, но добросовестно описала все источники <...> Так что читать выводы, которые делает человек, не понимающий сути происходящего, просто открываться на полную катушку¹.

¹ Степанов О. Мнемоника. Правда и вымыслы. Код доступа: <http://www.scorcher.ru/art/mnemonic/mnemonic2.php?printing=1>

Данная оценка тогда показалась мне необъективной и крайне поверхностной, но в память запала. Спустя некоторое время пришлось ее вспомнить. Перечитывая книгу Патрика Хаттона «История как искусство памяти», я обнаружил у автора ту же оценку. В главе «Новое открытие Искусства памяти», отдав дань заслугам Френсис Йейтс в области архивных изысканий, он пишет, что, несмотря на огромную работу по охвату массива источников почти 2000-летнего периода, Йейтс не смогла обнаружить «историческую связь между мнемоникой и более широкой проблемой коллективной памяти»². Далее Хаттон дает ретроспективный обзор идей (от Вико до Гадамера), которые легли в основу «действительно научного»

² Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 53.

подхода к изучению способов и целей репрезентации прошлого. Он убедительно показывает, что только сложный, фундированный философскими, психологическими и социологическими теориями методологический инструментарий позволяет историкам подобраться к корректной постановке задач в своей предметной области.

Это «новое» прочтение книги П. Хаттона (до этого я не обращал внимания на его скрытую полемику с историками-«традиционалистами») заставило меня вспомнить критику О. Степанова. Приведу цитату, иллюстрирующую (по мнению этого специалиста по мнемонике) технологическую некомпетентность Йейтс:

Умиляет цитата из «Феникса» Равенны, где Фрэнсис делится своими умозаключениями: «Чтобы запомнить, что завещание не имеет силы без семи свидетелей, говорит Петр, мы можем вообразить сцену, в которой завещатель диктует свою волю в присутствии двух свидетелей, а затем некая девушка рвет бумагу с завещанием». Как и в отношении классического образа судебного разбирательства, не совсем ясно, чем описанная Петром ситуация, даже если предположить, что Джунипер была своенравна и решительна, помогла бы ему запомнить это простое положение о семи свидетелях» (Глава V, стр. 148). Ну, для мнемоников всё ясно: женщина – Фемиды, разрываемая бумага – возьмите сами и начните рвать перед зеркалом – это римская V (5), а два свидетеля – II (2), то есть все вместе VII (7)³.

Если отвлечься от стиля этого фрагмента (пусть он останется на совести автора), то его содержание составляет типичный упрек в сторону историков в том, что историческое исследование характеризуется слабой прагматической эффективностью. Однако, может быть, для научного сообщества историков это слабый аргумент? Но ведь упрек Хаттона лежит в той же плоскости.

Я думаю, что Хаттон прав. Недостатки работы Йейтс обусловлены ограниченностью исповедуемого ею методологического подхода. Речь идет о подходе историков «традиционной» источниковедческой ориентации, осторожных в интерпретациях, не ориентированных на обновление языка исторического исследования. Надо отдать должное и самой Френсис Йейтс: во введении к своему знаменитому труду «Искусство памяти» она высказывает опасение, что ее подход к истории памяти мог бы вызвать непонимание покойной Гертруды Бинк и Эби Варбурга. Но что сделано, то сделано.

Вопрос об актуальности идеографического метода – это вопрос о полезности подробного и (чего греха таить) не очень увлекательного для современного читателя (и интеллектуального в том числе) перебора сведений, собранных на заданную тему скрупулезным историком-архивистом. Именно к этой академической манере возникают претензии в середине прошлого века. Концепция исторического источника как свидетеля Прошлого подвергается основательной критике. Разноречивая критика была связана,

³ Код доступа: <http://mnemonicon.narod.ru/MNEM2.html>

с одной стороны, с обвинениями историков в наивной уверенности, что они объективны и бесстрастны в своих исследованиях, а с другой — с потерей влияния на общественно-политическую практику историографического классического дискурса.

Что же предлагали историкам критики исторического позитивизма? М. Фуко, Ж. Деррида, Р. Барт, Ю. Кристева и их последователи призывали к резкой смене предметного поля исторической науки, заимствованию методов в смежных гуманитарных науках (и прежде всего философской герменевтики) и перестройке языка текстов. Наиболее скандальным предложением было предложение использовать «критику идеологического дискурса» применительно к научному дискурсу историков, то, что история историков — это вид идеологии, для этих последователей Фридриха Ницше было очевидно. Более приемлемым было предложение «беллетризировать» научные тексты в целях приближения к ним широких кругов читающей публики, — что по форме потребовало сближения научного и литературного языка. Все эти предложения можно назвать «вызовом постмодернизма»⁴. Он в частности состоял в том, чтобы вернуть в историческую науку не только методологическую, но и философскую рефлексию самого языка этой дисциплины. А это уже было почти прямое предупреждение о том, что к историкам стучится философия

⁴ См. подробнее обзор методологических дискуссий в статьях Г.И. Зверевой, Л.П. Репиной, В.П. Визгина, И.Н. Ионова в сборнике «Одиссей. Человек в истории». (М., 1996).

истории. Это — философия истории нового образца: философия языка истории и критика нарративистики.

Советские, а затем и российские историки оказались не очень-то готовы к диалогу с этими радикальными (по меркам советской историографической традиции) мыслителями. Однако движение в эту сторону всё равно началось и связано оно было с методологическими идеями антропологизации исторической науки. Здесь значительный вклад сделал А.Я. Гуревич⁵.

Одной из самых востребованных тем междисциплинарного взаимодействия — стала тема исторической памяти. Историографию проблемы исторической и культурной памяти находим в работах Л.П. Репиной⁶. В последнее время наблюдается взрывной интерес к этой проблематике во всем мире. Я. Ассман и П. Нора предположили, что это связано с осознанием утраты нынешним поколением живой памяти об ужасах последней мировой войны с одной стороны и с тенденцией хранить память о прошлом исключительно в профессиональных сообществах и на внешних носителях (книгах и архивах). Как горько пишет П. Шоню об этой склонности современного человека всё быстро забывать: «Не знаю ничего более

⁵ См. его программную статью: *Гуревич А.Я.* О кризисе современной исторической науки // *Вопр. истории.* 1991. № 2/3. С. 21–35.

⁶ См. об этом подробнее: *Репина Л.П.* Память о прошлом как яблоко раздора, или Еще раз о (меж)дисциплинарности // *Исторический журнал: научные исследования.* 2013. № 1. С. 25–32.

мучительного, чем постепенно тускнеющий в памяти облик близкого вам человека, которого уже нет в живых. Вы чувствуете себя предателем»⁷.

Рассуждая о продуктивном влиянии на исторические исследования коллективной и индивидуальной памяти, Хаттон справедливо связывает их с философскими и социологическими теориями. Действительно, благодаря социологии М. Хальбвакса, философии М. Фуко и Х.Г. Гадамера — их понятийным и методологическим инновациям, на исследовательском горизонте историков появились ключевые понятия «коллективная» и «индивидуальная память», «места памяти», «меморативная политика», получили широкое распространение структуралистский и феноменологический методы, способные объединить различные дисциплинарные области гуманитарных и социальных наук. Другими словами, историографический аспект такой темы, как память и забвение, не только неотделим сегодня от смежных дисциплин, занимающихся всесторонними исследованиями процесса запоминания/забывания/репрезентации следов/воспоминания, но и возникла необходимость междисциплинарного синтеза, который бы позволил наконец сформировать целостный взгляд на взаимовлияние различных типов знания, формирующих представление о прошлом⁸.

Но сохраняет ли хоть какую-то актуальность традиционный подход к историческому источнику, традиционный язык историографического описания? Я изложу свою позицию по этому вопросу (т. е. выдвину тезисы и приведу аргументацию).

Заблуждение классической философии и науки Нового времени состоит в том, что она посеяла в умах ученых надежду на связь научного метода с неким «чистым разумом», способным делать знания о человеке, культуре, истории объективными в естественнонаучном смысле этого слова. Из этого допущения вытекают две ложные сциентистские установки:

— убежденность в способности источников отражать исторические факты, т. е. сохранять и транслировать информацию о контексте времени своего происхождения;

— убежденность в том, что ученый — это так называемый «частный мыслитель», который может выйти из-под социального контроля своей референтной группы (в силу дисциплинированности своего мышления научным методом) и стать носителем всеобщего сознания, позволяющего ему понимать прошлое как Другое время.

Эти теоретические установки были оспорены в XX в. в рамках неклассического подхода к изучению прошлого. Фраза Ф. Ницше: «фактов не существует, есть только интерпретации» открыла пути для переопределения не только цели историографии, но и самой природы исторического знания. Сегодня

⁷ Шолю П. Во что я верую. М., 1996. С. 30.

⁸ См.: Савельева И. М. Перекрестки памяти // Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 420.

эта ницшеанская нигилистическая критика объективизма представлена теорией «критики идеологии», в рамках которой научная историография рассматривается как исключительно политический, насквозь пропитанный «волей к власти» дискурс.

Я не разделяю этого радикально-конструктивистского подхода. Однако нельзя не признать, что отчасти знание о прошлом имеет реконструктивный характер, а частью это конструктор. Понимание реалий прошлого всегда соединяется с реалиями мышления исследователя, детерминированными его собственной темпоральностью. Конструктивистский характер результатов научного исследования всё же не перечеркивает полностью возможность встречи с реальным прошлым, не превращает прошлое в фикцию воображения, в фанатизм политически ангажированного сознания и памяти. В то же время нужно отметить, что отмеченная специфика мышления исследователя делает невозможной реализацию сциентистского идеала: историческое исследование зависимо от работы воображения. В этой связи можно утверждать, что нельзя восстановить объективную фактичность прошлого, но можно реконструировать *реальное* прошлое.

Итак, вся соль предлагаемого нами варианта решения проблемы научной репрезентации прошлого — в замене концепта «объективное прошлое» на концепт «реальное прошлое». И это спор не о словах, а о механизмах работы сознания

и мышления с исторической «материей» самого исследователя.

Историческая память — это многоуровневая информационная система, в структуру которой входит не только феномен индивидуальной памяти, но и структуры надиндивидуальной памяти. Многие эффекты памяти далеко выходят за рамки процессов, протекающих в головах отдельных людей. Надиндивидуальная, социальная, коллективная память — это понятия, призванные указать на то, что память индивидов формируется и функционирует в поле социальной коммуникации. Культура является «веществом», в котором проявляется рисунок силовых линий социальности или структур надиндивидуальной памяти. Материальные, вещественные артефакты — это застывшие формы этого рисунка структур памяти. В этой связи можно говорить о коммуникативной, вещной и культурной памяти⁹.

Со смертью людей информация об их деяниях остается в компактифицированном виде в текстах культуры. При грамотной герменевтической работе эта информация может быть разархивирована и дешифрована. Историческим источником может быть любой артефакт, к которому подобраны соответствующие коды.

Прочтение источника — это его интерпретация или перекодирование с языка прошлого на язык насто-

⁹ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 52–58.

ящего. Когда происходит перекодирование с одного уровня символов (с языка источника) на другой уровень (на язык читателя), то возникающие при этом новые значения позволяют состояться пониманию, осознанию смысла текста. При этом роль организатора содержания сознания выполняют схематизмы (паттерны) мышления. Индивидуальные схематизмы мышления детерминированы не биографическим опытом индивида, не индивидуальной памятью, а коллективной. Соотнесенность индивидуального сознания с коллективным делает возможным извлечение из источника информации о реальном прошлом. Реальное знание о прошлом — это знание о реальном прошлом группы, т.е. о символах, которые были причиной объединения индивидов в группу. Именно эта социогенная информация и может быть извлечена в процессе «допроса» источника исследователем, который получает такую возможность в силу того, что он сам в какой-то мере включен в исторический процесс актуализации значений символов группового единства. Реальное прошлое — это традиция, сохраняемый и передаваемый через поколения социальный опыт. В силу своей включенности в поле социальности (одной из характеристик которого является темпоральность) источник может сообщить о действительном прошлом тех фрагментов исторического времени, в которых он возник и функционировал. Такое исследование есть герменевтическое проникновение в дух источника. Это еще одна причина, по которой добытое исследователем сообщение является сообщением не об

историческом факте (в историцистском смысле этого слова), а о социальном. Любая реконструкция является не фактографией некой «всеобщей истории», а действенным рассказом о символах той группы, которой это сообщение позволяет поддержать групповую идентичность. В этом смысле история — это не изучение жизни, а то, что приносит жизни пользу или вред, — в зависимости от того, продолжается ли благодаря такой истории коллективная форма жизни или разрушается.

Итак, с одной стороны исторический дискурс связан с архетипами, уходящими своими корнями в прошлое группы, а с другой — с политической фантазией, направленной в будущее этой группы. Исторический нарратив — это конструкт традиции и политического воображения. Он оформляется с помощью образов: они одной своей частью обращены в прошлое, а другой — в будущее. Причем это будущее может быть фиктивным, а может быть реальным, грядущим. Это зависит от степени совпадения политической фантазии писателя и читателей. В связи с этим тезисом известное выражение о том, что «историк занимается прошлым, а не будущим; мертвым, а не живым», является результатом недостаточно отрефлексированной методологии.

Понимание, как и любая герменевтическая работа, сопряжено с воображением. В этом смысле идеал бесстрастной рациональности фиктивен. Труд дешифровки источника неразрывно связан с игрой воображения. Если подавить воображение,

то источники замолчат. Постоянно вспыхивающие при работе с источником смыслы меняют векторы мысли и исследовательскую программу. Поэтому, например, введения к исследованиям пишутся в конце исследования.

Данная трактовка природы исследовательской деятельности ставит под сомнение классический идеал объективности исследования, но она не упраздняет для него прошлого классического критерия истинности. А это в свою очередь позволяет говорить об объективно-

сти исторических исследований, и следовательно — об истинности образов прошлого коллективной исторической памяти людей, для которых пишет историк. Итак, я утверждаю, что прошлое — объективно. Объективно в том смысле, что образы, через которые действуют смыслы и происходит понимание, принадлежат не только памяти отдельного человека, но связаны с надындивидуальной культурной памятью. Это объективность здравого смысла, коллективных представлений человечества о своем прошлом.

В. В. Ведерников

ЭТЮД В БАГРОВЫХ ТОНАХ, ИЛИ СУМЕРКИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

В Санкт-Петербурге с 16 февраля по 2 марта работала выставка, посвященная юбилею восшествия на престол династии Романовых. Открытая в Москве в День народного единства, 4 ноября 2013 г., она прошла в столице с триумфальным успехом. О ее популярности и востребованности говорит тот факт, что попасть на мероприятие было непросто. В свое первое посещение, во второй половине дня, я не успел ознакомиться со всеми экспонатами (площадь выставочного павильона более 4 тыс. кв. м), и в следующий раз мне уже пришлось примерно час провести в очереди, а в последние дни, как рассказывают, ждать приходилось и много больше: 3–4 часа. По моим наблюдениям, неорганизованные посетители — в основном лица среднего и старшего возраста, а среди экскурсионных групп преобладают школьники. Следует отметить хорошую организационную подготовку мероприятия. Организованные группы слушали рассказ экскурсовода, а рядовые посетители при желании могли взять напрокат аудиогuida, который, впрочем, лишь дублировал тексты, размещенные на планшетах.

жало интригу. История государства должна стать «моей» историей и одновременно историей православия. Решить такую задачу чрезвычайно трудно. Что же удалось организаторам и в чем они потерпели неудачу?

Как ни парадоксально это звучит, но мемориальные комплексы, посвященные последнему императору, появились в молодой советской республике чуть ли не сразу после Октября. Уже в 1918 г. жилые помещения семьи Николая II в Александровском дворце Царского Села стали музеем. В 1927 г. к десятилетию революции был открыт музей в доме Ипатьева, в парке Александрия Петергофа стоял исторический салон-вагон, где император подписал манифест об отречении от престола, в Зимнем дворце посетителям демонстрировали покои российских императоров, а комнаты последнего государя, по словам В. В. Шульгина, нелегально посетившего СССР в конце 1925 — начале 1926 г., охранялись «с особой тщательностью»¹. Но интерес этот был специфическим. Мне кажется, что трагическая гибель царской семьи мрачной тенью легла на правление большевиков. Пропагандисты

Название выставки «Романовы. Моя история. Православная Русь» содер-

¹ Шульгин В. В. Три столицы. М., 1991. С. 317.

выбивались из сил, изображая последнего императора человеком недалеким, ограниченным, враждебным стране и народу. Такое же представление закреплялось в историческом сознании и обо всей романовской династии. В фильме «Доживем до понедельника» школьник говорит учителю, что с царями (за исключением, быть может, только Петра Великого), России не везло. Фильм вышел на экраны во второй половине 1960-х гг., и примерно тогда же происходят знаменательные перемены в общественном сознании. Несмотря на все пропагандистские усилия, Чапаев становится популярным персонажем анекдотов, а «белые» обретают романтизированный ореол героев, в общественном сознании формируется идеализированный образ императорской России и царственного мученика. Тогда же уничтожаются и памятные места, связанные прежде всего с последним представителем правящей династии и его семьей. В сентябре 1977 г. власти Свердловска, выполняя указания Политбюро и КГБ, снесли исторический особняк Ипатьева.

В годы перестройки и постсоветскую эпоху канонизация последнего императора, торжественное перезахоронение жертв екатеринбургской трагедии вызвали обильный поток сусальной литературы, столь же далекой от взвешенных и точных оценок, как и предшествующая обличительная.

Вне всякого сомнения, правящая династия оказала значительное влияние на формирование культуры и приобщение населения к западным

стандартам жизни. Благодаря личной инициативе Екатерины Великой был основан Эрмитаж, а внук императрицы Николай I сделал его общедоступным музеем, Александр III приложил много усилий для создания Русского музея, Николай II покровительствовал «Миру искусства». С Романовыми связана и традиция благотворительности, почти угасшая в советскую эпоху. По инициативе Петра Великого в России была учреждена Академия наук, а Николай I сделал очень много для создания национальной научной школы. Разумеется, система самодержавной монархии усиливала значение личностного фактора в управлении империей. Были на престоле и «революционеры», вроде Петра Великого, и великие реформаторы — Екатерина и Александр II, и консерваторы — Николай I и Александр III. Крайне неоднозначной представляется и политическое лицо последнего государя. Попытки изобразить его традиционалистом, поклонником допетровской Руси вызывают обоснованные возражения. Создание законодательной Думы, провозглашение свободы вероисповедания, отмена цензуры, аграрная реформа по масштабам и значимости вполне сопоставимы с преобразованиями Эпохи великих реформ.

Итак, тема могла быть раскрыта и путем рассказа не только об императорах, но и о наиболее выдающихся личностях правящей династии, которую представляли меценаты (вел. кн. Елена Павловна), ученые (Александр Петрович, принц Ольденбургский), поэты (вел. кн. Кон-

стантин Константинович), историки (вел. кн. Николай Михайлович), православные подвижники (вел. кн. Елизавета Федоровна). Организаторы пошли по другому пути.

Представьте на минуту, что 2 марта 1917 г. великий князь Михаил последовал совету П. Н. Милюкова и, поддержанный верными воинскими частями, возглавил борьбу против крайних течений. Вовлеченная в гражданскую войну, Россия вынуждена была смириться с независимостью Украины, Польши, Финляндии и Прибалтики с Литвой, но удержала Закавказье. Внутренний конфликт затянулся до 1920 г., и в Версальской конференции страна не участвовала, но на территории великорусского ядра была сохранена конституционная монархия, которая в 2013 г. отметила 400-летие правления династии. Пустые фантазии, – скажете вы, – история не имеет сослагательного склонения. Это, конечно, так. Но когда я ознакомился с выставкой, меня не покидало ощущение, что именно таким путем развивались события за последние 100 лет, и все новейшие технические достижения, блестяще использованные организаторами мероприятия, служат одной цели: доказать безальтернативность даже не монархии – самодержавия, которое, по выражению Н.М. Карамзина, было «палладиумом России».

Собственно, личностей, Романовых, нет или почти нет. Есть самодержцы (о великих князьях ничего не говорится), есть православная церковь и враги России, представленные «ворами», изменниками

бунтовщиками, заговорщиками и революционерами, а также враждебное России зарубежье. И не случайно история династии начинается не рассказом о происхождении Романовых и их роли в судьбах Московского царства, а с периода Смутного времени. Первое, что бросается в глаза посетителю, – яркое полотно, точнее, анимированный коллаж, изображающий пожар Москвы. Преобладает тревожный мерцающий ярко-красный цвет. И тут же, прямо на полу, располагаются две поверженных скрижали, повествующие о вступлении в Москву Лжедмитрия I и низложении ставленника Годунова патриарха Иова. Рядом, слева, новая скрижаль, стоящая вертикально, на которой начертаны слова: «Когда в Москве получены были первые вести о сборах Минина и Пожарского, святейший Ермоген сказал: “Да будет над ними милость от Бога <...>, а на изменников пусть изливается гнев Божий”». Самодержавная государственность, связанная с православием и противостоящие этой государственности враги – вот главные темы экспозиции. Особую роль играет цветовая гамма. Красный цвет, цвет пожара и крови, преобладает в стендах, посвященных врагам страны, а в повествовании о представителях династии доминантой являются спокойные лазоревые или зеленые тона. Всё это создает определенный эмоциональный настрой, своеобразное «умозрение в красках». Перед большими стендами – сенсорные панели. Один клик пальцем – и все сложные и «проклятые» вопросы отечественной истории решены! Основные стенды сопровождаются и соответствующими цитатами

из исторических документов, трудов ведущих российских историков или зарубежных политических и общественных деятелей, которые дают оценку ситуации в стране, характеризуют эпоху и народ России. Они размещены на матерчатых полотношцах, напоминающих хоругви. Утомленный информацией о политических проблемах, посетитель отдыхает, читая сведения о развитии бытовой культуры. Я с интересом узнал о том, что в царствование Павла Петровича в России впервые получили сахар из свеклы, а белая акация была посажена в стране в царствование Александра I. Дополнительно в трех отдельных залах можно посмотреть видеоряд, посвященный развитию военного дела, культурным достижениям императорской России, а завершает выставку кинохроника, демонстрирующая эпохальные события советской и постсоветской истории. Эпоха сжата, уплотнена, возникает эффект ускоренной съемки. Звучит сюита Г. Свиридова «Время, вперед!», и под эту музыку монументальные глыбы, составившие фундамент социализма, на глазах ветшают и превращаются в песок эпохи застоя, энергия строителей уходит в ритуальные формулы о духе революции, престарелые вожди слушают марш о молодом Ленине и юном Октябре, что впереди. А впереди – новый октябрь, октябрь 1993 г., кризис власти и возрождение страны в новом тысячелетии. Хочется ли прокрутить ленту назад, чтобы вернуться в благословенные времена мощной империи? Нет, скорее – увидеть вторую серию «Русского чуда», в которой продолжится строительство

возрожденной имперской государственности.

Пафос выставки – восстановление связи времен, связи, прерванной революционной эпохой. Эту связь организаторы постоянно подчеркивают, иногда, возможно, с излишним нажимом. Хотя в экспозиции и нашла отражение тема культуры, но главным достижением страны выступает рост территории и населения, что в условиях враждебного окружения возможно только при наличии сильной армии и флота. Далеко не случайно организаторы выставки приводят высказывание, приписываемое Александру III: «У России нет друзей. Нашей огромности бояться». Забота императоров об армии и флоте перекликается с темой возрождения мощи и величия современной России. Тема «темных сил», враждебного окружения страны находит свое завершение в цитате из выступления действующего президента: «Слишком часто в национальной истории вместо оппозиции власти мы сталкиваемся с оппозицией самой России. И мы знаем, чем это заканчивалось: сносом государства как такового».

Кто же представляет опасность для российской государственности? Это, несомненно, враждебное западное окружение. «Герои» Смуты – марионетки в руках польского правительства. «Мы, поляки, посадили на Московский трон государя, который назывался Дмитрием, хотя он им и не был». Этим высказыванием Яна Сапеги подводятся итоги первой в истории России гражданской войны. Врагами являются и «воры»,

предводители народных восстаний. Движения Степана Разина и Емельяна Пугачева оцениваются как разбойничьи экспедиции, сопровождаемые массовыми убийствами, похищением имущества, насилием. Но есть и «воры» внутри государственного аппарата. В кроваво-красный цвет окрашен стенд, посвященный непродолжительному царствованию Екатерины I и Петра II, а всё из-за попытки «верховников» хитростью похитить самодержавную власть и ввести представительный образ правления. С середины XVIII в. враги персонализированы. Это масоны. Ссылаясь на некий «Исторический словарь» (почему не на «Историческую энциклопедию»?) авторы экспозиции определяют масонство как «движение, созданное с целью влияния на властные структуры государства». Судя по дальнейшему тексту, масонство, пришедшее в Россию извне, ставило целью не столько влиять, сколько расшатывать государственные структуры. Его деятельность была успешно пресечена Николаем I в 1825 г., но через 92 года масонам под руководством «пятерки» (А.И. Коновалов, М.И. Терещенко, А.Ф. Керенский, И.Н. Ефремов и Н.В. Некрасов) удалось реализовать преступный замысел и ликвидировать монархию. Врагами самодержавия были и русские революционеры, часть которых (декабристы, М.А. Бакунин, деятели Февраля 1917 г.) одновременно сохраняли связь с масонскими ложами. Ряды носителей антигосударственных идей, судя по тематике экспозиции, пополняли и «инородцы». Эта тема впервые возникает на стенде, посвященном декабристам, где наряду

с известными организациями упоминается тайное общество Херут, ставившее своей целью освобождение евреев в России и Европе и образование отдельного еврейского поселения «где-нибудь в Крыму или даже на Востоке». Среди активных разрушителей монархии упоминаются Евно Азеф, А.Л. Парвус (Гельфанд), Л.Д. Троцкий (Бронштейн) и В.И. Ульянов, чьи национальные корни для знающих людей большого секрета не составляют.

Что и говорить, концепция отечественной истории в таком исполнении предстает цельной и, на первый взгляд, непротиворечивой. Да, непротиворечивой, если зритель либо сам является носителем определенной идеологии, либо не слишком хорошо знает отечественную историю, но убежден, что и в школе, и в вузе его «обманывали». Эта вера в обман сродни вере в черную магию. Родилась она на волне перестройки, когда на неподготовленного слушателя и читателя обрушилась масса новой, непривычной информации, разрушавшая устоявшуюся картину мира. А затем появились А.Т. Фоменко, Г.В. Новосовский, В.М. Кандыба, Сионские протоколы, Дощечки Изенбека, — да что только не обрушилось на голову неподготовленного читателя! Ведь история для рядового потребителя информации — это прежде всего занимательное повествование. Источниковедческая составляющая профессиональной работы остается чаще всего за бортом. Совершенно непонятно, почему одному «рассказу» можно верить, а другому нельзя. Собственно и выставка, где нет экспонатов, это тоже

красивый, ярко проиллюстрированный эпос, которому так хочется верить! Новый золотой сон о России, России, которую мы потеряли, но можем вновь обрести. А между тем...

Между красивым рассказом и историческими фактами нет состысков, а иногда лежит пропасть.

Вспомним начало: пожар Москвы, который стал лейтмотивом выставки, окрасив деятельность заговорщиков и изменников в кроваво-красные тона. Пожар действительно был, но произошел он вовсе не в годы правления Лжедмитрия I, как можно подумать из сопроводительных надписей, а в годы Семибоярщины, в 1611 г. Это событие действительно стало переломным, разрушив надежды на достижение мира с Речью Посполитой, но ведь до этого были и 7 лет жестокой гражданской войны!

В советской историографии Смута была искусственно разделена на период крестьянской войны и интервенции. Внутренние неурядицы объяснялись внешним воздействием. Эта давно преодоленная концепция лежит в основе рассказа о Смуте. Но современные исследования установили, что говорить о польской интервенции как скрытой пружине самозванческой интриги не приходится. Сигизмунд III, который вел войну со Швецией, был заинтересован в сохранении мира с восточным соседом, а движущей силой движения Лжедмитрия I стали служилые и вольные казаки северских земель. Названный Дмитрий действительно широко

раздавал обещания Сигизмунду III и католической церкви, но, воцарившись в Москве, вовсе не спешил их выполнять. Численность польских всадников в войске Первого самозванца была невелика, от 700 до 2 тыс. чел.² Иностранцы в окружении Самозванца играли роль личной опоры его власти (их можно сравнить с «немцами» в окружении Петра Великого) и отнюдь не были проводниками воли правящих кругов Речи Посполитой. Отметим, что «поляки» и «литва», о которых пишут русские источники, вовсе не обязательно были католиками. Среди них значительная часть — православные жители Речи Посполитой. «У нас в рыцарстве большая половина русских людей», — отмечал в начале 1611 г. гетман Ян Сапега³.

Более значительна роль выходцев из Польши в войске Лжедмитрия Второго. К началу 1610 г. они составляли более 10 тыс. чел.⁴ Но опять-таки это была служилая дворянская мелкота, привлеченная обещаниями Самозванца платить высокое жалование. По авторитетному утверждению современного исследователя, «Ян Петр Сапега руководствовался в первую очередь личными интересами и интересами войска, которым он командовал,

² *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба в русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 265; *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 60.

³ *Флоря Б. Н.* Образ поляка в древнерусских памятниках // *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 382.

⁴ *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 71.

а не интересами короля или Речи Посполитой»⁵. Действительными организаторами интриги были бывшие участники движения И.И. Болотникова, в частности казачий атаман И.М. Заруцкий. Современный исследователь Смуты И.О. Тюменцев приходит к выводу, что «правлящие круги Речи Посполитой не принимали никакого участия в подготовке русских самозванцев в 1606–1607 гг.»⁶.

Непростой была и роль Романовых в событиях Смутного времени. Историки, ссылаясь на косвенные данные, не исключают того, что движение первого самозванца было поддержано опальным старомосковским боярским родом. После свержения Годунова Филарет стал митрополитом Ростовским. Поддержав свержение Лжедмитрия, он вскоре начал интриговать против царя Василия Шуйского и, став патриархом тушинцев, стоял «во главе <...> больших чинов и высокой породы» в лагере Вора⁷. В момент распада тушинского лагеря именно Филарет инициировал переговоры с польским королем с целью пригласить на московский престол королевича Владислава. Для переговоров о воцарении Владислава он отправился в Польшу, присягу польскому королевичу принесли и остальные Романовы. Р.Г. Скрынников указал, что «Романовы занимали видное место среди тех, кто «воровал» с Литвой, иначе говоря,

был пособником иноземных завоевателей. Боярин Иван Никитич Романов усердствовал в службе царю Владиславу. Стольник Михаил жил на подворье Романовых в Китай-городе у дяди. Инокиня Марфа была при сыне. Стольник не проявлял желания перебраться за стены Кремля и перейти на сторону земских воевод и народа, как то делали сотни дворян»⁸. Из этого, конечно, вовсе не следует, что Романовых надо числить изменниками. В условиях кризиса государственности, как писал С.Ф. Платонов, «московское население думало восстановить порядок признанием унии с Речью Посполитою и поэтому призвало на московский престол королевича Владислава»⁹. Непременным условием возведения королевича на престол был его переход в православие¹⁰. Это условие патриарх Филарет стойко отстаивал на переговорах с польским королем¹¹. Сложные реалии Смуты очень трудно уложить в жесткую схему, где «патриоты» противостоят «изменникам».

Крайне тенденциозна и информация о декабристах. Новейшие исследования, и прежде всего книга О.И. Киянской дают материал, позволяющий говорить о жестокости и аморализме одного из руководителей Южного общества П.И. Пестеле¹². Всё так. Но желая,

⁵ Там же. С. 73.

⁶ Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 84.

⁷ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве. М., 1937. С. 316.

⁸ Скрынников Р.Г. Михаил Романов. М., 2005. С. 95.

⁹ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты... С. 341–342.

¹⁰ Козляков В.Н. Смута в России. XVII в. М., 2007. С. 306–307.

¹¹ Скрынников Р.Г. Михаил Романов. С. 75.

¹² Киянская О.И. Павел Пестель: Офицер, разведчик, заговорщик. М., 2002.

по-видимому, изобразить декабристское движение исключительно «в багровых тонах», организаторы идут на прямые передержки и искажение фактов. Декабризм — филиал международного масонства. Его цель — «истребление царской семьи и разделение страны на несколько “держав”». Начнем с того, что представления о некоей общеевропейской заговорщической организации восходят к книге противника Великой французской революции аббата Баррюэля¹³. Можно говорить об идейном влиянии на общество декабристов форм европейских тайных обществ, но существование некоего общеевропейского тайного общества является, конечно, мифом. Масонское братство, объединяющее людей вне зависимости от сословной или конфессиональной принадлежности, вполне естественно стало матрицей для создания внесословных политических организаций в период перехода от сословного общества к обществу гражданскому¹⁴. Цель масонов — духовно-нравственное совершенствование человека. Это скорее консервативный идеал. И не случайно масоном, как известно, был Н. М. Карамзин, который представлен организаторами мероприятия в качестве положительного персонажа (естественно, без

¹³ Баррюэль О., аббат. Вольтерианцы, или История о якобинцах, открывающая все противохристианские злоумышления...: в 12 ч. М., 1805–1809.

¹⁴ Подробнее см.: Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 242–255; Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003.

всякого упоминания о масонском прошлом). С другой стороны, портрет просветителя и книгоиздателя Н. И. Новикова представлен (правда, без пояснительной подписи) в числе злодеев-масонов, врагов страны. Отождествлять всех декабристов с царевубийцами явно неправомерно, а под «расчленением» России авторы, скорее всего, подразумевают план федеративного устройства государства, предложенный Н. М. Муравьевым. В голову закрадывается крамольная мысль: уж не считают ли организаторы выставки создание федеральных округов реализацией масонских замыслов по развалу России?

Григорий Абрамович Перетц, крещеный еврей, сын откупщика, действительно в начале 1820-х гг. был знаком с декабристом Ф. Н. Глинкой, придерживался либеральных убеждений, но в Союз Благоденствия, по всей вероятности, принят не был. Об организации, которая, по мысли Перетца, должна была действовать параллельно Союзу Благоденствия, известно немного. Общество не имело ни устава, ни общих собраний, а его члены даже и не знали друг друга. Единственным связующим звеном была личность самого Г. А. Перетца, который периодически посещал принятых в организацию. Слово «хейрут» (свобода) было своеобразным паролем, по которому члены революционной организации могли бы опознать друг друга. При этом, по словам самого Перетца, «надобности таковой не встретилось»¹⁵.

¹⁵ Восстание декабристов. М., 2001. Т. 20. С. 72.

Если даже признать такое странное образование революционной организацией, то следует сказать, что она прекратила свое существование в 1822 г., когда Перетц отошел от общественной деятельности¹⁶.

Авторы экспозиции постоянно приносят точность в жертву предвзятой концепции. Вот, скажем, речь идет о рождении российского терроризма. Тут вполне уместна была бы справка, опровергающая широко распространенное представление о нашей стране как родине политического террора. Методы политических убийств широко применялись в европейском освободительном движении задолго до возникновения «Народной воли», а в самой России методы политического террора впервые стали широко использовать деятели польского освободительного движения в период революции 1863 г. Инициаторы выставки, однако, считают родоначальницей терроризма организацию «Свобода или смерть». Посетитель может прочесть, что она является секретной террористической группой (интересно, а бывают террористические группы, действующие открыто, легально?), организованной в 1879 г. На ее союзе якобы убийства множества неповинных людей. Эта справка крайне неточна. Действительно, в период кризиса «Земли и воли» возникло это общество сторонников политической борьбы в форме террора, но никакими практическими действиями оно себя не проявило, позднее слившись с «Народ-

ной волей»¹⁷. О составе этой группы ничего не говорится. Может быть, потому, что одним из учредителей ее был Л. А. Тихомиров, активный народоволец, а позднее — раскаявшийся революционер, видный публицист консервативного лагеря, теоретик монархической государственности? Говорю об этом только для того, чтобы показать: простые схемы редко применимы к живому историческому процессу. Крови было пролито в России немало как правительством, так и революционерами. Зачем же анализ серьезной проблемы подменять очередным мифом?

Собственно на стендах выставки не содержится никакой информации ни о повседневной жизни «низов», ни о положении национальных окраин империи Романовых. Говорится об отмене крепостного права, но о его установлении, росте численности крепостного населения, постепенном освобождении дворян от обязательной службы посетитель ничего не узнает. Может быть, именно поэтому любые проявления недовольства получают титул «мятежа»? Собственно, один из инициаторов концепции выставки, писатель А. А. Мясников, автор нескольких популярных книг по истории¹⁸, прямо объясняет суть своей концепции: «Движущими инструментами истории являются

¹⁷ Подробно о ней см.: Якимова В. А. Группа «Свобода или смерть» // Каторга и ссылка. 1926. № 3. С. 14–16; Троицкий Н. А. Крестьянство социализма. Саратов, 2002. С. 243–244.

¹⁸ Мясников А. А. 1) Властители отечества. М., 2012; 2) Сто великих достопримечательностей Москвы. М., 2012; 3) Сто великих достопримечательностей Санкт-Петербурга. М., 2011.

¹⁶ Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 300–304.

не революции, а случаи и предательство, за которыми непременно кто-то скрывается»¹⁹.

Теперь о личностях, которые стали «героями» выставки. Материал распределен по числу царствующих особ. Конечно, значительное место уделено Петру Великому, который предстает верным и набожным сыном Православной Церкви, крупным реформатором, создавшим армию, флот, выигравшим крупную и тяжелую войну. Тут спорить особенно не о чем. Пожалуй, стоило бы сказать о цене реформ, о возможных альтернативах жесткому курсу преобразователя. Но вместо этого мы узнаем об «измене» царевича Алексея. Жестокая семейная (и государственная) трагедия разрешена просто и однозначно!²⁰ Подозреваю, что великий преобразователь удостоился высокой оценки прежде всего как государственный, создатель бюрократической машины, а вовсе не как «западник», ценивший личную инициативу.

Совершенно иначе выглядит Эпоха великих реформ. О преобразованиях рассказано чрезвычайно сухо, а оценка крестьянской реформы словно заимствована из советских учебников истории. По моему мнению, главный недостаток реформы — ее незавершенность. Она так и не создала полноценной собственности крестьян на землю, не упразднила общину. Консервация сослов-

¹⁹ См.: <http://www.veche.ru/news/show/332/> (последняя дата обращения 11 марта 2014).

²⁰ О возможных альтернативах реформ и «деле» царевича Алексея см.: Гордин Я. А. Меж рабством и свободой. СПб., 1994.

ного крестьянского самоуправления и волостных судов сильно затруднила создание всесословного гражданского общества, без чего реформы были обречены на провал. Вместе с тем не стоит забывать и того, что всё же слово «свобода» было произнесено для 20 миллионов бесправных крепостных. Организаторы выставки, однако, главный недостаток преобразований видят в том, что реформа была проведена во имя защиты интересов дворян-помещиков, что совершенно неверно! Лишенные дарового труда и частично земли, не получившие адекватной компенсации дворяне с большим трудом могли приспособиться к новым способам хозяйствования.

Из Великих реформ Александра II очень сухо говорится только о земской и судебной реформах. Развитие просвещения, облегчение цензурных тягот, финансовые преобразования, амнистия деятелям тайных обществ — всё это осталось вне поля зрения организаторов выставки.

Зато вполне ожидаемо высокую оценку получает деятельность Александра III, миротворца, усмирителя революционного движения, государя, при котором новый импульс получило развитие российской экономики. Собственно, спорить с организаторами выставки я бы не стал. Действительно, деятельность этого императора для русских консерваторов начала XX в. представлялась золотым временем, подобно тому, как для славянофилов таким же идеалом было царствование Алексея Михайловича. Не стал бы, если бы

они учли и представили еще одно обстоятельство: давая толчок развитию крупной промышленности, правительство одновременно хотело законсервировать традиционную сословную структуру общества. Эти два разнонаправленных вектора не могли не привести к тому же сточайшему системному кризису, который охватил империю в начале XX в.

Само собой разумеется, преждевременная и неожиданная смерть императора вновь объясняется внешними причинами: катастрофа царского поезда в Борках была не чем иным, как следствием покушения на государя, организованного революционерами. Не беда, что обстоятельства катастрофы были детально расследованы комиссией под председательством А. Ф. Кони, что никто ни до ни после революции не взял на себя ответственности за покушение. Авторы ссылаются на некое известие о покушении на императора, найденное в бумагах генерала Н. Д. Селиверстова, с начала 1880-х гг. проживавшего в Париже. Это известие содержится в воспоминаниях В. А. Сухомлинова²¹. Он лично генерала не знал, описи его бумаг не осуществлял и, вероятно, передает один из петербургских слухов. Но известие о мнимом покушении соответствует схеме, в согласии с которой золотые годы царя-мироотворца были искусственно сокращены силами, враждебными государству²².

Триумфом самодержавия и одновременно трагедией предстает правление последнего российского императора. Авторы утверждают, что к 1914 г. Россия «по уровню жизни и развития Россия отставала только от четырех стран мира». О каких странах идет речь, составители предусмотрительно умалчивают, поэтому трудно сказать, по каким критериям подводился итог. Возьмем итоговые данные, приведенные в капитальном исследовании Б. Н. Миронова. Специально оговорюсь, Б. Н. Миронов считает, что дореволюционная Россия развивалась бурно и динамично, и только война и революция приостановили модернизацию страны. Ученый провел сравнительный анализ семи ведущих стран (Россия, Австрия, Великобритания, Германия, США, Франция, Япония) к 1913 г. По уровню грамотности, числу студентов на 10 тыс. чел. населения, потреблению мяса, сахара Россия находилась на последнем месте, зато лидировала по потреблению картофеля, что говорит о невысоком жизненном уровне населения²³. К 1913 г. Россия по общему объему промышленного производства занимала 5-е место в мире, 6-е по добыче угля и 8-е по производству электроэнергии. Несмотря на аграрную реформу П. А. Столыпина, Россия серьезно отставала от ведущих стран по показателю сбора зерна на душу населения²⁴.

²¹ Сухомлинов В. А. Воспоминания. Минск, 2005. С. 121–122.

²² Об обстоятельствах катастрофы подробнее см.: Эдельман О. Крушение царского поезда // Отечественные записки. 2002. № 2.

²³ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. СПб., 2003. Т. 2. С. 383–390.

²⁴ Самохин Ю. М. Экономическая история России. М., 2001. С. 137–159.

Отдельно следует сказать об истории православия, ведь выставка называется «Православная Русь». По словам ее организаторов, «все русские цари и императоры были еще и главами Русской Православной Церкви». Видимо, именно поэтому Церковь показана скорее как часть государственного аппарата. И если политические события сопровождаются яркими инсталляциями, то историю православия сопровождает скучная, лишенная иллюстраций хроника. В ней не нашлось места ни Феофану Прокоповичу, ни священномученику Арсению Ростовскому, который, единственный из иерархов, резко высказался против секуляризации церковных земель. К. П. Победоносцев, яркая и неоднозначная фигура в истории Церкви и государства, представлен преимущественно как консервативный публицист и государственный деятель, а ведь именно он добился перевода духовенства на государственное жалование, о чем экспозиция, увы, не сообщает!

Словом, из знаменитой триады более всего «повезло» власти.

Особо хочу сказать о сопроводительных надписях. Иногда они вызывают недоумение. Вот, например, цитата из Гегеля: «Русские люди добросовестно и безвозмездно трудятся, если в обществе есть нравственная идея, праведная цель». Или высказывание Адама Смита: «Ради праведной идеи русские люди с радостью трудятся». Не правда ли, высказывания похожи до неразличимости! Но ведь ни знаменитый философ, ни не менее знаменитый отец политэкономии в России

никогда не бывали и, подозреваю, не особенно интересовались тем, как трудятся крепостные крестьяне далекой и неуютной империи. Я попробовал установить источник цитат. Увы, усилия мои успехом не увенчались. Впрочем, Александр Мясников, кажется, дал ключ к разрешению вопроса. Отвечая интервьюеру, он признался: «Тексты сопроводительные писал я, но там по большей части цитаты конкретных людей. Там везде подписи есть». Подписи, конечно, есть, а вот источники цитирования не приведены. Впрочем, я далек от того, чтобы заподозрить известного писателя в соавторстве с не менее известными деятелями западной культуры. Скорее всего, А. М. Мясников без надлежащей проверки взял тексты, бесконтрольно гуляющие по интернету.

Попробую подвести итоги. Выставка, несомненно, вызвала живой интерес. По сведениям ее организаторов, число посетителей достигло почти полумиллиона человек! При этом экспозиция сделана на макетах, инсталляциях, текстах и картинках. Ни одного подлинного экспоната (если, конечно, не принимать во внимание кадры кинохроники) в залах не представлено. Успех (а такое количество посетителей является несомненным успехом) обеспечили в первую очередь новейшие технологии, технологии, рассчитанные на «клиповое» сознание. Яркие, мелькающие картинки не оставляют времени на раздумье. А ведь стоит только остановиться и задуматься, как противоречия сразу же бросятся в глаза! Если «все» дворцовые перевороты были связаны с масонами, то как же можно положительно оценивать деятельность Ели-

заветы Петровны, Великой Екатерины и Благословенного Александра? Если империя в начале XX в. пережила время расцвета и динамично развивалась, то неужели усилий только 5 масонов да 3 разрушителей-революционеров (Ленин–Троцкий–Парвус) было достаточно, чтобы разрушить гармонию?

Куратор выставки архимандрит Тихон (Шевкунов) заявил, что организаторы ставили целью «максимально полно и честно рассказать людям о жизни правителей из семейства Романовых, не занимаясь идеализацией, но и пытаясь расчистить эти пласты истории от трудов усердных очернителей»²⁵. К сожалению, эти благие намерения успехом не увенчались. Достаточно простой (и скорее примитивной) идее, идее сильной государственности, были принесены в жертву и Романовы, и история Церкви, и народ России.

К большому сожалению, в оформлении экспозиции встречаются не только искажения и неточности «идеологического» характера, но и такие, которые свидетельствуют об элементарной небрежности. Я понимаю, что ошибки и неточности в такой большой работе неизбежны. Но ведь выставка работает не первый день и даже не первый месяц. Как можно было не заметить, что текст, характеризующий Остермана, использован в качестве подписи под изображением «отца русской истории» В.Н. Татищева?! Ф.Ф. Трепов был не московским, а петербургским градоначальником.

Он стал жертвой покушения Веры Засулич, но остался жив, а не пал «от рук террористов», как сообщает сопроводительная надпись. Иногда иллюстрации (к примеру, сопровождающая текст о восстановлении власти воевод при Екатерине I) относятся явно к другой эпохе.

Совершенно очевидно, что теории тотального заговора, национального превосходства апеллируют к глубинной иррациональной сущности человека, и не нуждаются в верификации, более того, они ей враждебны. Но эти же концепции противоречат и глубинным пластам подлинной религиозности. Игумен Вениамин (Новик) выделял два типа религиозного сознания. Первый тип связан прежде всего с ритуально-обрядовой стороной, обращается к интуитивно-чувственному характеру религиозного опыта. Этот вид религиозности обращается к чувству единства со своим домом, родиной и нелюбви к «чужакам». Сторонники этого типа религиозности обычно выступают приверженцами «пирамидальной» системы власти, а сила воспринимается (и почитается) мистически. По мнению о. Вениамина, такое восприятие мира укоренено в язычестве, является «шатовщиной», умалением вселенской роли Православия. Второй тип религиозности основан на чувстве вселенского универсализма, любви ко всем без исключения людям, включая врагов²⁶. Без всякого сомнения, первый тип сейчас преобладает. И в борьбе

²⁶ Вениамин (Новик), игумен. Актуальные проблемы российского православного церковного сознания // <http://www.uusikotimaa.org/14/127.htm> (дата обращения 12 марта 2014).

²⁵ <http://expert.ru/expert/2013/47/stereotipy-proshlyie-i-nyineshnie/> (дата обращения: 13 марта 2014).

А. В. Каравашкин

ИВАН ТИМОФЕЕВ — ИСТОРИК НАЧАЛА XVII в. — В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Одной из загадок ранней русской историографии является «Временник» дьяка Ивана Тимофеева, получившего в 1617 г. благословение Новгородского митрополита на создание летописи Смуты. В этой книге должны были отразиться события эпохи, но так получилось, что во «Временнике» отразился автор. Однако не стоит делать поспешных выводов. Речь идет не столько о биографическом авторе, сколько о тех намерениях или интенциях, которые Иван Тимофеев считал важнейшими. Личное отношение он скрыл под покровом тайны. Он предпочитает эзопов язык и топосы, которые заменяют ему непосредственные свидетельства о событиях. Разобраться в этом хитросплетении авторских установок – одна из целей предлагаемой статьи. В историографии возобладали две тенденции. Одни историки считают дьяка творцом оригинальной автобиографии, первопроходцем психологической прозы. Другие отказывают ему в логике и последовательной мысли, объявляя Тимофеева автором историографического симулякра, своеобразного апокрифа-фантома начала XVII в.

Некоторые приемы исторического повествования средневековой Руси словно развивают фундаментальные принципы античных историографов. Тезис о необходимости сохранить события прошлого в памяти будущих поколений повторяет отца истории Геродота. Требования критики источников и примата непосредственных свидетельств заставляют вспомнить рассуждения Фукидида. Сравнительный биографизм явно восходит к Плутарху. А стремление к объективности, заключающееся в описании как положительных, так и дурных качеств исторических деятелей, удивительно напоминает метод Светония. Казалось бы, в этом смысле русские средневековые книжники не сказали ничего нового по сравнению с древними греками и римлянами. Почти все известные нам методы античной историографии мы находим в памятниках древнерусского исторического повествования. Тем не менее именно средневековая Русь демонстрирует нам

разнообразие авторских подходов к задачам истории. И здесь нас ожидают свои открытия.

В начале XVII в. русская историческая литература переживает второе рождение, вызванное трагическими событиями Смуты. Это так называемая эпоха «сложных характеров», противоречивых личностей. Впервые в русской исторической литературе ведущей категорией стала субъективная воля, а ее влияние на ход событий оказалось в центре внимания средневековых историографов и хронистов.

Так называемая «сложность характера» в памятниках Смуты была отмечена литературоведами, хотя уже историки XIX в. почувствовали, что именно памятниками Смуты открывается новая страница русской истории, когда личности Ивана Грозного, Бориса Годунова, Лжедмитрия, Василия Шуйского заслоняют собой события. Вернее, детерминируют их. На смену бесцветным правителям XIV–XV вв. пришли титанические герои шекспировского масштаба. Поскольку историк воссоздает прошлое только на основе свидетельств и аутентичных материалов, сама живость изложения в исторических трудах напрямую зависит от свойств источников. Источники до определенной степени задают тон позднейшим изложениям. Д. С. Лихачев по этому поводу замечал: «Поразительные по своеобразию характеристики, созданные в повествовательной литературе начала XVII в., воздействовали на всю историческую литературу последующего времени. Пересматривались факты, но не пересма-

тривались характеристики. Критически взвешивались все сведения частного характера, но в обрисовке действующих лиц истории ученые и писатели нового времени долго оставались в плену у художественных образов, созданных авторами начала XVII в.»¹. Вслед за Д. С. Лихачевым А. М. Панченко связывал литературу Смуты с кризисом средневековой концепции «абсолютного человека»: «В средневековом историческом повествовании человек “абсолютизируется” — он либо абсолютно добр, либо абсолютно зол. Переходы от одного состояния в другое возможны (в том случае, например, когда язычник становится христианином), но это не постепенный, сопровождаемый колебаниями процесс, а резкая, мгновенная метаморфоза. Авторы XVII в. уже не считают злое или доброе начала в характере человека чем-то изначальным, вечным, раз навсегда данным. Изменчивость характера, как и его контрастность, сложность, противоречивость теперь не смущают писателя: напротив, он доискивается причин такой изменчивости, указывая, наряду с общим постулатом о “свободной воле”, на человеческое тщеславие, властолюбие, влияние других людей и проч.»². Эти оценки в целом можно считать справедливыми. Хотелось бы только добавить, что в «переходную эпоху» старое всегда соседствует с новым. «Открытие» характера, типичное для об-суждения исторических личностей Смуты в повестях и хронографах

¹ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 7.

² Панченко А. М. Литература «переходного века» // История русской литературы. Л., 1980. Т. 1. С. 302.

XVII в., уживалось с традиционной риторикой. А последняя диктовала свои правила. Принцип «абсолютного человека» не ушел из литературы. Он лишь стал использоваться в принципиально новом контексте. Литература Смуты, как и литература XVI в., нуждалась еще в телеологии. Более того, сами способы интерпретации исторического процесса по-прежнему зависели от столкновения полярных сил. Логика истории раскрывалась только в модусе борьбы добра и зла. Значит, историографии были необходимы святые и грешники, жертвы и мучители, идеальные деятели и клятвопреступники.

В начале XVII в. почти все эти приемы историографии Смутного времени можно обнаружить и во «Временнике» дьяка Ивана Тимофеева, поставившего перед собой сложную задачу. Ему предстояло ответить на головоломный вопрос о причинах Смуты в Русском государстве. Тимофеев, однако, пришел к весьма нетривиальному результату. Он вполне сознательно провозгласил тезис о невозможности правдивой истории, отказался от права быть летописцем, вместо исторического нарратива создал лирический монолог, полный покаянных самобичеваний, тяжеловесных метафор, темных и весьма надуманных перифрастических оборотов. Современные исследователи склонны даже рассматривать «Временник» как многообещающий, но несостоявшийся историографический проект XVII в.³ В этом смысле Иван

Тимофеев явно превзошел в оригинальности как своих древних предшественников, так и современников. Например, Авраамий Палицын не только прекрасно справился с анализом предпосылок Смуты, представив развернутое историко-философское вступление к монументальному «Сказанию», но и вполне оптимистически, живо и со всеми подробностями, изобразил победу Русского государства, противопоставив ложное предательское крестоцелование верности защитников Троицкого монастыря. «Сказание» Палицына отличается стройностью композиции, точностью описаний, благородной простотой стиля, умеренной риторичностью. Палицын последовательно воплощает принцип тематического единства произведения, подчиняя главному предмету повествования многообразный и пестрый исторический материал: «И от великих и преславных мала избрах, яко от пучины морския горсть воды почерпых, да поне мало напою жиждушчаа душа Божественаго словесе. Написах сия о обстоянии монастыря Троицкого вся по ряду, елико возмогах...»⁴.

Совсем иначе представляет себе исторический труд Тимофеев. Обнаружить в его «Временнике» единство темы сложно. Исследование сильных позиций текста не дает желаемых результатов. В самой заглавии произведения в качестве жанровой номинации используется термин «временник», т. е. «летопись», но сочинение Тимофеева очень далеко от традиционной

³ Рыбаков Д.А. «Временник Ивана Тимофеева» — несостоявшийся историографический проект начала XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2 (28). С. 60–65.

⁴ Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 127.

летописной формы. Намек на эсхатологическую подоплеку («Временник», согласно заголовку, ведется по седьмой тысяче лет в начале восьмой тысячи) также не проявляет авторских намерений: мотивы Страшного суда имеются во многих древнерусских памятниках, и Тимофеев в этом смысле гораздо больше внимания уделяет земным делам, чем апокалиптическим знамениям. Автор начинает «Временник» с очерков, посвященных царю Ивану Грозному, но это также не проявляет цели труда. Новгородская тема, которая, по признаниям Тимофеева, должна была стать ведущей, получила гораздо более скромное развитие, чем можно было бы подумать, опираясь на прямые высказывания автора.

Тимофееву абсолютно чужды завершенность и ясность. Вместо последовательного нарратива — «собрание пестрых глав», беспорядочные заметки, возвращение к уже написанному, повторы. Кажется, Тимофеев делает всё от него зависящее, чтобы читателей у его труда было немного. Довершает всё славянизированная орнаментальность «Временника». Автор с каким-то неопытным рвением сооружает неприступные риторические периоды, о синтаксисе которых О.А. Державина писала: «Запутанность и вычурность фраз Тимофеева создается чаще всего тем, что они начинаются с ряда придаточных предложений, наслаивающихся одно на другое, так что главное среди них совершенно теряется. Стремясь наиболее точно выразить свою мысль, Тимофеев нанизывает одно слово на другое; глагол-сказуемое у него

в большинстве случаев стоит в конце предложения, часто не рядом с подлежащим, что очень затрудняет понимание смысла фразы»⁵. Книжный стиль дьяка можно сравнить с «трудным» и «темным» стилем поэтов и полигисторов эпохи барокко.

Подчас автор «Временника» даже бравировает нарочитой сложностью и композиционным хаосом, сравнивая свое произведение с раздробленным на части телом: подобно тому как голова и ноги, эти беспомощные обрубки, свалены в кучу, во «Временнике» перемешаны события и спутана последовательность рассказа. Вот этот жутковатый образ: «Бывает убо в раздрабление удов главе лежати кроме прочих частей всего телесе...»⁶.

Кроме того, бросается в глаза и откровенное нежелание книжника пользоваться привычными наименованиями. Тимофеев шифрует даже то, что ни в какой тайнописи не нуждается. Поразительна изобретательность автора в поиске таких оборотов речи, которые должны были заменить некоторые имена собственные: «мать церквам» (Успенский собор в Кремле), «гнездо всего царствия» (Москва), «молитвенный рог крепости» (царь Федор Иоаннович), «лжу свидетельный синклитик» (князь Василий Иванович Шуйский), «великий» (патриарх Иов), «прежереченный гордоустец» (окольничий Михаил Татищев).

⁵ Державина О.А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник Ивана Тимофеева [Репринт]. СПб., 2004. С. 405.

⁶ Временник Ивана Тимофеева [Репринт]. СПб., 2004. С. 17.

Конечно, «Временник» можно рассматривать лишь как черновики или своеобразный архив современника Смуты, не сумевшего придать своим наблюдениям и мыслям законченной формы. Но Тимофеев не стремился завершить летопись Смуты. Он намеренно оставил свой труд неупорядоченным. Это осознанная установка. Данный способ наррации Тимофеев возвел в ранг творческого принципа, о чем неоднократно предупреждал читателей, в том числе и потенциальных критиков.

Эти суждения встречаются на страницах «Временника» постоянно. К тому же их дополняют многочисленные признания автора в том, что он не хочет продолжать повествование, вдаваясь во все детали происшествий. Отмеченная установка имеет особое значение для всякого, кто хочет понять нарративную стратегию «Временника». Тимофеев в большинстве случаев отказывается от подробного описания бедствий и преступлений, хотя именно они становятся главным предметом его сочинения. Автор «Временника» заменяет хронику Смуты анализом ее духовного генезиса: ведь грех явление нематериальное. Значит, дело не в самих событиях, а в их предпосылках. Важнейшая из них — духовная порча. Это отсутствие любви и солидарности, которое проявляется в отчуждении людей друг от друга. Тимофеев уверен: в России «небратолюбного разстояния вогнездился недуг»⁷.

Дело в том, что Тимофеев одним из первых в русском историческом

повествовании поставил перед собой цель не апологии, но обличения. Иными словами, Тимофеев пишет не историю славы, но историю греха. Зло мира становится главным объектом его рассказа. Пожалуй, до Тимофеева никто, кроме А. М. Курбского, не ставил перед собой такой цели. Древняя Русь знала только два способа конструирования биографии: идеализирующий и летописный (жизнеописания злочестивых инославных правителей — исключение, лишь подтверждающее правило⁸). Биография представляла добродетельного героя, а хроника стремилась запечатлеть деяния людей, изредка оценивая их поступки. Когда А. М. Курбский решил описать жизнь тирана-мучителя, то и появилось в качестве номинации слово «история». То есть применение этого слова к повествовательному дискурсу приходится как раз на рубеж 70–80-х гг. XVI в., когда и создавалась «История о великом князе Московском».

«История» А. М. Курбского — один из первых опытов исторического нарратива, призванного сосредоточиться вокруг одного вопроса, одной проблемы. В этом типе повествования отбор материала подчинен определенной задаче автора.

Раньше злодеи никогда не выступали в качестве протагонистов большой исторической драмы: Борис и Глеб всегда весомее Святополка. Курбский, таким образом, нарушил традицию, стал создателем антижизития,

⁸ Имеются в виду публицистические и историко-легендарные повести, героями которых были Темир-Аксак, Дракула, Магмет-салтан и др.

⁷ Временник Ивана Тимофеева. С. 162.

которое и определил в качестве «истории». «История о великом князе Московском» — это основанная на личных впечатлениях автора «хроника» деградации человека, демонстрирующая переход от добродетели к пороку, а не наоборот; ведь в патериковых рассказах о раскаявшихся нечестивцах грешник может очиститься и стяжать истинную святость. У Курбского человек падает в бездну греха с высоты царского трона. И это падение практически необратимо. Сходную концепцию создает и Тимофеев. Только его задача несколько усложнилась: теперь речь идет о лжецаре, похитителе трона. Грозный у Курбского не прошел, в пересказе на наш язык, испытания властью, а Годунов у Тимофеева узурпировал власть, т. е. выступил в роли холопа, присвоившего достоинство господина. Герои Тимофеева изначально пребывают в болезненном мороке, в измененном состоянии сознания. Недаром Тимофеев пишет о Годунове: гнев был сокрыт в душе правителя, подобно не разгоревшемуся огню («внутри невозжене курящемуся»⁹), и этот едкий дым отравлял сознание. Годунов верил

⁹ Любопытно применение к характеристике Годунова словосочетания «неугасимый огонь». В «Ином сказании» читаем: «И паки той Борис нача сердцы своим безпрестанным желанием желати и яко неугасимым огнем горети в державству Московского государства и вся великия России по вся дни и нощи неусыпно помышляя...» (Русская историческая библиотека. СПб., 1891. С. 10). В агитационной «Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов» помраченное страстное состояние царя Бориса также описывается с помощью «адского» символа: «Той же Борис по обете своем не угаси злораспаляемого своего огня славобесия и восхоте приобрести славу превыше своя меры...» (Там же. С. 148).

клевете, любимыми способами устраняя соперников, готовых бороться за власть¹⁰.

Тимофеев намеренно погружается в стихию человеческих пороков. Точнее, он становится ритором новой эпохи, целого исторического периода, когда потеря ценностных ориентиров, маниакальная подозрительность, себялюбие, предательство, склонность к подлогу и «воровству» стали определяющими чертами поведения человека как такового. Тимофеев описывает, иными словами, настоящую антропологическую революцию: «Сице же, яко преди речеся, на власти и повсюду мнози прочии по прочим и по хужших худейшая преспеваху, на злая день дне друг по друзе зловением изменяхуся, до иже бы ни едину аще и хужшу во всех оного им не свойственна чина не непричастну остати»¹¹. Главным качеством участников этого процесса становится способность к подражанию: при этом люди подражают не благим, а нечестивым поступкам. Именно так, через подражание, как думает Тимофеев, распространяется зло: первому самозванцу стремится уподобиться второй, второму — третий и т. д. Впрочем, этот принцип подражания может касаться чего угодно. Например, он в равной степени относится к безответственной службе, клятвопреступлению, несправедному обогащению и т. д.

Картина, нарисованная Тимофеевым, сродни тем пророчествам, которые делал накануне своего бег-

¹⁰ Временник Ивана Тимофеева. С. 47.

¹¹ Там же. С. 77.

ства из города Юрьева А. М. Курбский. Последняя православная держава оказалась во власти темных сил. Теперь здесь всё перевернуто с ног на голову. Потеряны самые элементарные представления о добре и зле, чести и бесчестии, справедливости и вероломстве. Авторитетов нет. Царей ставит толпа, то в одном, то в другом месте появляются новые вожди. Традиционная иерархия фигур нарушена. Изображение зла словно бы наносится поверх лика праведников, а благочестие почти не интересует книжника. О святости царя Федора Иоанновича Тимофеев говорит, «он (царь. — А.К.) убо своими добродетельми един довялшеся богатея», но «единого добродетель не может спокрыти всех человек прегрешение»¹². Святые уже не могут отмолить грехов мира. Подвиги благочестия меркнут по сравнению с прельстительными, яркими личинами зла. Современники Тимофеева придерживались сходных взглядов. Автор «Плача о пленении и о разорении Московского государства» восклицал: «К сему же от великих благородных, от премудрых и до простых, и вкратце реку, — от главы и до ногу вси неисцельными струпы обязашася, и Содома и Гомора и прочих бесчисленных бесовских язв исполнишася»¹³. В историческом повествовании «многомятежной» эпохи зло представлено как явление массовое и повсеместное.

В этом, пожалуй, главное новшество всей литературы Смутного времени. Но даже на фоне новаторских сочинений первой половины

XVII в. текст Тимофеева выглядит из ряда вон выходящим авторским экспериментом. Историк Смуты намеренно сгущает краски. В поисках правдоподобия он иногда отдает должное своим героям, но в основном они предстают как живые иллюстрации всего многообразия человеческих пороков и низменных страстей. Во «Временнике» почти нет места идеальным деятелям. Автора интересуют злодеи, клятвопреступники, узурпаторы. Инвективы в их адрес потребовали львиной доли авторских усилий.

Казалось бы, здесь открывался особый простор для собирателя слухов и слухов. Недаром ведь Тимофеев сравнивал себя с деревенским жителем, спешно складывающим земные плоды в корзину. Мы вправе ждать от автора череды исторических анекдотов-былей, подробностей ужасных преступлений, детальных описаний, трагической хроники пороков. Но то, что в изобилии представлено на страницах мартиролога А. М. Курбского, здесь намеренно скрыто за витиеватыми метафорами. Курбский не жалел описаний. Тимофеев считает их постыдными, невозможными. В этом смысле показательны главы «Временника», посвященные царям Ивану Грозному и Василию Шуйскому.

Перед нами предстает не внимательный к человеческим слабостям свидетель и коллекционер слухов, искусный и памятный нравописатель, бюрократ и буквоед, но книжник, краснослов, автор, склонный к абстрактному мышлению, любитель обобщений. Иными словами, Тимофеев никак не подходит к роли

¹² Временник Ивана Тимофеева. С. 35.

¹³ Русская историческая библиотека. С. 225.

историка-рассказчика или мемуариста. Для этого у него слишком специфическая манера подачи информации: он пишет так, словно не владеет всем объемом сведений о событиях Смуты, а на самом деле тщательно скрывает многие факты под покровом «эзопова языка». Кстати, именно метафорой сокрытия тайны Тимофеев пользуется, когда говорит о природе монарших грехов: «Сего же ради не праведно о царюющем худым многословити, ниже без муки, иже аще что порочно; лепотнее бо есть царское безобразие жития молчанием покрытии, якоже ризю, иже о Нои, праотцы нашем...»¹⁴. Кроме того, сам склад авторской речи отторгал описания, конкретизацию, включение в ткань текста сюжетных эпизодов, диалогов и монологов. Между тем еще со времен античной историографии все перечисленные выше элементы входили в обязательный набор типичных приемов исторического нарратива. Обычными они были и в древнерусском историческом повествовании.

О злодеях дьяк Тимофеев пишет как вития. Грех является для него предметом ораторских упражнений. Чего стоят только тавтологические конструкции, изобилующие образами греха и преступлений: «От некаего греха злоютнаго, якоже змия многоглавна, пуцаго всех злоб наполнити место, ли от всех купно зол, в место сошедшихся, все наше разлиание бысть...»¹⁵; не-

¹⁴ Временник Ивана Тимофеева. С. 17. О метафоре покровов и ризы у Тимофеева см.: Коротченко М.А. Повести о Смутном времени // История древнерусской литературы. Аналитическое пособие. М., 2008. С. 190–192.

¹⁵ Временник Ивана Тимофеева. С. 92.

умеренные нагромождения синонимичных эпитетов: «Он же, растлитый, несвершенный урок жития своего и прекрашенный грехолюбно поживе, всеблудно же, и беззаконно по всему, и рабско, и скотолепно всяко...»¹⁶; риторические вопросы и восклицания: «О, омрачения! О, многого славоослепления! Или еще от сих вин сего злоба, еже царей умершвление и царствия желание, не обличися, не обнажися? Что такового явления явленнейши, иже господу убийца сокровенных в нем таин внутренних обнажение от сего познася? Всего паче Бог на суде открыет всяко и обнажит!»¹⁷.

Там, где обычный автор довольствуется перечнем конкретных событий, Тимофеев предпочитает констатации без раскрытия их исторического подтекста: обо всем нужно догадываться самостоятельно. Но это не значит, что догадка будет верной. Иногда перед нами только общие характеристики. Такую манеру изложения можно было бы назвать *панорамной* или *обзорной*. Например, Тимофеев отмечает, что убийство участниками заговора Лжедмитрия I не прекратило Смуты, но лишь заставило внешних врагов Русского государства действовать более агрессивно: «Мы же тогда тем злочестивым мя свою погибель отмстити, но Богу за грехи наша гнева своего лютейша сих на ны сохранишу, прегрешное наше очищая, увы, множайши тем земли Рустей вред сотворихом...»¹⁸. Не вполне ясно, какие именно факты подтверждают

¹⁶ Там же. С. 89.

¹⁷ Там же. С. 59.

¹⁸ Там же. С. 91.

это суждение. Скорее всего, оно относится к общему положению дел: ведь с 1606 по 1612 г. Россию наводнили не только восставшие, казаки, но и многочисленные интервенты. Автор «Временника» дает лишь определение ситуации, а не разъясняет конкретное событие. Установление причинно-следственных связей имеет также слишком общий характер. Оно распространяется не на поступки конкретных людей, но касается, скорее, значительно-временного отрезка, положения дел как такового.

Автор «Временника» склонен превращать конкретно-историческое в абстрактное. А его манера зашифровывать рассказ с помощью метафор придает тексту еще более отвлеченный характер. События интересуют книжника только как повод для пространных толкований. Он предпочитает обобщения и пишет историческое полотно крупными мазками. Тимофеев-ритор одерживает верх над Тимофеевым-летописцем.

С особой силой этот риторический подход заявил о себе в разделе, посвященном низвержению боярского царя Василия Шуйского. Бесславный финал правления Шуйского интересен Тимофееву не конкретными обстоятельствами, но, скорее, тем нравственным уроком, который можно из него вынести. В итоге автор «Временника» предлагает поскорбеть о царе. Но, как замечает затем Тимофеев, оплакивания достойны именно законные, истинные государи. В результате плач, приуроченный к рассказу о горькой судьбе насильно постриженного в монахи Шуйского, перерастает в поминки

по благочестивому царствованию. Катастрофа Шуйского — результат того, что в России в принципе перестали уважать власть. Ее авторитет ничтожен. Таким образом, Тимофеев оплакивает коренной принцип Российского государства, саму идею легитимной монархии. «Общий престол» (царский престол как таковой, престол как идея власти) должен быть окружен «страхом и молчанием». Но он становится почти утопической недостижимой моделью царствования, поскольку в реальной жизни власть стала объектом профанации. Хотя, как отмечает Тимофеев, золото остается золотом, не изменяя своей сущности, даже если оно брошено в нечистоты («и злато, погребяемо в кале, существа своего в тимении не погубляет свойства»¹⁹). Скорбная lamentация посвящена утраченному идеалу вольного самодержавства. Ораторскими средствами Тимофеев отвечает на вопрос о причинах русской Смуты: «Но что обрыдаю первее: самого ли царя, ли царствия его? Нужда бо и обоих, о царюющем и месте его, в средю привести плач, но не единому же без другаго, яко ни души мощно бе без тела в видимем содержатися, ниже телу кроме душа в составлении двизатися. Увыи, царю венченосче Росийскаго всего боголюбезнаго жребия... <...> Како не усхоша господопредательныя руки, коснувшиися неразумно высоте твоей смелством безсловсенныя дерзости, ниже устыдешися вежди дерзаго освятованныя чести славы твоея?»²⁰. Пагубное разделение царя и царства — вот тот раскол, вот та

¹⁹ Временник Ивана Тимофеева. С. 112.

²⁰ Там же. С. 106–107

двойственность, которые и привели Россию к хаосу.

Тимофеев риторичен и при описании чувств исторических деятелей. В этом смысле он приверженец строгого различия: чувства злодеев, чувства обычных людей, чувства истинных царей заслуживают разного к себе отношения.

На примере Тимофеева мы встречаемся с особым типом средневекового писателя: автор «Временника» упорядочивает интерпретации, создает каталог толкований, выстраивает дискурс, представляющий набор конвенциональных моделей. Значение «Временника» именно в том, что он стал энциклопедией типичных объяснений Смуты. Тимофеев хочет уловить сам дух времени, интуировать сущность эпохи, подведя массу подразумеваемых фактов под общий знаменатель.

Объяснения эти вполне согласуются с тем, что нам известно о конвенциональных моделях русского Средневековья. Не так давно это на большом фактическом материале продемонстрировал в своей монографии Д. И. Антонов²¹. Иначе обстоит дело со статусом Ивана Тимофеева как средневекового автора. Порой ему отказывают в риторичности, наделяя признания «Временника» функцией автобиографического повествования: «Во “Временнике” Ивана Тимофеева мы впервые встречаемся не с традиционным риторическим авторским самоуничижением, но с действитель-

²¹ Антонов Д. И. Смута в культуре средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М., 2009.

ным осознанием несовершенства своего произведения...»²².

Полагаем, что поиск реальной биографии, так же как и реальной психологии, может серьезно дезориентировать исследователя «Временника». Ведь Тимофеев говорит не от лица конкретного человека. Автор «Временника» — трагический декламатор на котурнах, искусственный, сконструированный образ, условная модель, а не человек. Это мозаика, сотканная из элементов книжной традиции. Нужно отделять так называемые авторские признания от топосов, а это применительно к риторической культуре сделать нелегко: ведь речь автора порой бывает буквально сплетена из общих мест. Где здесь свое, а где чужое, определить невозможно.

Не следует забывать и о литературных пристрастиях самого Тимофеева, который позиционировал себя в качестве представителя высокой книжной культуры. Авторы Средневековой Руси нередко обращались к опыту предшественников. Кто-то брал за образец летописцев, кто-то подражал агиографам. Тимофеев как автор исторического труда ориентируется на риториков, на них он прямо ссылается, когда задает вопрос о том, кто бы мог еще рассказать о событиях Смуты. Трудности исторического нарратива Тимофеев отдает на откуп тем, кто усовершенствовал свое красноречие: «Во едино же совокупление купно всемирных бывших им и бывающих напастей, по местях по единому кое же собрав, вкупе рещи всем

²² Коротченко М. А. Указ. соч. С. 190.

необъятно, аще иже витейством краткословие кто довлен о сих обрящется по риторех»²³.

Правдивость и краткость изложения Тимофеев считает высоким достоинством риторики. Он не исключает, что искусные риторы смогли бы поведать об ужасах Смуты лучше, но сам автор «Временника» отказывается от выполнения непосильной задачи. Самоуничужения автора были данью традиции. Тимофеев, безусловно, учитывал опыт житийной литературы с ее тщательно разработанными приемами саморефлексии агиографа.

Нужно помнить о том, что книжники средневековой Руси были хорошо знакомы с искусством «плетения словес». Поиск истоков «трудного» стиля «Временника» следует распространить и на эту важную область литературной культуры.

Авторские комментарии Тимофеева сближаются с агиографической топикой. Много общего у автора «Временника» с манерой Епифания Премудрого²⁴. Конечно, речь идет не о прямых заимствованиях, но о духе интерпретации, типологическом соответствии. И эти совпадения весьма примечательны. Они в значительной мере помогают понять стратегию того историографического письма, которому отдает предпочтение создатель «Временника».

²³ Временник Ивана Тимофеева. С. 126.

²⁴ Об авторской позиции Епифания Премудрого см.: *Каравашкин А.В.* Две стратегии нарратива: убедительность и доказательность в агиографии Епифания Премудрого // Россия XXI. 2013. № 3. С. 132–145.

И у Епифания, и у Тимофеева мы находим сходные признания в невозможности завершить труд, который находится в беспорядочном и спутанном состоянии. И первый, и второй не решаются выразить до конца таинственную метафизическую реальность: точнее, они всячески подчеркивают невозможность этой задачи. И Епифаний, и Тимофеев не исключают, что кто-то более способный и умелый завершит их произведение. Наконец, они исходят из презумпции изначальной Истины, не отягощая свои тексты доказательностью, той исторической конкретикой, которая так занимает порой русских историографов позднего Средневековья. И тот, и другой привержены риторическому трудному стилю. Только у Тимофеева этот стиль осложнен еще перифразами и невообразимо громоздким синтаксисом с многочисленными инверсиями. Мышление и форма соответствуют друг другу. «Плетение словес» обусловлено поиском убедительности, а «темный» стиль Тимофеева служит метафоризации греховных дел и желаний, на которые автор «Временника» периодически набрасывает покров или «ризу». Но в целом оба автора склонны к украшательству и витиеватости.

Разница заключается только в том, что Епифаний применял эту стратегию для изображения святости, а Тимофеев для рассказа о грехе, который загадочным образом участвует в непостижимом плане человеческой истории. В этом смысле Иван Тимофеев занимает особое место среди историографов Смуты. Он решает две, казалось бы, взаимоисключающие задачи: разоблачает

зло и одновременно скрывает его, что неизбежно отражалось даже на стиле «Временника» (открытые гневные обличения сочетаются у Тимофеева с поэтикой метафор и загадок).

Причина этой двойственности — в уникальной философской позиции, которую занимал автор «Временника». Тимофеев различал падшую человеческую природу как таковую и преступления лжецарей и узурпаторов. Если вмененный лобому человеку грех можно сокрыть и простить, то выстушение против легитимной власти необходимо разоблачать, поскольку оно подобно святотатству и губит не только преступника, но всех христиан.

Тимофеев лишь налагает на писателя ограничения, связанные с критикой прирожденных государей: чтобы не уподобиться библейскому Хаму, их преступления нельзя обнажать слишком откровенно. Ведь цари отличаются особым духовным зрением и святостью. Простому смертному непозволительно обличать столь великих государей: истинная власть сохраняет для Тимофеева мистический ореол и божественный блеск. Однако это прием не историка, а всё того же ритора, который не может быть лучше положительного героя: например, Иван Грозный — несмотря на описания его злодеяний — остается для Тимофеева благочестивым христианским государем, который правит по Божьему произволению. Разумеется, Федор Иоаннович, Дмитрий Углицкий и инокиня Марфа (седьмая жена Ивана Грозного, Мария Нагая) обладают для Тимофеева

бесспорной харизмой благочестия: их недостатки писателю нельзя даже обсуждать.

Благочестивое молчание нельзя путать с молчанием «безсловесным», которое стало причиной самоуправства и клятвопреступлений. Тимофеев требует от ритора особого мужества: «Сия рука верна и ниже без страха сеи словеса начертая, но глас во мне не веществен»²⁵.

Представителю риторической культуры отводится особая роль, но, разумеется, в итоге всё расставит по своим местам высший суд. Писатель — лишь посредник, несовершенное орудие промысла, грешник, выполняющий послушание. Об этом Тимофеев напоминает неоднократно, используя топосы книжного смирения. Так, он прибегает к евангельской притче о рабе, спрятавшем талант господина²⁶. Это любимый пример многих агиографов. Теперь по их стопам устремляется исторический писатель.

Тимофеев, заплативший свою дань новаторским принципам изображения исторических деятелей (смотри, например, перечень добрых деяний в жизнеописании Бориса Годунова), остается на вполне традиционной почве «абсолютного человека». Он резко противопоставляет злодеев и праведников, ложных и прирожденных государей. Система образов «Временника» иерархична, о чем автор заявил в специальном

²⁵ Временник Ивана Тимофеева. С. 48.

²⁶ Там же. С. 167. Сравните использование этого топоса у Авраамия Палицына в связи с описанием чуда Сергия Радонежского (Сказание Авраамия Палицына. С. 243).

комментарии. Историограф Смуты верен принципам риторической эпохи: «Недостойное же еже о них (истинных царях. — А.К.) с прочими совмещати не подобно, ниже человеческия силы бысть дело, понеже таковых судити един весть Бог, иже надо всеми; той сведый и всех вся, не убо явленная токмо, но и сокровенная тайномыслия открывая, и яже во уме бывшая сложи всяко греха, в день суда обнажит советы сердечныя, и на среду преходят; может бо той по кождо делом намзидити или умучити вечно. А иже от не сущих ниже благословно и чрез подобство наскающих на царство, сицевых яве от благих по всему отделися суд; необличнаго умолчания ради, еже о тех нечестиих списателе, мню, с сими равнее истяжутся»²⁷.

Историограф помнит о той исключительной ответственности, кото-

рая распространяется не только на земную жизнь, но и на область невидимую, вечную. В этом смысле писательский тип и творчество дьяка Тимофеева родственны древнерусской проповеди, публицистике Андрея Курбского, воззваниям протопопа Аввакума.

Итак, примат объяснения над нарративом, стремление толковать, а не рассказывать, преобладание лирических рассуждений над описаниями — типичная примета риторического дискурса, в котором исторические факты служат лишь импульсом для развития авторской мысли. Готовые толкования фактов важнее самих фактов. История предстает как набор риторических клише, мифологем, как оценки без описаний. Такой истории не нужны доказательства. Она довольствуется тем, что получила свыше.

²⁷ Временник Ивана Тимофеева. С. 33–34.

А. С. Стыкалин

ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ О РЕАКЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА ВЕНГЕРСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ 1848 г. ВЕНГЕРСКАЯ КАМПАНИЯ 1849 г. И КАПИТАН ГУСЕВ

В интересной, насыщенной ценной информацией статьей крупного историка В.Я. Гросула, опубликованной в свое время в «Новой и новейшей истории»¹, приводятся многочисленные факты, свидетельствующие о неоднозначности настроений в русской армии в связи с ее участием в подавлении венгерской революции и национально-освободительной борьбы в 1849 г. Речь идет среди прочего и об акциях неповиновения российских солдат и офицеров, их отказе воевать против мятежных венгров и даже о случаях перехода на сторону венгерской революционной армии. Автор доказывает, что в венгерской революции русских участников было больше, чем во всех других европейских революциях XIX в. вместе взятых. Но все ли факты, упоминаемые в литературе, можно подтвердить реальными архивными документами? На наш взгляд, продолжает сохраняться в каче-

¹ Гросул В.Я. Русские участники зарубежных революций первой половины XIX в. // Новая и новейшая история. 2007. № 4.

стве актуальной задача верификации того большого эмпирического материала, который приводится в обширной научной литературе, посвященной отклику российской общественности на венгерскую революцию 1848–1849 гг. Как пишет В.Я. Гросул, «формы поддержки революционной Венгрии со стороны представителей русского общества и русской армии были различными — от нежелания участвовать в интервенции до прямого перехода на сторону восставших венгров. Известно, что группа офицеров во главе со штабс-капитаном А. Гусевым открыто выступила против похода. Гусев говорил о справедливой борьбе венгров и убеждал своих солдат перейти на их сторону. 16 участников этого протеста были арестованы. На суде Гусев произнес убедительную речь с обвинениями в адрес правительства России, которое проводит политику, противную национальным интересам страны, и проливает русскую кровь в интересах австрийских Габсбургов. Гусев и его товарищи были

повешены»². Но существовал ли капитан Гусев в реальности?

Февраль 1945 г. Еще продолжались кровопролитные бои за Будапешт, когда писатель-коммунист Бела Иллеш, носивший мундир полковника Красной Армии, предпринимает по поручению красноармейских политорганов выпуск газеты «Новое слово» («Új Szó»), рассчитанной на широкого венгерского читателя. 6 февраля, во втором номере газеты, была опубликована первая из программных статей нового издания. Речь в ней шла о том, как в начале XVIII в. Петр I помогал мощному антигабсбургскому движению во главе с князем Трансильвании Ференцем Ракоци. Статья носила открыто полемический характер. В соответствии с новым политико-идеологическим заказом Иллеш направил острие своей критики против старой, хортистской («реакционной») историографии, которая «упорно замалчивала» все имевшие место в 1703–1711 гг. факты сотрудничества Петра I и Ракоци, находившихся, согласно версии автора, в постоянной связи друг с другом.

² Там же. С. 142. Примерно в тех же выражениях автор пишет о капитане Гусеве в своей монографии «Русское зарубежье в первой половине XIX в.» (М., 2008. С. 505–506). Автор ссылается на ряд венгерских и советских публикаций 1940-х – 1950-х гг. Это, в частности, документальный сборник пропагандистского характера «Документы о венгерской революции и освободительной борьбе 1848–1849 гг.» (Будапешт, 1948), в котором на с. 68–69 был воспроизведен газетный очерк неизвестного автора о Гусеве. Это также двухтомник «Революции 1848–1849 гг.» (М., 1952. Т. II. С. 119) и монография И. А. Федосова «Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (Революционные организации и кружки)» (М., 1958. С. 262).

Именно теперь, после разрыва Венгрии с «третьим рейхом», настало, по мнению писателя, время обратиться к устранению сложившегося в литературе перекоса, т. е. к изучению той части «нашего исторического наследия», которая была связана с многовековой борьбой венгерского народа с немецкой экспансией на Восток³.

Тезис о более тесном, нежели считалось ранее, союзническом взаимодействии Петра I и Ракоци⁴ не был

³ Как подчеркивал Б. Иллеш, активизация усилий в этой области – насущная задача для всех историков, не желающих, чтобы венгры и дальше продолжали выступать в качестве наемников немцев, а в результате становились их жертвами. См.: *Illés B. Rákóczi és az oroszok // Új Szó. 1945. Febr. 6.*

⁴ Петр I действительно в 1707 г. вынашивал планы добиться избрания трансильванского князя Ференца II Ракоци польским королем. Он надеялся, что союз с ориентированным на Францию Ракоци поможет ему улучшить российско-французские отношения и расстроить дружбу между Францией и враждебной России Швецией. В сентябре 1707 г. в Варшаве был подписан договор между представителями Петра и Ракоци, в соответствии с которым российская сторона обещала содействовать усилиям «к возвращению вольности Венгерския и Семиградския» (т. е. Трансильвании, управляемой венгерской политической элитой). Временные успехи шведской армии не позволили, однако, реализоваться этим планам. Хотя контакты между русским и трансильванским дворами были продолжены, никакой реальной военной помощи антигабсбургскому движению во главе с Ракоци Россия не оказала, да и не могла оказать, будучи занята войнами со Швецией, а затем и с Турцией. Можно согласиться с тем, что «в запутанном переплетении интересов, характерном для европейской политики того времени, «венгерская карта» была для Петра I лишь одной из многих, причем даже не самой сильной» (*Свак Д. Венгрия и Россия: история и историки // Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения. М.,*

документирован историческими источниками, что, однако, не мешало ему быть востребованным пропагандой. С конца 1940-х гг. он надолго становится общим местом в венгерской политико-пропагандистской литературе по истории, перекочевывает из нее и в учебные пособия. Первую попытку поставить этот миф под сомнение в публичном выступлении предпринял на волне XX съезда КПСС выдающийся историк Домокош Кошари (будущий президент Венгерской академии наук)⁵.

Опубликованная 6 февраля 1945 г. статья Иллеша явилась, вероятно, первой, но далеко не последней в ряду публикаций первых послевоенных лет, авторы которых стремились «в духе времени» не только

2006. С. 7). См. также: *Штернберг Я. И.* Освободительная война 1703–1711 гг. // История Венгрии. В 3-х т. Т. I. Отв. редактор В. П. Шущарин. М., 1971. С. 445–447; Посол Петра I в Ужгороде // Штернберг Я. И. Мир поэзии и дружбы (поиски и находки). Ужгород, 1979. С. 53–62. Из работ последних лет см. также: *Гуськов А. Г.* Русско-венгерские связи в XVII – начале XVIII вв.: посольство Е. И. Украинцева // Государственность, дипломатия, культура в Центральной и Восточной Европе XI–XVIII веков / Отв. ред. О. В. Хаванова. М., 2005. С. 172–185.

⁵ «Сколько раз ко мне приходили жаловаться на то, что в учебнике по истории для средних школ подробно описывается, как артиллерия и солдаты Петра I помогли Ракоци в освободительной борьбе, хотя учащиеся точно знали, что во всем этом нет ни слова правды», – говорил он 30 мая 1956 г. на дискуссии об актуальных вопросах марксистской истории, организованной Кругом Петефи. См.: A Petőfi Kör vitái hiteles jegyzőkönyvek alarjan. III. Történeztvita. Bp., 1990. 53 о. После подавления в ноябре 1956 г. венгерского восстания выступление Кошари, смело пытавшегося противостоять любому рода историческим фальсификациям, стоило ему трех лет тюремного заключения.

подчеркнуть пагубность германского влияния на развитие Венгрии и ее культуры, но и противопоставить это влияние другим, более плодотворным источникам развития. В этой программной статье содержалась установка на культивацию традиций антинемецкой, антигабсбургской освободительной борьбы венгерского народа, что требовало наполнения избранной схемы историческими фактами (их было в достатке) и, кроме того, предполагало акцент на значимости прорусских настроений в венгерской политике и культуре разных веков.

Реализуя заявленную программу и войдя при этом во вкус сознательного мифотворчества, Бела Иллеш в следующем номере газеты, от 10 февраля, обратился к более близким событиям 1848–1849 гг. – революции и антигабсбургской национально-освободительной войне венгерского народа, подавленной при непосредственном участии царской армии под командованием фельдмаршала И. Ф. Паскевича. Перед читателями предстали образы капитана Алексея Гусева и его товарищей, осужденных царским судом за неповиновение⁶. Для того чтобы придать излагаемой версии больше достоверности, писатель сделал отсылку (фиктивную) к архивным документам, уничтожение которых можно было списать на еще не закончившуюся войну – в 1945 г. легче чем когда бы то ни было можно было объяснить, почему документ не сохранился. Согласно версии Иллеша, долгое время жившего

⁶ *Illés B.* Orosz tiszték Kossuth Lajosért // Új Szó. 1945. Febr. 10.

в эмиграции в Советском Союзе и выступавшего в глазах читающей публики в роли неплохого знатока советской культурной и научной жизни, в 1936 г. историки из Академии наук Белорусской ССР при изучении архивных материалов, относящихся к «венгерской кампании» 1849 г., якобы натолкнулись на папку, которая должна представить интерес не только для советских, но в еще большей мере для венгерских историков и, более того, для широких кругов общественности в Венгрии. В папке содержалось судебное дело капитана Алексея Гусева и ряда других военнослужащих, относящееся к маю–августу 1849 г. Как явствует из статьи Иллеша, в мае 1849 г. по «делу Гусева» кроме него самого было арестовано еще 15 офицеров за ведение в войсках пропаганды против интервенции царской армии в Венгрию. В августе 1849 г. они предстали перед военным трибуналом в губернском городе Минске на западе империи. Для того чтобы устранить у читателя любые сомнения в достоверности преподносимой версии, Иллеш обильно «цитировал» некоторые положения из выступления Гусева на несправедном суде. По своему идейному содержанию они в ряде мест напрямую перекликались со статьями Йожефа Реваи и других идеологов венгерской компартии о революции 1848 г., публиковавшимися в конце 1930-х гг. в газете венгерской коммунистической эмиграции «Új Hang» («Новый голос»). Желание спасти от разгрома монархию Габсбургов, говорил, в частности, Гусев своим судьям — не повод для того, чтобы проливать русскую кровь, более естественным для

России было бы встать на сторону славянских народов, угнетаемых Габсбургами; победа венгерской революции избавила бы эти народы от своего угнетателя, в свою очередь и венгры могли бы найти себе в лице соседних народов надежных союзников. Таким образом, в уста капитана царской армии вкладывались призывы к единению венгров со славянами монархии Габсбургов в интересах борьбы за общую («вашу и нашу») свободу. Как резюмировал Бела Иллеш, капитан Гусев пришел к пониманию того, что не может быть свободен народ, угнетающий другие народы, а кроме того, нельзя завоевать национальную свободу ценой угнетения других наций. В ряде случаев литератор не устоял перед тем, чтобы приписать царскому офицеру изречение идеологом, почерпнутых из публицистики В.И. Ленина. Согласно Иллешу, Гусев понял большое международное значение венгерской революции, осознал, что в интересах России и русского народа было бы не оказывать поддержку Габсбургам, а напротив, выступить на стороне их противников. На суде 7 человек из 16 подсудимых были приговорены к смертной казни. Гусев и 6 его единомышленников были казнены в Минске во дворе казармы 16 августа 1849 г. Факт проведения суда долгие десятилетия держался в секрете. Хотя оригинал судебного дела был, как утверждал Иллеш, уничтожен при оккупации Минска вермахтом, его копия по сей день должна храниться в одном из ленинградских архивов, в частности в архиве военно-исторического музея. Зная о более чем ограниченных возможностях доступа в СССР

к архивным документам, особенно для иностранцев (тем более что архивное дело находилось в ведении НКВД), писатель мог без видимого ущерба для своей репутации позволить себе «пригласить» венгерских историков по окончании войны в советские архивы, где они якобы могли бы сосредоточиться на изучении ранее неизвестных им фондов, содержащих ценные документы из истории венгерской революции 1848–1849 гг.

Обладавший немалым опытом практической политики литератор-коммунист (в 1925–1933 гг. — секретарь Международного объединения революционных писателей) преследовал своей публикацией, как уже отмечалось, актуальные политические цели — сотни тысяч венгров, подвергавшихся в годы хортизма сильной пропагандистской обработке в антисоветском духе (причем на благоприятный имидж северо-восточных соседей не слишком работало и поведение советских солдат в освобожденной ими стране в 1945 г.), следовало убедить в том, что установление тесных связей с СССР возымело бы для их страны позитивные последствия. Для обоснования правильности текущей политики, ориентированной на союз с СССР, приходилось широко прибегать к историческим аналогиям, приводить исторические аргументы. Новый политический заказ призывал как историков, так и писателей внести свою лепту в изучение и пропаганду длительных традиций сотрудничества венгерского и русского народов, реконструировать во всей ее исторической глубине картину двусто-

ронных связей на протяжении веков. Особенно востребованными могли бы оказаться в этом контексте факты русской помощи венгерскому национально-освободительному движению. Здесь реального исторического материала как раз не доставало и факты предстояло искусственно конструировать, что прекрасно умел делать Бела Иллеш, создатель мифа о капитане Гусеве.

Уверенность Бела Иллеша в невозможности опровержения венгерскими историками изложенной им версии (ввиду недоступности советских архивных документов) позволяла ему тиражировать ее в новых публикациях⁷. В том же 1945 г. обе статьи (о союзе Петра и Ракоци и о капитане Гусеве) были опубликованы и в книге о венгерско-русских исторических связях, вышедшей под редакцией Иллеша и другого

⁷ Мифотворчество Иллеша органично вписывалось в его творческую стратегию, направленную на достижение официального признания венгерского коммунистического режима. См.: *Klimó Á. von. «A Very Modest Man»*. Béla Illés, or How to Make a Career through the Leader Cult // *The Leader Cult in Communist Dictatorships. Stalin and the Eastern Bloc* / Ed. by Apor B. etc. New York: Palgrave Macmillan, 2004. См. также статьи Б. Вёрёша, анализирующие политическое мифотворчество Б. Иллеша, в первую очередь на примере образа капитана Гусева: *Vörös B. 1) Illés Béla «Guszev-ügye» — avagy hogyan lett az írói kitalációból történelmi tény 1945 és 1951 között // Múltunk. 2006. № 3; 2) Írói fikció, mint történelmi legitimáció: a Guszev-ügy // Valóság. 2008. № 5; 3) Doktor Utrius Pál, Kurt von Eichen és Alekszej Guszev kapitány. Illés Béla történelmi kitalációja és lehetséges előzményei // *Sic Itur ad Astra*. № 60. Bp., 2009. При этом надо иметь в виду, что Бела Иллеш, когда-то достаточно тесно связанный с репрессированным в СССР в 1930-е гг. Белой Куном, не воспринимался последующим лидером венгерской компартии Матяшем Ракоши в качестве человека своей команды.*

представителя венгерской коммунистической эмиграции в Москве, вернувшегося на родину в 1945 г. — профессора философии Белы Фогараша⁸. В 1947 г. Иллеш, эксплуатируя свою творческую «находку», написал о капитане Гусеве в жанре художественного очерка, публиковавшегося затем во многих изданиях. В своем предисловии к сборнику рассказов, включившему в себя и очерк «Дело Гусева», писатель отмечал сохраняющуюся политическую значимость этого «дела», поскольку оно дает достойный ответ на любые утверждения о том, что русско-венгерские отношения не имеют якобы исторических корней⁹. В это время на дворе уже был 1950 г., апогей диктатуры Ракоши, и версии, получившие официальную поддержку коммунистической власти, никто не мог теперь опровергнуть в печати. Показательно также, что примерно одни и те же фразы Иллеш вкладывал в уста своему герою А. Гусеву и в художественном произведении, и в газетных статьях; он и при публикации художественного очерка сделал примечание о том, что якобы цитирует подлинный документ — запись выступления Гусева на суде. Задача создать у читателя впечатление достоверности описываемых событий оставалась в силе независимо от жанра, к которому прибегал автор.

Эпоха требовала мифологем, доказывающих длительность и многообразие русско-венгерских исторических связей. Вымышленный образ

Гусева, поданный своим создателем в качестве реального исторического лица, оказался настолько блестящей находкой, что на него всё чаще ссылаются другие авторы — не только литераторы, но и профессиональные историки, желавшие не отстать от времени. Даже такой крупный писатель, как Дюла Ийеш, отдал дань утверждению этой мифологемы, воспроизведя ее в одном из своих рассказов¹⁰. Переходя из одной публикации в другую и всё глубже проникая в общественное сознание, миф зажил своей собственной жизнью, совершенно независимой от новых усилий своего создателя.

С легкой руки публициста Г. Хегедюша вымышленный образ Гусева начал фигурировать в одном ряду с подлинными историческими фигурами, такой, например, как находившийся на службе в русской армии офицер польского происхождения К. Руликовский, действительно перешедший на сторону борющихся за свободу венгров — он был казнен в Надьвараде (ныне Орадя, Румыния) в августе 1849 г. В газетной статье Хегедюша о Руликовском был упомянут и Гусев в качестве реальной персоналии, содержалась ссылка на публикации Иллеша¹¹. Общественность судеб вымышленного персонажа и реальной исторической фигуры, постановка их в один ряд

⁸ Magyar — orosz történelmi kapcsolatok. Szerk. Illés B., Fogarasi B. Bp., 1945.

⁹ Illés B. Válogatott elbeszélések. Bp., 1950. 5–6. o.

¹⁰ Причем в предисловии к сборнику, содержащему рассказ, он отметил, что в этом художественном произведении фигурируют только подлинные исторические фигуры. См.: *Vörös B. Írói fikció, mint történelmi legitimáció: a Guszev-ügy.* 106. o.

¹¹ *Hegedűs G. Rulikovszki ezredes emlékezete // Új Szó.* 1946. Febr. 9.

усиливали впечатление достоверности «дела капитана Гусева».

В ходе венгерской кампании русской армии 1849 г. действительно имели место отнюдь не единичные случаи неповиновения военнослужащих приказам сверху, свидетельствовавшие о непопулярности этой военной акции, чуждой российским национальным интересам. Факты такого рода, зафиксированные в архивах, нашли отражение во многих работах историков¹². При этом обращает на себя внимание, что особенно склонны были к протестным формам поведения военнослужащие польского происхождения, имевшие для этого свои специфические мотивы¹³. Многие из них, веря в возможность возрождения польской государственности, резонно воспринимали венгерское национальное движение в качестве потенциального союзника «польскому делу» (тем более что среди генералов венгерской армии были польские военачальники Ю. Бем и Г. Дембинский)¹⁴. Из источни-

¹² См.: Федоров А. В. Отношение передовых людей России к венгерской революции 1848–1849 г. // Вопросы истории. 1957. № 2; Авербух Р. А. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848–1849. М., 1965. Из работ последних лет см.: Гросул В. Я. Русские участники зарубежных революций первой половины XIX в. // Новая и новейшая история. 2007. № 4; Орлик И. И. Венгерская революция 1848–1849 г. и Россия // Новая и новейшая история. 2008. № 2. Как следует, впрочем, из представленного в работах обильного материала, мотивы неповиновения могли быть разными, включая случаи дезертирства в целях поиска лучшей жизни.

¹³ Это по сути признает в своей статье и В. Я. Гросул.

¹⁴ В свою очередь и российские военачальники были зачастую склонны рассматривать

ков выясняется, что если кто-то из офицеров русской армии и переходил прямо на сторону мятежных венгров, то, как правило, это были поляки¹⁵. Но в статьях Г. Хегедюша Руликовский подавался отнюдь не как поляк, а как русский офицер, и в этом смысле он мало чем отличался от Гусева. В интересах пропаганды русско-венгерской солидарности приходилось подверстывать к создаваемой исторической картине польских офицеров, что вело к заметному ее обогащению (русских героев, открыто протестовавших против действий своих властей в Венгрии, было на самом деле не так много). Миф, переходивший из одной статьи в другую, призван был подчеркнуть типический характер подвига Руликовского и Гусева как представителей прогрессивных кругов российской общественности. Г. Хегедюш шел и дальше, ставя как Руликовского, так и Гусева в один ряд с представителями российской революционной демократии — А. И. Герценом, Н. Г. Чернышевским и другими сим-

венгерское антигабсбургское движение (и особенно военные успехи генерала Бема) сквозь призму «польской интриги», угрожающей целостности Российской империи. Как читаем в одном из донесений о ситуации в Трансильвании (февраль 1849 г.), задача Бема и других «венгерских начальников» состояла именно в том, чтобы «утвердив свою власть в Трансильвании, перенести сколь можно скорее театр возмущения в Галицию», расположенную в непосредственной близости от российско-австрийской границы. См.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 198.

¹⁵ Участию поляков в национально-освободительной борьбе венгерского народа посвящена большая литература. См., например: Kovács I. «...mindvégig veletek voltunk». Lengyelek a magyar szabadságharcban. Bp., 1998.

патизировавшими венгерской революции мыслителями¹⁶.

В 1947 г. без упоминания капитана Гусева уже обходилась редкая статья по истории русско-венгерских отношений. В марте 1947 г. на страницах той же газеты «Új Szó», издававшейся под эгидой Союзной контрольной комиссии в Венгрии, о Гусеве как о реальной исторической персоналии впервые говорится в статье советского автора¹⁷. Публикация этой статьи была призвана подтвердить подлинность судебного дела Гусева уже как бы от имени советской историографии. В статье советского автора также в одном ряду фигурировали реальные и вымышленные фигуры, а усилению научного веса излагаемой версии должны были способствовать (как и в первой статье Иллеша) ссылки на несуществующие архивные документы.

В 1947 г. в общегосударственном масштабе начинается подготовка к 100-летию юбилею революции 1848 г. В публикациях, излагающих программу юбилейных мероприятий, говорилось о планах ознакомления широкой общественности с «делом Гусева»¹⁸. Начиная с этого

времени никогда не существовавший в реальности капитан Гусев попадает в пантеон героев революции 1848 г., символизируя отношение передовой российской общественности к венгерскому национально-освободительному движению — это отвечало задачам исторической легитимации политического режима, ориентированного в стратегическом плане на СССР. Важно учитывать, что царская интервенция 1849 г. плохо вписывалась в усиленно создававшуюся всеми средствами массовой информации идеализированную картину истории русско-венгерских отношений. Для того чтобы как-то исправить положение, важно было показать, что и в реакционной царской армии были прогрессивные офицеры, радевшие за «венгерское дело». Поскольку в реальности таких офицеров было немного, для создания более внушительной картины приходилось прибегать к мифотворчеству — так и был востребован образ Гусева. В программной статье, опубликованной в начале 1948 г., отмечалось, что благодаря СССР идеи 1848 г. получают реализацию на практике через 100 лет, в 1948 г.¹⁹ В статье прямо говорилось о том, что предстоящие юбилейные торжества должны быть подчинены задачам культивирования традиций советско-венгерской дружбы. Для практической реализации этой установки необходимо было привлечь большой исторический материал. Если реальных фактов не доставало, факты надо было искусственно конструировать.

¹⁶ Без мифотворчества не обходилось и там, где дело касалось отношения российских революционных демократов и в частности Герцена, много общавшегося с Кошпутом в эмиграции, к венгерской революции — анализ проблемы подменялся стереотипами, однако это уже тема другого исследования.

¹⁷ *Jepticin E.* Az orosz és a magyar nép történelmi kapcsolatai // *Új Szó.* 1947. Márc. 15. В переработанной версии статья вышла также в: *Igaz Szó.* 1947. ápr. 23.

¹⁸ См.: *Új Szó.* 1947. Okt. 26; *Igaz Szó.* 1947. Nov. 12; *Új Magyarország.* 1948. Febr. 28.

¹⁹ *Husztli D.* Centenárium // *Fórum.* 1948. Január. 9. o.

По мере приближения юбилейных торжеств значимость «дела Гусева» нарастала как снежный ком. Так, в разработанную программу празднеств входило посещение Минска и возложение венков на могилу капитана Гусева и его товарищей, а также к месту их казни²⁰. Выдвигалась также идея перезахоронить останки героев в Венгрии. Возникновение этой инициативы свидетельствовало об эффективности пропаганды — миф был воспринят всерьез, даже многие люди, принадлежавшие к политической элите, верили (или делали вид, что верили) в то, что Гусев существовал реально. Более того, различные силы, противоборствовавшие (подчас довольно остро) на политической арене, стремились использовать этот миф в своих тактических интересах. На одном из писем с предложением о возложении венков, относящемся еще к весне 1947 г., стоит резолюция тогдашнего премьер-министра Ференца Надя, лидера партии мелких сельских хозяев. Другой политик этой партии, министр информации Эрне Михайфи, находясь в Москве, при встречах с советскими функционерами напрямую поднимал вопрос о возможности возложения венгерской делегацией венка на могилу²¹. К этому времени контролируемые компартией венгерские спецслужбы усиленно занимаются фабрикацией дела об антигосударственном заговоре, призванного скомпрометировать лидеров партии мелких сельских хозяев (в конце мая 1947 г.

после публикации в прессе разоблачительных документов, на самом деле сфальсифицированных, Ференц Надь был вынужден подать в отставку). В условиях мощного напора со стороны своих оппонентов-коммунистов политики из партии мелких сельских хозяев, чтобы доказать как венгерскому общественному мнению, так и Москве свою приверженность далеко идущему сотрудничеству с СССР, отдали дань созданной литератором-коммунистом мифологеме. Между тем желание высокопоставленных венгерских функционеров возложить цветы на несуществующую могилу стало не очень приятным для советской стороны поворотом в «деле Гусева». Инициативы пришлось спустить на тормозах, а людей охладить. Из Москвы дали понять, что возложить венок невозможно, поскольку трудно определить, где находится могила²².

Особенно пышным цветом мифотворчество расцвело в публикациях, относящихся к месяцам юбилейных торжеств, посвященных 100-летию революции²³. Очерки о Руликовском и Гусеве, двух «русских» офицерах, перешедших на сторону венгерской революции, были опубликованы на одной газетной полосе и носили взаимодополняющий характер²⁴. Эта публикация должна была способствовать тому, чтобы история с «делом Гусева» выглядела более достоверной, а с другой стороны, и образ поляка Рули-

²⁰ См.: *Vörös B. Írói fikció, mint történeti legitimáció: a Guszev-ügy.* 105. o.

²¹ См.: *Vörös B. Illés Béla «Guszev-ügye» — avagy hogyan lett az írói kitalációból történelmi tény 1945 és 1951 között.* 219–220. o.

²² Ibid.

²³ См.: *Hegedűs G. 1848 történetének ismeretlen lapjaiból // Jószozsédság nagy naptára 1848.* Вр., 1947. 9–15. o.

²⁴ См.: *Új Szó.* 1948. Márc. 14.

ковского был эффективнее использован в контексте пропагандистской кампании, призванной подчеркнуть русско-венгерское братство, длительность и глубину двусторонних общественных связей²⁵. Пафос статей заключался в том, что «свободолюбивый русский народ не отождествлял себя с царским режимом», напротив, его лучшие представители солидаризировались с устремлениями венгров, борющихся за свободу. При упоминании в разных газетных и журнальных публикациях Алексея Гусева делался актуальный политический вывод: политика СССР, т.е. сегодняшней России, освободившей в 1945 г. Венгрию, в полной мере следует тем традициям, ярким выразителем которых явился в 1849 г. армейский капитан, не подчинившийся приказам своих генералов²⁶.

В конце 1940-х гг. дежурные ссылки на «дело Гусева» всё чаще мелькают не только в СМИ, но и в научных изданиях, причем иногда даже в работах серьезных авторов²⁷. Уже

²⁵ В 1948 г. выходят новые книги, в которых Руликовский подавался не как поляк, а именно как русский офицер. См. обобщающего характера работу по истории революции 1848–1849 гг.: *Forradalom és szabadságharc 1848–1849*. Вр., 1948 (Среди ее авторов были виднейшие функционеры компартии, ответственные за положение дел в исторической науке, — А. Мод, Э. Андич и др.).

²⁶ О том, как в конкретно-исторических условиях весны 1948 г. отмечали 100-летний юбилей революции, см.: *Gerő A. Az államosított forradalom. 1848 centenáriuma*. Вр., 1998; *Gyarmati Gy. Március hatalma — a hatalom márciusa. Fejezetek március 15. Ünneplésének történetéből*. Вр., 1998.

²⁷ См. например предисловие З. Трочани к публикации мемуаров о царской интервенции 1849 г.: *Trocsányi Z. Bevezetés // Két emlékirat az 1849. évi cári intervencióról* (Sajtó alá rend. Gonda I.). Вр., 1948. 13–15. о.

начиная с 1948 г. о капитане Гусеве упоминается в новых школьных учебниках по истории²⁸. Очерки и рассказы о подвиге армейского капитана, принадлежащие перу как Б. Иллеша, так и других авторов, тиражируются в детских журналах²⁹. В августе 1949 г., по случаю 100-летия казни мятежного капитана и его товарищей, была установлена памятная доска на здании министерства тяжелой промышленности в Будапеште (внешним фоном для этой акции послужил готовившийся в это время, от начала до конца сфальсифицированный судебный процесс по делу видного деятеля компартии Ласло Райка, обвиненного во многих смертных грехах, в том числе в стремлении оторвать Венгрию от Советского Союза). В 1951 г. в честь Гусева была названа улица в столице, после чего его имени удостаиваются и улицы в провинциальных городах³⁰. Но когда в 1954 г. Институт истории Венгерской академии наук включил Руликовского в список исторических персоналий, в честь которых следовало бы назвать какие-либо

²⁸ Об использовании этого образа в учебном процессе см.: *Vörös B. «Odaszámíthatjuk-e Guszev kapitányt és társait a magyar szabadságharc vértanúi közé?» A Guszev-történet megjelenítése az új nemzedékek oktatási-nevelési anyagaiban 1948 és 1956 között // Generációk a történelemben. Nyíregyhaza, 2008.*

²⁹ См.: *Pajtás*. 1952. Február 20. В публикации на страницах детского журнала «дело Гусева» было поставлено в один ряд с другими фактами проявления русско-венгерского единения в борьбе за прогрессивные идеалы (фактами, относящимися к 1919, 1944 гг. и т. д.).

³⁰ О чествованиях в Венгрии несуществующего героя см.: *Vörös B. Politikai propaganda, kultusz, szépirodalom. Guszev kapitány és társainak méltatásai 1945 és 1972 között // Irodalomtörténet*. 2007. 1 sz.

объекты в Будапеште, идея не прошла — только теперь пришла пора вспомнить, что он был поляком. Польско-венгерскую солидарность не было принято пропагандировать, зная о том, что в определенных исторических условиях она могла приобрести антироссийскую либо антисоветскую направленность. Через два года, в октябре 1956 г., именно демонстрация солидарности с польскими борцами за обновление социализма положила, как известно, начало мощному венгерскому восстанию.

В дни ежегодно проводившихся месячников советской культуры в Венгрии их организаторы стремятся синхронизировать целый ряд мероприятий, связанных с напоминанием о «деле Гусева» (публикацию статей, художественных произведений, открытие мемориальной доски, переименование улиц и т. д.). В соответствии с политическим заказом инициируются, таким образом, многосторонние пропагандистские кампании, направленные на утверждение в венгерском массовом сознании представлений о якобы реально существовавшей исторической фигуре русского офицера, публично осудившего подавление венгерской революции. Усилиями многочисленных пропагандистов формируется глянцевоый образ, символизирующий дружбу двух народов и, более того, призванный исторически легитимизировать правильность политики Венгерской партии трудящихся (ВПТ), установившей к лету 1948 г. свою монополющую власть в стране, политики, направленной не просто на максимальное сближение с СССР, но на копи-

вание репрессивной сталинской модели.

Однако какие бы мощные пропагандистские ресурсы ни вкладывались в поддержание мифа о Гусеве, этот благородный образ русского офицера всё же был неспособен нейтрализовать в исторической памяти венгерской нации воспоминания о решающей роли российской армии в подавлении венгерской революции. Это понимали и партийные идеологи. В 1950 г. возник вопрос о том, когда, в какое время года лучше проводить ежегодные месячники советской культуры. В руководстве ВПТ приходят к выводу о том, что оптимальным сроком проведения месячников стал бы период времени между 15 января и 15 февраля, тогда как 15 марта, день начала революции 1848 г. — не лучшая дата для демонстрации нерушимой советско-венгерской дружбы³¹. Бросая тень на могучего северо-восточного соседа, день 15 марта не очень подходил в новых условиях для того, чтобы оставаться национальным праздником. Хотя традиция антигабсбургской национально-освободительной борьбы и была определенным образом интегрирована в официально признанное коммунистическим режимом национальное идейное наследие, 15 марта с 1951 г. становится рабочим днем, что не могло не задеть патриотические чувства миллионов венгров. Вместо этого национальным праздником был провозглашен день окончательного освобождения Венгрии Красной Армией в 1945 г. — 4 апре-

³¹ Magyar Országos levéltár (MOL). 276 f. 252-II б.б.

ля. Как отмечалось в соответствующем постановлении Госсобрания, выбор этого дня в качестве праздника подчеркивал нерушимость советско-венгерской дружбы, благодарность венгерского народа своему освободителю, «оплоту мира — СССР, и лично великому Сталину — учителю прогрессивного человечества»³². Однако не всё венгерское общество готово было принять в качестве национального праздника день, связанный с приходом в страну иностранных войск, пусть даже выступавших с освободительной миссией. Ежегодные неформальные празднования многими тысячами венгров дня 15 марта, подчас принимая оппозиционный действующей власти оттенок, на десятилетия становятся серьезной проблемой для венгерских спецслужб³³.

Профессиональных пропагандистов, исполнявших полученный политический заказ, мало смущало отсутствие достоверных источников о «деле Гусева», иное дело серьезные историки, не оставлявшие надежд на возможность получения доступа к архивным документам. В Венгерском государственном архиве сохранилось письмо, в котором Министерство просвещения и культуры в 1948 г. просило Москву

через посла, известного историка старшего поколения Дюлу Секфю, предоставить копию документов о капитане Гусеве, которые могут храниться в советских архивах, в том числе в упомянутых Белой Иллешем архивных фондах военно-исторического музея в Ленинграде³⁴. В ответ на запрос венгерская сторона была информирована: в советских музеях и архивах никаких материалов о капитане Гусеве не обнаружено³⁵. Даже в тех случаях, когда речь шла о реально существующих документах, доступ к ним для иностранцев был крайне затруднителен. Когда дирекция Ленинградского пединститута имени Герцена обратилась в МИД СССР с просьбой о предоставлении венгерскому аспиранту М. Сабо разрешения сделать фотокопии хранившихся в открытых библиотечных фондах газетно-журнальных статей 1848–1849 гг., в МИДе сочли, что нет формальных оснований отказывать. Вместе с тем начальник историко-дипломатического управления МИД, известный историк, будущий академик В. М. Хвостов заметил в своей резолюции: «С другой стороны, не может не вызывать недоумения политическая близорукость соответствующих работников Ленинградского педагогического института, считающих целесообразным занимать аспиранта-венгра историей русской интер-

³² См.: *Glatz F. Ünnepeink 1945–1990 // História.* 1992. № 10. 30. о.

³³ Автор этих строк, в марте 1984 г. студент-пятикурсник МГУ, находившийся со своими однокашниками на преддипломной стажировке в Будапеште, был случайно задержан в ночь на 15 марта бдительными полицейскими, ожидавшими несанкционированных молодежных сходок под оппозиционными лозунгами и проводившими превентивные меры.

³⁴ MOL. 276 f. 256-IV ő.é.

³⁵ Архив внешней политики России (АВПР). Ф. 077. Оп. 28. Пор. 25. Папка 131. Не было обнаружено и письмо Маркса вождю венгерской революции Л. Кошуту, на существование которого указывалось в некоторых публикациях, относящихся к периоду празднования 100-летия революции.

венции, направленной на удушение венгерской революции 1848 г. Вряд ли это целесообразно с политической точки зрения»³⁶. Запрашиваемые копии, как и в ряде других случаев, так и не были изготовлены.

Доступ к документам казался нежелательным, поскольку они могли разрушить идеологемы и мифы, насаждавшиеся по всем пропагандистским каналам — через учебники, прессу, а также и через продукцию официальной историографии. Как и в Венгрии, в Советском Союзе с конца 1940-х гг. о «деле Гусева» упоминается не только в газетных публикациях, но и в научной литературе. Так, в двухтомнике «Революции 1848–1849 гг.», вышедшем в 1952 г., поступок Гусева и его товарищей был приведен в качестве примера доброжелательного отношения прогрессивной части русского офицерства к венгерской революции: «капитан Алексей Гусев доказывал солдатам и унтер-офицерам своей части, что дело Венгрии — правое дело, что царское правительство воюет не ради освобождения славянских народов, а ради подавления революционного движения, и что если венгры будут побеждены, австрийские славяне останутся под гнетом монархии Габсбургов. Гусев призывал своих подчиненных переходить на сторону венгерской революционной армии. Об агитации Гусева узнало начальство; он был арестован вместе с несколькими единомышленниками, отправлен в Россию, предан военному суду

и казнен»³⁷. Сноска на конкретный источник в тексте отсутствовала³⁸.

Бесплодные поиски в архивах, как советских, так и венгерских³⁹, только усилили скептицизм историков в отношении достоверности «дела Гусева», поставив под угрозу мифологему Белы Иллеша. Уже в первой

³⁷ См.: Революции 1848–1849 гг. Т. I–II / Под редакцией Ф. В. Потемкина и А. И. Молока. М., 1952. Т. II. С. 119–120 (Текст главы принадлежал Р. А. Авербух). Показательно, что реально существовавший Казимир Руликowski в этом тексте не упоминается: размышления о том, почему среди офицеров российской армии, проявивших солидарность с венгерской революцией, были представлены преимущественно поляки, могли подвести читателя к нежелательным выводам.

³⁸ В процессе подготовки этого труда АН СССР в 1950 г. обратилась в только что реорганизованную коммунистической властью Венгерскую академию наук с просьбой прислать научные исследования историков, в которых упоминался Гусев. Оказалось, что в трудах Института истории он фактически не упоминался, и была возможность прислать только составленный в Венгерско-Советском обществе культурных связей обширный (причем неполный) список публицистических выступлений, хотя и принадлежащих в ряде случаев перу профессиональных ученых-гуманитариев (свидетельство Б. Вёрёша). Институт истории ВАН по сути отмежевался от выполнения просьбы о помощи советским коллегам, сославшись на то, что достоверные источники следует искать скорее в СССР, нежели в Венгрии.

³⁹ Институт истории ВАН вскоре после вышеупомянутого обращения из Москвы получил задание изучить соответствующие фонды в венгерских архивах в целях нахождения в документах возможных упоминаний о «деле Гусева». Никаких упоминаний о Гусеве и его товарищах, как и ожидалось, не было найдено, правда, были введены в научный оборот другие факты, свидетельствующие о негативном отношении некоторых российских военнослужащих к венгерской кампании.

³⁶ АВПР. Ф. 077. Оп. 28. Пор. 56. Папка 131. Л. 23.

половине 1950-х гг. упоминания о капитане Гусеве и его товарищах выпадают из венгерских учебников. Сомнительное минское судебное дело не было упомянуто в статье советского историка Р.А. Авербух «Борьба венгерского народа за независимость в 1848–1849 гг. и прогрессивные силы русского общества», опубликованной в вышедшем в Венгрии в 1956 г. большим тиражом итоговом сборнике статей советских и венгерских авторов по истории русско-венгерских отношений на протяжении нескольких веков⁴⁰. Это тем более показательно, что приведенная выше цитата из советского двухтомника «Революции 1848–1849 гг.» принадлежала именно перу Р.А. Авербух.

Если в Венгрии к середине 1950-х гг., а особенно после 1956 г. упоминания в научных работах о «деле Гусева» всё более воспринимаются в среде историков как проявление дурного тона, пережиток сталинской эпохи и т. д., то в советской литературе миф продолжал по инерции цвести пышным цветом, о чем свидетельствует в частности статья

⁴⁰ См.: *Averbuch R.A. A magyar nép 1848–1849 évi függetlenségi harca és az orosz társadalom haladó erői // Magyar-orosz történelmi kapcsolatok. Szerk. Kovács E. Bp., 1956.* В статье широко цитировались высказывания А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и других российских мыслителей о венгерской революции, приводились некоторые свидетельства, почерпнутые из мемуаров современников, были использованы архивные документы, в частности приведен ряд фактов неповиновения российских солдат и офицеров (не в последнюю очередь поляков) в ходе венгерской кампании; хранились эти документы главным образом в фондах военных трибуналов в Государственном историческом архиве в Ленинграде.

А. В. Федорова, опубликованная в «Вопросах истории» в 1957 г.⁴¹

После 1956 г. Б. Иллеш уже не считался в Венгрии большим литературным авторитетом, поэтому с начала 1960-х гг. дело уже не ограничивается замалчиванием мифа, в венгерской прессе появляются публикации, в которых открыто ставилось под сомнение существование капитана Гусева⁴². В 1965 г. публицист Г. Хегедюш, который в 1940-е гг. внес свою лепту в мифологизацию образа Гусева, теперь по сути дезавуировал этот образ как писательскую выдумку — в статье, отдающей должное литературному мастерству Б. Иллеша. Восхваляя писателя, автор довольно элегантно провел па-

⁴¹ *Федоров А.В.* Отношение передовых людей России к венгерской революции 1848–1849 гг. // *Вопросы истории.* 1957. № 2. В работе с опорой на конкретные документы из российских и венгерских архивов были описаны реальные факты перехода военнослужащих царской армии (главным образом поляков, но не только их) на сторону венгерской революции. Вместе с тем без ссылок на архивы была приведена и неподтвержденная документами версия о том, как капитан Гусев, командир батальона, убедившись в справедливости дела венгров, осудил действия царской армии, призывал подчиненных перейти на сторону венгерской революции. 16 военнослужащих в результате были преданы суду. На судебном процессе Гусев обвинял царское правительство в организации несправедливого похода с целью ликвидации завоеваний венгерской революции, который не принесет свободы ни венграм, ни славянам. За отказ участвовать в подавлении венгров семь обвиняемых были приговорены к смертной казни, другие сосланы в Сибирь. Таким образом, в статье была полностью воспроизведена версия Б. Иллеша (Там же. С. 93).

⁴² *Szeberényi L. Guszev kapitány // Új Írás.* 1961. Július. См. также: *Vörös B.* «Hiszen Guszev nem is létezett». Egy kultusz lerombolása az 1950-es évek közepétől az 1990-es évekig // *Századvég.* 2008. 3 sz.

раллели между капитаном Гусевым и... Вильгельмом Теллем, в достоверности которого сомневался мало кто из швейцарцев⁴³. В этих условиях уже и сам Б. Иллеш в 1960-е гг. нигде больше не утверждал, что Гусев — реально существовавшая фигура, хотя и не отказался от новых публикаций своего художественного очерка о нем и получения за это гонораров. Как бы там ни было, в 1960-е гг. образ капитана Гусева еще занимал свое место в пропагандистской, общественно-политической литературе — требования политической пропаганды подчас оказывались сильнее стремления историков к поиску правды. В условиях, когда задача культивации советско-венгерской дружбы оставалась приоритетной, в системе партийного агитпропа не могли и не хотели сразу отказаться от использования привычного, устоявшегося стереотипа, символизирующего братство двух народов. Тем более что новые стимулы для поддержания этого стереотипа исходили теперь из СССР.

3 апреля 1965 г. на юбилейной сессии Госсобрания ВНР, посвященной 20-летию освобождения Венгрии от нацистов, выступил высокопоставленный гость из Москвы, член Президиума ЦК КПСС, председатель Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микоян. Очевидно, что кремлевские спичрайтеры, работавшие над речью, при подготовке ее раздела, посвященного истории двусторонних отношений, опирались прежде всего на работы 1950-х гг. В 1848 г., говорил Мико-

ян, не только великие мыслители, революционеры-демократы России были на стороне венгерской революции. «Даже в царской армии были революционеры-демократы среди офицеров и солдат, которые смело выступали против тех, кто направлял их на кровавую расправу, поднимали гневный голос протеста и отказывались исполнять роль палачей. Имеются исторические документы, которые свидетельствуют об осуждении многих офицеров и солдат за нежелание пойти против венгерской революции, и мы очень рады, что наши товарищи-венгры это знают и ценят. В Будапеште есть улица капитана Гусева, который открыто заявил, что он и его товарищи не поддерживают акции русского царизма, направленной на подавление венгерской революции, что нельзя русскому народу идти против свободолюбивого венгерского народа. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что он самоотверженно говорил об этом на суде и следствии и погиб вместе с товарищами от рук царских палачей»⁴⁴. История капитана Гусева была поставлена в ряд проявлений общих революционных традиций, способствующих укреплению советско-венгерской дружбы в условиях строительства социализма.

Сколько ни были голословны утверждения о наличии архивных документов, они частично повлияли на общественное мнение. Через считанные недели после посещения Будапешта А. И. Микоян уйдет с поста председателя Президиума Верховного Совета СССР, хотя в от-

⁴³ *Hegedűs G. A novellista Illés Béla // Új Írás. 1965. Augusztus.*

⁴⁴ Правда. 1965. 4 апреля.

личие от Н.С. Хрущева, отстраненного в октябре 1964 г., не окажется в полной опале. Как бы там ни было, выступление авторитетного, а в Венгрии особенно влиятельного советского политика (ведь именно с приездом А.И. Микояна в Будапешт молва с полным на то основанием связывала отстранение в июле 1956 г. скомпрометированного партийного лидера М. Ракоши и другие меры по политическому разрешению венгерского кризиса⁴⁵), вдохнуло, пусть и ненадолго, свежие силы в миф, хотя, конечно, и не вернуло его в венгерские научные публикации.

В момент приезда А.И. Микояна в Будапешт уже и в СССР в соответствующих научных работах авторы старались обходить стороной фигуру капитана Гусева, зная о невозможности ее верификации надежными источниками. В фундаментальной монографии Р.А. Авербух о венгерской революции 1848 г., в разделе «Борьба венгерского народа за независимость в 1848–1849 гг. и передовая русская общественность», говорилось о непопулярности в российском обществе венгерской кампании, приводились судебные дела, свидетельствовавшие о том, что были многочисленные случаи дезертирства, имел место и переход солдат и офицеров на сторону венгров. Капитан Гусев не был упомянут, хотя со ссылкой на вышеприведенную статью А.В. Федорова были приведены общие слова: «о случаях перехода русских солдат на сторону венгерской революции, о желании

некоторых “воевать за венгерское дело” говорят и венгерская революционная печать того времени, и материалы венгерских архивов»⁴⁶.

В конце 1980-х гг., на закате эпохи социализма, пришла пора проанализировать «феномен Гусева» в контексте изучения характерных тенденций венгерской историографии новейшего времени. Как писала в 1988 г. И. Рошонци в предисловии к публикации свидетельств русских участников и современников кампании 1849 г., история с капитаном Гусевым хорошо иллюстрирует плохую осведомленность не только венгерского общественного мнения, но даже профессионалов-историков относительно русских источников по истории венгерской революции 1848 г. Только в этих условиях «дело Гусева», выдуманное публицистом, на протяжении десятилетий могло фигурировать в качестве исторического факта как в советской, так и в венгерской литературе, — при том что ни в каких источниках нет ни малейших о нем упоминаний⁴⁷. В самом деле, хотя историки не просто поставили под сомнение, но давно опровергли факт существования Гусева, его именем продолжали называться улицы во многих венгерских городах и селах, и это питало миф. В Будапеште улица Гусева сохраняла свое название до 1990 г., до 1995 г. на министерском здании висела мемориальная доска в его честь. Еще через два года на другом столичном зда-

⁴⁶ Авербух Р.А. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848–1849. М., 1965. С. 319.

⁴⁷ A magyarországi hadjárat 1849. Orosz szemtanúk a magyar szabadságharcról. Vál. Rosonczy I. Bp., 1988.

⁴⁵ См.: *Стьепалин А.С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 г. и политика Москвы. М., 2003.

нии была водружена памятная доска в честь реально существовавшего К. Руликовского. Она была призвана символизировать общность польских и венгерских демократических и национально-освободительных традиций. Таким образом, повороты в «деле Гусева» (как и в деле Руликовского) совпадали с поворотами в развитии страны.

Что же касается до сих пор имеющих место случаев некритического подхода к фигуре капитана Гусева даже в работах крупных российских историков, то это объясняется историографической инерцией, недостаточным знанием достижений венгерской историографии⁴⁸.

⁴⁸ В отличие от статьи В.Я. Гросула, в недавней статье другого крупного историка, И.И. Орлика со ссылкой на названные нами работы А.В. Федорова (1957 г.), Р.А. Авербух (1965 г.) и В.Я. Гросула (2007 г.) говорится уже без конкретного упоминания Гусева о десятках русских офицеров и солдат, участвовавших в «венгерском походе» и выражавших свои симпатии к революционным венграм, о судебных делах, свидетельствующих о переходе русских солдат и офицеров на сторону венгров, об их желании «воевать за венгерское дело». См.: Орлик И.И. Венгерская революция 1848–1849 гг. и Россия // Новая и новейшая история. 2008. № 2. С. 38.

Таким образом, при определенных исторических обстоятельствах вымышленный литературный образ может перевесить результаты исторических исследований, опирающихся на источники, и быть востребован в качестве реального факта, стать феноменом историографии. «Дело Гусева» – типичный пример того, как не только реальные исторические традиции и реальное историческое знание, но и тесно связанные с ними историческая мифология и мифотворчество используются получающей официальную поддержку научной литературой для придания легитимности настоящему – прежде всего власти, ее текущей политике. Всё это, конечно же, способствует усилению элементов мифологизации в историческом знании. Когда реальных фактов не достаёт, традицию, взятую в строго определенном идейно-политическом ракурсе, приходится искусственно конструировать методами художественного творчества⁴⁹.

⁴⁹ См.: The Invention of Tradition / Ed. by Hobsbaum E., Ranger T. Cambridge Univ. Press, Cambridge etc., 1985.

В. Е. Шишков

БОЙ «ВАРЯГА»: ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

*Auf Deck, Kameraden, all auf Deck!
Heraus zur letzten Parade!
Der stolze «Warjag» ergibt sich nicht,
Wir brauchen keine Gnade!*

Rudolf Greinz

110 лет прошло с тех пор, как отгремели залпы сражения в далекой корейской бухте Чемульпо, где погибли в самом начале русско-японской войны стационар «Варяг» и канонерка «Кореец».

Как большинство современных людей расскажет нам о том, что произошло тогда, 9 февраля 1904 г., когда вездомый Рудневый «Варяг» принял свой первый и единственный бой под Андреевским флагом?

Большинство, хоть сколько-нибудь знакомое с историей, до наших дней представляет себе, как русские моряки провожали свой крейсер в морскую бездну, отдавая ему последние воинские почести, словно погибшему боевому товарищу. Как чайки донесли эту печальную весть из далекого Желтого моря до России, которая воспряла от равнодушного сна, пораженная героическим подвигом «за Веру, Царя и Отечество». Как никто не остался равнодушным. Как спустя всего две недели появилась печальная песня «Плещут холодные волны». Как впечатленный подвигом русских моря-

ков австриец Рудольф Грейнци написал свое героическое и трагическое стихотворение, ставшее известной на весь мир песней «Наверх, вы, товарищи, все по местам!», пластинки с исполнением которой таким же знаменитым на весь мир хором Василия Сергеевича Варшавского (были даже записи некоего шарманщика Васи) будут расходиться тысячными тиражами, затмив даже великолепного черногорца Вавича с его «Маньчжурскими сопками»...

А потом, спустя годы другая уже империя, советская, сперва снимет героический фильм, а несколько лет спустя разыщет на своих бескрайних просторах 15 последних оставшихся в живых моряков с «Варяга» и «Корейца», чтобы наградить их к пятидесятилетнему юбилею сражения медалями «За Отвагу». Их именами будут называть улицы и скверы каждый раз, когда наступит очередная «круглая» дата или просто потребуется напомнить о национальной гордости, будут снимать документальные фильмы, «крутить» в выпусках новостей сюжеты о бое в Желтом

море и упрекать «бессердечных» англичан, взорвавших несчастный крейсер, севший на мель по пути следования в Германию, куда он был продан на металлолом...

Есть в этом массовом представлении доля правды. Но это полуправда, вернее, «удобная» часть правды.

И так продолжается до наших дней, словно на дворе 1904, а не 2014 г., словно еще висят на стенах домов и афишных тумбах плакаты с изображением казака, поедающего вилкой маленьких японцев, которых подталкивает к нему длинный и худощавый дядюшка Сэм в звездно-полосатом цилиндре. Бесконечный пафос, славословия, ненатуральная скорбь, по сути своей переходящие в банальный фарс.

Естественно, умалять героизм и мужество павших и живых офицеров и матросов «Варяга» и «Корейца» глупо и преступно перед исторической памятью своего народа и страны. Но при этом никому не хочется серьезно задуматься, почему именно «Варяг» стал неким идолом, легендой, которая раньше всего, на уровне рефлекса или ассоциации, вспоминается большинству наших соотечественников, едва они слышат о той далекой и позорно проигранной русско-японской войне. Именно «Варяг» и «Кореец», и только уж потом героический Порт-Артур. Что тут говорить про Цусимское сражение, имевшее, кстати, такое количество фактов беспримерного мужества и героизма, что хватит на целый флот «Варягов»! А потом уж, напоследок, вспомнится сентиментальному обывателю печальный

вальс «На сопках...». Мало кому интересно, что вместо этой бронзовеющей год от года легенды, повторяемой, словно священная мантра, необходимо просто во всеуслышание попросить прощения у всех этих брошенных и по сути преданных погибших солдат, матросов и офицеров той далекой войны, чья смерть стала и до сих пор остается козырной картой в руках идеологов и пропагандистов всех мастей, воспитывающих бутафорскую «национальную гордость». Это настоящая манипуляция трагедией, случившейся по причине бессовестного и беспросветного воровства, тупости, безынициативности, равнодушия и цинизма власти, не постеснявшейся из раза в раз использовать весь трагизм ситуации в своих корыстных интересах для увеличения «национального подъема», т.е. для создания необоснованно положительной доминанты общественных настроений. В прямом смысле слова на костях павших.

Итак, дабы предупредить обвинения в голословности, очередной попытке «очернения истории», ниспровержения идеалов, обо всем по порядку.

I. ПОЧЕМУ ИМЕННО «ВАРЯГ»?

В основу мифа легло твердое массовое убеждение в том, что самый современный по тем временам и самый быстроходный крейсер мира, не захотев сдаваться в плен, что во все времена было позором, принял неравный бой с японской эскадрой и был потоплен командой, чтобы не попасть в руки врага.

Это первый вопрос. Он же и самый главный. На вопрос, почему «Варяг», который согласно своим базовым характеристикам мог развивать скорость более 23 узлов, не ушел, каждый знающий «правильную» историю на основании «позитивного отношения» к истории России, не сомневаясь ответит, что командир и команда «Варяга», руководствуясь идеалами воинской чести и товарищества, не смогли оставить один на один с японцами тихоходную канонерскую лодку «Кореец». Красиво, не правда ли?

Также почти каждый, хоть чуть-чуть знающий историю нашей страны, пусть даже в объеме школьной программы, назовет как минимум не меньше по своему накалу, героизму и трагизму события русско-японской войны. Среди них обязательно будут и героическая оборона Порт-Артура, и гибель «Стерегущего», и трагедия Мукденского сражения, и, несомненно, ужасающий Цусимский бой, когда русская эскадра погибала под шквальным огнем японских канониров, но командиры боевых кораблей уходили под воду вместе со своими гибнущими судами, не сходя с капитанского мостика. При этом практически каждый скажет, что Цусима — сущий позор русского флота, одно из темных пятен, причем даже не будет разбираться, что это позор власти, неспособной организовать должное функционирование своих вооруженных сил, а никак не офицеров и матросов погибшей эскадры адмирала Зиновия Рожественского. Попросту назовет это позором, и всё! К Рожественскому же непременно прилепит ярлык типичного идиота, при-

ведшего эскадру напрямиком к гибели. И не задумается над тем, что многократно оскорбляет память павших в этой кровавой мясорубке. А зачем? Есть устоявшиеся общепринятые каноны — стереотипы, сформированные учебниками, кинофильмами, художественными произведениями, от которых отходить не требуется и не приветствуется.

Гибель «Стерегущего», может быть? Слишком малым и незначительным для многих на общем грандиозном фоне выглядит какой-то истребитель, погибший в неравном бою против четырех миноносцев противника. И кто сейчас способен вспомнить командира «Стерегущего», сорокалетнего флотского лейтенанта Сергеева, который не сделал громкой карьеры, на пятом десятке командуя малым судном где-то на краю света?

Вспомнит ли хоть кто-нибудь, кроме специалистов и любителей военной истории, о поистине героической и трагической гибели бронепалубного крейсера «Рюрик» 14 августа 1904 г. в водах Корейского пролива? Вспомнят ли о том, что безнадежно устаревший и смертельно раненый, почти утративший управление «Рюрик», потерявший убитыми и ранеными больше половины команды, в предсмертных усилиях пытался протаранить японский крейсер и ответил на неоднократные требования о сдаче тем, что открыл кингстоны, так как взрывчатка была безнадежно испорчена?

А оборона крепости Порт-Артур? Да это, ответят Вам, вообще эталонное позорище — сдать крепость,

которая могла сражаться! Типичный случай предательства! Словно и не было яростных штыковых контратак, ураганного огня береговых батарей, словно не сражались и не погибали в Порт-Артуре такие люди, как генерал Кондратенко, адмирал Макаров, живописец Верещагин и тысячи ставших к нашему стыду безымянными офицеров, солдат и матросов! Остались в памяти только сдача крепости и карикатурный суд над Стесселем.

Ну а бой «Варяга» на фоне всего этого выглядит неким белым пятном, этаким «лучом света в темном царстве» всеобщего позора той войны. Командир «Варяга» капитан первого ранга Всеволод Федорович Руднев — эталон мужества, стойкости и офицерской чести, команда — образец для подражания.

Так ли это на самом деле? Можно ли говорить, что значение боя в бухте Чемульпо столь огромно, что он имеет право войти в свод самых славных страниц российской военной истории? Или мы имеем дело с хорошо прижившимся и пустившим глубокие корни в общественное сознание мифом, не соответствующим действительности?

Выражаясь словами министра фон Плеве, Россия тогда получила то, что ей, вернее, правительству, было нужно, а именно — войну. Вот только то, что она не будет маленькой и победоносной, как предрекали перед ней общество и армии, стало понятно уже тогда, когда ржавая военная машина империи сделала свои первые шаги. Многие понимали это и раньше, но их не слуша-

ли. Ведь утверждал же незадолго до начала войны Степан Осипович Макаров, еще не будучи командующим Порт-Артурской эскадрой, что нельзя держать броненосцы на внешнем рейде, что никакая бдительность не спасет от удара!¹ Послушали? Конечно же, проигнорировали! В итоге в первый же день еще не объявленной войны, получили болезненный удар, в виде надолго выведенных из строя в результате ночной торпедной атаки броненосцев «Ретвизана», «Цесаревича» и бронепалубного крейсера «Паллады». Сделали выводы? Видимо, нет! Всё списали на неожиданность нападения и подлость врага. Не возникает ли смутное, но крепнущее от одной совершаемой властями и высшим командованием глупости к другой чувство, что подобное происходило и потом, в ходе других войн, которые вели Россия и СССР?

Собственно, к этой «маленькой победоносной войне» Россию стали готовить задолго до трагических событий 27 января (9 февраля) 1904 г. Как минимум с 1903 г. и власти, и обществу стало понятно, что война с Японией, которой стало «тесно» в своем ограниченном пространстве, неизбежна и очень близка. Тем более что на исходе четвертого десятка лет эпохи Мэйдзи Страна восходящего солнца испытывала существенный качественный подъем во всех отраслях сво-

¹ Письмо адмирала Макарова 26 января (8 февраля) 1904 г. управляющему Морским министерством адмиралу Авелану // Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском генеральном штабе. СПб.: Издание МГШ, 1912. Кн. 1. С. 192.

ей жизнедеятельности и, стремясь выйти на всё более высокие уровни, проводила в зоне сферы своего влияния, в которую входил весь Дальний Восток и Китай, явную, ничем не скрываемую экспансионистскую политику.

В России Японию воспринимали абсолютно несерьезно, насмехаясь над ее армией даже несмотря на то, что ее перевооружили и обучили британцы, сделав свою работу на совесть. Взглянув же на откровенно издевательские плакаты первых дней войны с Японией, становится понятно, что подобное отношение укоренилось в российском обществе очень глубоко. Извечное российское шапкозакладательство! И такие настроения царили не только среди обывателей, но и на самом олимпе российского государства. При таком-то настроении разве могла такая ожидаемая война начаться с позорных поражений? Нет, естественно! А если и будут неудачи, то их можно списать на внезапность, коварство врага, который в итоге ничего не добьется и будет разбит. Вот и стал затопленный, именно почему-то затопленный, а не взорванный «Варяг» символом и подвигом первых дней войны.

Весть о бое русского стационара и устаревшей канонерки против крейсеров адмирала Уриу с легкой руки европейских журналистов облетела весь мир и стала желанной палочкой-выручалочкой для российских пропагандистов. Поэтому так и не задан был главный вопрос: что же делал в Чемульпо новейший бронепалубный крейсер, выполняя несвойственную ему задачу? Задачу,

близкую по своей сути почтовому судну, но не морскому охотнику!

Спустя некоторое время всё же зазвучали робкие голоса, едва слышные за мощными маршевыми аккордами героико-патриотического хора. Почему крейсер не прорвался в Порт-Артур, имея, как было принято считать, явное преимущество в скорости хода? Почему не продолжил бой до конца, как это было принято в славных, без лишнего преувеличения, традициях русского императорского флота, а ушел назад в Чемульпо, где и был затоплен? Почему затопили его не в пучине морской, а на мели, да так, что даже прилив не скрывал торчащих на поверхности стволов шестидюймовых орудий, а при отливе крейсер был виден более чем наполовину? Почему его не взорвали, как «Корейца», чтобы исключить его попадание в руки врагов?

Этот яростный короткий бой стал великолепным стартом не менее яростной PR-кампании начала войны. Несчастный «Варяг» попросту не имел права породить такое множество вопросов, заставляющих задуматься о состоятельности всей государственной машины, а должен был разжечь в сердцах обывателей чувство народного гнева на неприятеля, способствовать всеобщему эмоциональному подъему. Подъему, несмотря на то что флот лишился двух своих вымпелов, двух команд, которые хоть и не погибли, но были интернированы и после обещания не участвовать более в военных действиях отпущены на Родину и распределены по всем флотам империи, за исключением Тихоокеанского.

Чем это принципиально отличается от плена? Абсолютно ничем. А плен никогда не был в почете ни в одной армии мира.

Данное утверждение никак не умаляет достоинства офицеров и матросов, павших и выживших в том бою — они выполнили свой долг и приказ, за что и были награждены. Никто не имеет права упрекнуть их в трусости и малодушии, но вот вопросы ко многим должностным лицам, начиная от их непосредственного командования до самой верхушки властной системы могли возникнуть и возникли. Мифологизация боя не дала этим вопросам зазвучать во весь голос и не дает по сей день, выставляя спрашивающих чуть ли не «историческими власовцами», стремящимися очернить и оплевать нашу историю, унижить подвиг и т. д. Миф сопротивляется, а общественное сознание, сформированное под влиянием легенд, яростно не желает менять привычные шаблоны и ориентиры. Ничего уж тут не поделаешь — такова была психология общественного сознания во все века.

Но так или иначе, «Варяг» погиб, не сумев прорваться в Порт-Артур, хоть и считался лучшим рейдером в мире. Так почему же не прорвался?

II. СТРОИТЕЛЬСТВО «ВАРЯГА»

Глубинные причины всех трагедий и неудач зачастую следует искать в событиях, им предшествовавших. Так и в данном случае — гибель «Варяга» началась не с залпа восьмидюймовых орудий «Асамы»,

а с закладки на филадельфийских верфях фирмы «Уильям Крамп и сыновья» в 1898 г. Именно Крамп выиграл, выражаясь современным языком, тендер на постройку броненосца и крейсера — будущих «Ретвизана» и «Варяга».

Проблемы накладывались одна на другую, видимо, даже не с момента закладки, а с подписания контракта на строительство. Вдумайтесь: российское правительство заключает, а император одобряет контракт стоимостью без малого 4,5 млн руб. на постройку крейсера водоизмещением 6000 т. Просто крейсера! При этом в договоре специально оговаривается пункт о том, что окончательная спецификация будет определена сторонами в процессе строительства. Вот так! Оговаривались сроки, составлявшие 20 месяцев, а вот подробности заказа, т. е. спецификация крейсера, по условиям договора должны были быть представлены уже в ходе выполнения заказа. Как тогда была составлена смета заказа? Как это назвать: глупость, беспечность, торопливость? Даже и эпитета подходящего сразу не отыскать. Строй то, не знаю что, главное, чтобы это было современным крейсером и уложилось в сумму контракта. Как же это похоже на современных «новых русских» из анекдотов: «Построй мне дом. Не знаю какой, но чтобы было лучше, чем у соседа!»

Не нужно быть выдающимся экономистом, чтобы понять, какую выгодную сделку попросту подарило русское правительство мистеру Крампу, лишив себя возможности требовать скрупулезного выполнения контракта.

Так начались злключения «Варяга» в далеких Североамериканских Соединенных Штатах. Была создана специальная наблюдающая комиссия, призванная следить за постройкой обоих судов, прибывшая в Филадельфию 13 июля 1898 г. Ее возглавлял капитан первого ранга А. А. Данилевский. Его менее чем через полгода заменят на каперанга Э. Н. Щенсновича, который впоследствии станет командиром броненосца «Ретвизан», также сошедшего со стапелей фирмы Крамп.

Используя явные юридические бреши в контракте, Чарльз Крамп постоянно настаивал на изменении конечных условий заказа. То он требовал увеличить водоизмещение, то говорил о необходимости оснастить строящийся крейсер силовой установкой повышенной мощности. Данилевский протестовал, но в работу его комиссии постоянно вмешивался то официальный Петербург, то морской аташе в Вашингтоне Д. Ф. Мертваго. Как это объяснить? Чиновники, находящиеся за сотни и тысячи миль от места постройки, вмешиваются в работу технической комиссии, находящейся на месте постройки. Это неслыханно и необъяснимо! Данилевского заменили Щенсновичем, но ситуация не особенно изменилась. Крамп постоянно твердил о невозможности выполнить то одно, то другое требование, в свою очередь требовал изменить спецификацию, что, соответственно, увеличивало расходы на строительство и отодвигало сроки сдачи судна, никак не помещавшиеся в рамки, обозначенные в контракте. Были в этом какой-то меркантильный

интерес, а попросту говоря воровство, со стороны предприимчивого американца и петербургских чиновников? Может быть, и был — слишком много абсурдных вещей происходит при строительстве, за которые приходится платить и платить золотом. Но прямые доказательства извлечения кем-то материальной выгоды, помимо той, что была оговорена в контракте, отсутствуют, поэтому остается только догадываться и строить предположения.

Камнем преткновения, во-первых, стала скорость судна, которая должна была составлять 23 узла. Во-вторых — вооружение, которое также играло принципиальную роль. Поступить ни тем, ни другим было невозможно, следовательно, надо было снижать массу судна. За счет чего ее можно было снизить? За счет котлов, например. Котлы системы Бельвилля, эксплуатировавшиеся на большинстве судов русского императорского флота, зарекомендовали себя с самой лучшей стороны, но были довольно дороги и тяжелы. Крамп настоял на более дешевых и легких котлах системы Никлосса, которые потом и будут главной проблемой крейсера. Но и вооружение пострадало. Для снижения общей массы сэкономили килограммы на всем, и все без исключения орудия крейсера не имели даже элементарной противоосколочной защиты, как на крейсере «Аскольд», — о башнях, как у «Олега», например, приходится скромно умолчать. Орудия стояли на палубах совершенно открытые, что стало потом, в ходе боя, основной причиной гибели и ранений личного состава крейсера.

Стороны никак не могли договориться даже о внешнем виде судна. Крамп предлагал взять за основу японский крейсер «Касаги», заказчик настаивал на «Диане». «Касаги» получался значительно дешевле. Удалось достичь некоего компромисса — «ни вашим ни нашим»!

С большим трудом удалось продать пункт об оснащении «Варяга» электрическими приводами механизмов, за что, кстати, пришлось платить сверх отпущенных средств.

Вот как был составлен пресловутый договор — одна сторона требует много и даже очень много, но при этом не хочет платить там, где это принципиально необходимо, а другая постоянно стремится увеличить смету, но при этом собственные затраты оставить на прежнем уровне, если не сократить. В итоге одно недоразумение наслаивается на другое, следствием чего являются поистине колоссальные недостатки в конструкции корабля, который по замыслу российских адмиралов должен был стать самым совершенным в мире судном в своем классе. Так уже с момента строительства жизненный путь «Варяга» стал напоминать трагедию с элементами фарса. Американцев тут трудно упрекнуть, они относились к строительству крейсера как к процессу извлечения прибыли, не имея других интересов, но понять российскую сторону, которая даже не смогла точно, без разночтений сформулировать техническое задание, поистине невозможно.

В такой обстановке крайней нервозности и недопонимания между сто-

ронами и родился на свет крейсер «Варяг». Казалось бы, логически рассуждая, если российская сторона считала финансовые требования Крампа завышенными, то юристы Петербурга должны были подготовить благодатную почву, а власти — приложить всё свое политическое влияние, чтобы по максимуму выскатать с американской стороны неустойку за все те просчеты и технический брак, в которых заокеанские судостроители были действительно повинны. Тем более что в оговоренные контрактом сроки Крамп не уложился. Можно долго рассуждать и спорить, по чьей вине это произошло. Думается, что и вина судостроительной компании тоже присутствовала, и непредвиденные обстоятельства в виде забастовки имели место быть. Так что даже формальное нарушение Крапом контракта всё же было. Но то, что произошло дальше, просто выходит за рамки здравого смысла. Многие могут возмутиться, что последующие строки наполнены желчью и злым сарказмом, но иных, в свете дальнейшего развития ситуации, найти попросту не представляется возможным.

III. ПЕРВЫЕ ГОДЫ СЛУЖБЫ: ПОЧЕМУ ВСЕ-ТАКИ ЧЕМУЛЬПО?

Итак, спустя два очень напряженных и даже конфликтных года, 22 сентября 1900 г. Чарльз Крамп наконец-то сдал заказ российской стороне. Причем, пытаясь застраховаться от законных претензий со стороны заказчика, исполнитель провел испытания крейсера с некоторым превышением требуемых

характеристик судна. Так, на прогрессивных десятимильных испытаниях 12 июля 1900 г. крейсер смог развить скорость в 24,6 узла, что превышало одно из основных требований технического задания, составлявшее 23 узла. На 12-часовых испытаниях 15 июля 1900 г. произошла первая авария — левая машина не выдержала давления пара и вышла из строя. Неисправность была устранена, но эта поломка не насторожила российскую сторону, видимо, желавшую скорее поставить точку в этой затянувшейся и успешней всем надоевшей эпопее. 21 сентября 1900 г. завершающие испытания показали, что судно соответствует требуемым характеристикам. На следующий день российская сторона подписала акт приема, и крейсер перешел к заказчику.

Командовать новым боевым кораблем доверили капитану первого ранга Владимиру Иосифовичу Бэру, который наблюдал за строительством «Варяга» на филаделфийских верфях. Под его началом теперь был самый совершенный по тактико-техническим характеристикам корабль своего времени, который обслуживался внушительной командой числом 550 нижних чинов при 21 офицере и 9 кондукторах и одном корабельном священнике. Под его командованием «Варяг» и проделал свое первое трансатлантическое плавание, прибыв в Кронштадт 3 мая 1901 г.

Спустя две недели осмотреть судно прибыл Николай II, который так был впечатлен видом крейсера, что простил американцам некоторые недостатки. Ничего не скажешь —

настоящий великодушный государь! Полковник Романов не посчитал, а скорее всего, даже и не удосужился вникнуть и понять, что такие недочеты делали «Варяг» похожим на червивое изнутри яблоко, вощенное снаружи. Мельников в своем исследовании утверждает, что вдовствующая императрица Мария Феодоровна, мать горе-самодержца, отметила внешнюю красоту «Варяга», но вместе с тем упомянула и о слухах, ходящих среди морских офицеров, говоривших между собой о катастрофическом техническом браке и даже о безнадёжности крейсера². Неужели мудрая Дагмара, пусть и неофициально, посемейному иногда вмешивающаяся в государственные дела, никогда не упоминала об этой проблеме в разговорах со своим державным чадом?

В Санкт-Петербурге, в Российском государственном архиве ВМФ хранятся документы, которые детально описывают те «незначительные» недочеты, прощенные великодушным государем императором. Во-первых, систематически приходили в негодность шлюпочные лебедки, у которых ломались шестерни³. Во-вторых, система автоматической смазки не доставляла масло ко всем необходимым узлам и агрегатам⁴. И главное, у нового крейсера сразу начались проблемы с машинами и динамо-машинами, о чем тогдашний управляющий Морским министерством адмирал П. П. Тыртов

² Мельников Р.М. Крейсер «Варяг». 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Судостроение, 1983.

³ РГА ВМФ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 5. Л. 382.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 5. Л. 408.

прекрасно знал и информировал императора. Тыртов постановил созвать Морской технический комитет и исследовать проблемы с начала постройки. Выводы комиссии адмирал обозначил короткой фразой: «Частые поломки в машинах и динамо-машинах неутешительны, должно быть, есть небрежность со стороны завода»⁵.

Вот от этих могущих стать достоянием широкой общественности выводов и убрали «Варяга» на другой конец необъятной России. С глаз долой — из сердца вон! Бэр повел крейсер на Дальний Восток, в Порт-Артур. На новой базе Тихоокеанского флота России стало очевидно — «Варяг» нуждался в капитальном ремонте.

Постоянно разрывающиеся котельные трубки становились причиной сильных ожогов членов команды, дабы избежать которых самый быстроеходный по паспорту крейсер мира делал теперь не больше чем 13–14 узлов хода. Конечно, команда могла «выжать» из машин и 19 узлов, когда этого требовала ситуация — для высокого начальства, например. Только потом следовали ремонтные работы, причем опять же в экстремальных условиях — в Порт-Артуре не было достаточного оборудования для подобных работ, да и учений для команды никто не отменял. Таким образом, нетрудно представить, какая нагрузка ложилась на плечи матросов и офицеров «Варяга» в эти предвоенные годы. И даже несмотря на это команда Бэра становилась

первой на артиллерийских стрельбах в Порт-Артуре.

В декабре 1902 г. по устоявшейся в российском императорском флоте традиции, команду и командира корабля заменили. Капитан первого ранга Бэр сдал «Варяг» старшему помощнику командира порта в Порт-Артуре, участнику трех кругосветных путешествий, капитану первого ранга Всеволоду Федоровичу Рудневу. Бэр, палубный служака, начавший свою карьеру артиллеристом еще на парусных судах, слыл на флоте человеком жестким, если не жестоким, не чуждым палочной дисциплины, а Руднев, которому прочили адмиральские орлы, наоборот был завзятым либералом. Замену Бэра некоторые объясняют недоброжелательными отношениями, которые сложились у него с адмиралом Зиновием Петровичем Рожественским, получившим в тот момент назначение на должность начальника Главного морского штаба. Смог ли повторить успех своего предшественника Руднев? Вопрос риторический...

Вице-адмирал О. В. Старк, которого в современной историографии наряду с заместителем у некоторых исследователей принято считать одним из виновников гибели «Варяга», другими — родоначальником мифа о героическом бое в Чемульпо, еще в 1903 г. докладывал в Морское министерство, что крейсер нуждается в полной замене котлов, для чего его нужно отправить в Кронштадт, так как в Порт-Артуре не имелось сухих доков. Штаб ответил ему, что «Варяг» должен еще хотя бы год пробыть на службе, а уж

⁵ РГА ВМФ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 626. Л. 273.

только потом его можно направлять на ремонт. Что это? Халатность? Тупость? Предательство? Как можно было оставить в строю совершенно неисправный боевой корабль, да еще на фоне угрожающих грядущих событий?

Скорее всего, это извечная российская болезнь чиновничества, от которой столоначальники всех мастей и рангов не излечились и поныне — нежелание создавать проблемы начальству. И, наоборот, деятельное желание прятать их в тоннах бесполезной, но бодрой и жизнеутверждающей макулатуры в виде рапортов, отчетов, статистических таблиц и планов. На бумаге всё хорошо, реляции и рапорты четкие, «гладкие», зачастую невыполнимые указания, данные без учета особенностей ситуации, изданы и разосланы. А если что случится, то всё можно свалить на роковую случайность или на нерадивых рядовых исполнителей, ибо кипучая чиновничья работа в бумагах отражена, указания даны, планы сверстаны! Так было 110 лет назад, так ведется и по сей день: проблему никто не видит до тех пор, пока она или не исчезнет сама собой, или не произойдет трагедия. Но это тоже не беда — создадут комиссию, проведут расследование, накажут виновных, картинно поскорбят о жертвах, а потом отчитаются о проделанной работе и снова скроются в тишине уютных кабинетов.

Вот и посчитали в Главном морском штабе, что рановато как-то новому судну, дорогостоящему и только недавно построенному, широко разрекламированному и известному

за рубежом как верх совершенства, становится на капитальный ремонт. Это породит ненужные разговоры, вопросы, ударит по военноморскому имиджу России, который, кстати, очень вырос в те годы ввиду ввода в строй большого количества новых боевых кораблей, не уступавших, а порой и превосходивших по характеристикам зарубежные аналоги. И так далее...

Поэтому для внешне безупречного, но безнадежно неисправного «Варяга» пришлось искать задачу, не связанную с повседневной эксплуатацией и систематическими учениями команды, дабы сохранить судно от полного прихода в негодность. Решением адмирала Алексеева новейший крейсер российского императорского флота был отправлен на дипломатическую службу в корейский порт Инчхон (Чемульпо). Но даже и эта служба могла оказаться смертельной для крейсера. Поэтому, дабы лишний раз без необходимости не подвергать его риску, в помощь «Варягу» была придана выдавшая виды мореходная канонерская лодка «Кореец» под командой капитана второго ранга Беляева-2-го.

Была у «Варяга» и еще одна серьезная проблема, которая никак не могла быть устранена даже при капитальном ремонте и о которой практически нигде не говорится, — это его устойчивость (правильнее сказать «стойчивость») и маневренность. При строительстве судна в погоне за техническими показателями, которые хотел видеть Петербург, американцы переоблегчили крейсер. Иначе было просто

невозможно достичь столь высокой скорости судна. Метацентрическая высота⁶ «Варяга» из-за переоблегчения стала на 0,23 м меньше⁷, чем это требовалось для корабля таких размеров. Чтобы в двух словах объяснить суть столь специфического и понятного в основном специалистам показателя, стоит представить себе плавающий на поверхности воды пустой бочонок. Его метацентрическая высота будет равна нулю. Следовательно, повысился центр тяжести «Варяга»⁸. Это ударило по остойчивости судна. А остойчивость — это одна из главных характеристик плавсредства, показывающая его способность противостоять внешним силам, которые могут вызвать его крен, а также способность возвращаться в исходное положение.

На самом деле можно сколь угодно долго обвинять Алексева и Старка в том, что они загнали «Варяга» в ловушку и не приняли мер, чтобы выручить его из западни, что наместник и исполняющий должность командующего Тихоокеанским флотом приказали рейдеру выполнять несвойственную ему задачу стационара. Но если логически рассудить сейчас, с высоты прошедшего столетия, то нетрудно сделать вывод о том, что никакой иной задачи, кроме как исполнять роль почти

что плавучей базы в Чемульпо, «Варяг» не мог. И это, в свете неминуемо надвигающейся войны, было единственным, как это ни странно, безопасное место, где можно было с наименьшим риском под прикрытием нейтрального статуса порта и стационаров Британии, Италии, Франции и САСШ⁹ держать технически небоеспособное судно, раз уж его не удалось отправить на капитальный ремонт.

Так что решение отправить «Варяг» в Чемульпо — это не глупость адмиралов, а фактическое признание крейсера небоеспособным и единственно возможная попытка его спасти в грядущих боевых действиях, ибо ничего более существенно без согласия Петербурга предпринять было нельзя. Этого не мог даже сам адмирал Алексеев, которого принято считать внебрачным сыном императора Александра II, т. е. дядюшкой Николая II. Да, у командования флотом на Дальнем Востоке была масса ошибок и просчетов, но обвинять его в идиотизме не стоит. Равно как и не стоит считать, что всё делалось исключительно по воле некомпетентного наместника и его еще более некомпетентного и вороватого окружения.

В отличие от многих случаев в нашей истории, когда Россия вступала в военные действия неожиданно, к этой войне готовились. И готовились серьезно. Конечно, в меру возможностей тогдашней военно-политической системы. И ожидать в тех условиях, что японцы пред-

⁶ Один из основных критериев остойчивости судна. См. Наставление по борьбе за живучесть судна (НБЖС), РД 31.60.14-81. С приложениями и дополнениями. СПб.: ЦНИИМФ, 2004.

⁷ В настоящее время эксплуатация судов, метацентрическая высота которых меньше 0,2 м, запрещена. См. НБЖС.

⁸ РГА ВМФ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 626. Л. 363.

⁹ Североамериканских Соединенных Штатов — именно так тогда называли в России эту страну.

примут нападение без объявления войны, что они нарушат нормы международного права, конечно, никто не мог. Это для того времени было нонсенсом, несуществующей угрозой. Но всё когда-нибудь свершается впервые. В русско-японскую рыцарские правила были попораны незначительно, сильнее они пострадали в Первую мировую. Знали бы люди, жившие в ту эпоху, как эти рыцарские каноны ведения войны будут ниспровергнуты в середине XX в., как их будут открыто игнорировать в XXI...

IV. ПЕРЕД БОЕМ

Итак, неисправный крейсер выполнял теперь дипломатическую задачу. Ничего постыдного в этом деле нет, но возникает, естественно, вопрос о качестве подготовки команды к ведению боевых действий. Последние боевые стрельбы «Варяг» провел по пути в Чемульпо, куда он шел первый раз в самом конце 1903 г. После этого, судя по записям вахтенного журнала, серьезных боевых мероприятий на крейсере не было. В море и на разведку и в качестве почтового судна выходил «Кореец». Вахтенные же офицеры «Варяга» скупно отмечали, что под паром котлы № такие-то (как правило, три котла) для обеспечения стояночных нужд судна¹⁰. И даже с экстренным сообщением в Порт-Артур 26 января (8 февраля) 1904 г. в море отправился «Кореец». Некоторые исследователи, обвиняя Руднева в бездеятельности, отмечают, что

он занимался больше дипломатической работой, нежели подготовкой команды. Но в этом отсутствует даже элементарная логика. Чем еще должен заниматься командир стационара, т.е. судна, находящегося на дипломатической работе? И «Корейца» или Руднев, или посланник в Корее Павлов направили в Порт-Артур с секретной почтой именно потому, что не могли быть уверены в том, что машины «Варяга» сумеют преодолеть 288 миль пути. У хорошо подготовленного «Корейца» было гораздо больше шансов с технической точки зрения. Тем более что война еще объявлена не была, и обстрел иностранного судна был бы нарушением норм международного права. Упрекать Руднева можно было бы лишь в том случае, если бы его крейсер был «здоров», но это уже имеет сослагательное наклонение и к делу относиться не может.

Равно как нельзя упрекать в бездеятельности и наместника, и посланника в Корее Павлова: дипломатическая почта шла достаточно долго — не стоит забывать, что на дворе было только самое начало XX в.!

Руднев же без малейших нарушений придерживался инструкции наместника и положений Морского устава. Инструкция напрямую подчиняла Руднева Павлову, находящемуся с дипмиссией в Сеуле¹¹. В этом свете еще не стоит забывать, что задача «Варяга» была отнюдь не военная, поэтому все действия Руднева стоит рассматривать сквозь призму имен-

¹⁰ Вахтенный журнал крейсера I ранга «Варяг». РГА ВМФ. Ф. 875. Оп. 1. Д. 30585. Л. 89–105.

¹¹ Русско-японская война 1904–1905 гг. Кн. 1. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. СПб., 1912. С. 288.

но дипломатической работы, а не работы палубного офицера, и уж тем более флотоводца.

Да, не желая стать заложником Чемульпо в случае начала военных действий, Руднев предлагал посланнику Павлову, которому был подчинен (!)¹², покинуть рейд и отправиться в Порт-Артур вместе с «Корейцем» под консульским флагом, но посланник, естественно, не мог покинуть Сеул без рекомендации МИДа¹³.

На вопрос о том, как Руднев допустил высадку десанта с японских судов, опять же отвечает инструкция, которая запрещала ему препятствовать высадке японских войск до объявления войны. Ну и, наконец, инструкция запрещала покидать Чемульпо без приказа¹⁴.

То есть Руднев, не только командир, но и дипломат, был связан по рукам и ногам пунктами инструкции, которая запрещала ему любую деятельность без распоряжений свыше или без объявления войны. Таким образом, обвинения в адрес Руднева, звучащие, например, от исследователя А. Б. Широкограда¹⁵, выглядят весьма беспочвенными. Да, Руднев мог бы взять на себя инициативу и уйти в Порт-Артур. Да, он прошел бы эти 288 миль — как угрозу японцы его не рассматривали, наоборот, им было бы гораздо выгоднее, чтобы

«Варяг» снялся с якоря и ушел еще до начала десантной операции. Тем более что они были весьма хорошо осведомлены о проблемах «Варяга», так как на рейде Чемульпо стоял и императорский крейсер «Чиода», командир которого, капитан первого ранга Мураками, сообщал всю важную информацию в Токио. Да, начавшаяся война «списала» бы все эти нарушения, но Руднев был человеком своего времени, причем придерживавшимся всех правил игры, иначе не сделал бы весьма удачной карьеры. Поэтому нарушить инструкцию даже во благо в тот момент он не решился. Стоит ли его обвинять в этом? Видимо, нет.

Для обвинений в адрес Руднева еще будет серьезный повод — сам бой 27 января (9 февраля) 1904 г.

V. ГИБЕЛЬ

Итак, обстановка стала ясна уже накануне боя, 26 января (8 февраля) 1904 г. Канонерская лодка «Кореец», встретившись с японскими судами, не смогла пройти в Порт-Артур и была вынуждена вернуться на внутренний рейд. С этой попыткой выхода тоже есть много неясностей. Так, японские источники говорят о выстрелах легких орудий «Корейца», но отрицают минную атаку со своей стороны, о чем рассказано в вахтенном журнале канонерской лодки. Вопрос о том, почему японцы не выпустили «Корейца» в Порт-Артур, остается открытым. Опасные свидетели? Вряд ли, так как высадка десанта проходила на глазах у многих свидетелей и представителей нейтральных держав. Об этой вы-

¹² Там же.

¹³ Русско-японская война 1904–1905 гг. Кн. 1. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. СПб., 1912. С. 288.

¹⁴ Там же

¹⁵ Широкоград А. Б. Русско-японские войны 1905–1945. Минск: Харвест, 2003.

садке уже на следующий день не преминули бы написать все газетчики. Поэтому обвинять Руднева как командира и Беляева как исполнителя в том, что в Порт-Артуре так ничего и не узнали, тоже по меньшей мере странно. Устаревшая канонерка явно ушла бы на дно в считанные минуты, окажись она под серьезным огнем японских судов.

Дело, наверное, в том, что адмирал Уриу был озабочен одним — высадкой десанта, а маневр «Корейца» посчитал угрозой десантным парходам, поэтому и не выпустил. Также он знал, что пока война не объявлена, уничтожать русское судно нельзя. Главное, что десант в Чемульпо не рискует попасть под огонь корабельной артиллерии стационаров.

Руднев же был срочно вызван в Сеул к посланнику Павлову для дополнительного инструктирования, где его поставили в известность, что дипломатические отношения между Россией и Японией разорваны. Всем было понятно, что это война. Все понимали, но, связанные присягой, законами, инструкциями, циркулярами, бюрократизированным сознанием, отсутствием должной инициативы и полным отсутствием даже гипотетической свободы действий, сделать ничего не могли. Оставалось только надеяться на защиту нейтрального статуса Чемульпо, находящегося в рамках норм международного права и стоящих там судов третьих стран.

Теперь стоит представить себе морально-психологическое состояние Руднева и его команды, которые

стали безвольными созерцателями гибельного пути, уйти с которого не могли. Ультиматум адмирала Уриу «добил» Руднева окончательно. И вот с этой минуты к его действиям можно и нужно предъявлять серьезные претензии.

Если рассмотреть дальнейшее развитие событий, становится понятно, что Руднев попросту запаниковал. У него сдали нервы, и он начал совершать совершенно нелогичные и необдуманные действия. Ему, не только как моряку, но и как дипломату, должно было быть понятно, что ультиматум, присланный ему адмиралом Уриу, был банальной провокацией, рассчитанной как раз на то, чтобы выбить Руднева из равновесия окончательно¹⁶. Нормы международного права и нейтральный статус Чемульпо сохраняли «Варяг» и «Кореец» под своим статусом, а гарантию давали крейсера третьих держав. Вымыслом или правдой считать визит британского коммодора Бейли, командира крейсера «Тэлбот», к адмиралу Уриу, державшему флаг на «Наниве», а также его слова о том, что британец откроет огонь по любому судну, нарушившему нейтралитет Чемульпо, о чем пишет в своем рапорте Руднев, — установить на данный момент невозможно¹⁷. Документов об этой встрече,

¹⁶ Рапорт командира крейсера I ранга «Варяг» Управляющему морским министерством 5 марта 1904 года // Русско-японская война 1904-1905 гг. Действия флота. Документы. Отд. 3. 1-я Тихоокеанская эскадра. Кн. 1. Действия на Южном морском театре войны. СПб.: Типография Морского министерства в Главном Адмиралтействе, 1911. Вып. 1. С. 162–176.

¹⁷ Русско-японская война 1904–1905 гг. Кн. 1. Работа исторической комиссии по описанию

кроме рапорта Руднева, не сохранилось, но, исходя из логики времени и норм тогдашнего международного права, это так и было бы, пускай даже этой встречи и не было на самом деле.

Из всего этого становится понятно, что русские суда были для Сотокити Уриу второстепенной целью — почему бы не преподнести микадо еще и такой подарок в виде двух русских судов, пусть даже это устаревшая канонерка и крейсер, находящийся в аварийном состоянии. Но чтобы их уничтожить, Руднева надо выманить из Чемульпо на внешний рейд.

И тут последовала, как может показаться на первый взгляд, роковая ошибка Руднева — он поддался на провокацию и вышел из Чемульпо в нарушение категорического приказа посланника не покидать бухты без соответствующих распоряжений.

В дальнейшем интерес представляет не столько сам довольно скоротечный бой, сколько мотивация, двигавшая Рудневым, выводившим крейсер на верную гибель. Можно сколько угодно сравнивать риск, высчитывать шансы «Варяга» на успешный прорыв, но стоит все-таки прямо взглянуть действительности в глаза — шесть японских крейсеров и восемь миноносцев против технически неисправного крейсера и устаревшей канонерской лодки... Шанс на успех был ничтожно мал. А Руднев отнюдь не был глупцом, чтобы не отдавать

себе в этом отчета. Следовательно, мотивация командира «Варяга» могла быть следующей: «Выйти в море и погибнуть с честью в неравном бою, избежав позора плена или интернирования». Это очевидно с точки зрения психологии морского офицера тех лет и подтверждается множеством примеров, когда корабли принимали неравный бой, заведомо шли на гибель, чтобы, потеряв жизнь, спасти честь. Гибель «Рюрика» и «Стерегущего» тому доказательство.

О дальнейшем развитии событий стоит поговорить, опираясь на текст рапортов Руднева наместнику адмиралу Алексею и управляющему Морским министерством.

Первые же залпы с «Асамы» разрушили дальномерную станцию № 1, перебили всех дальномерщиков во главе с мичманом графом А. М. Нирод, сведя тем самым эффективность орудий «Варяга» к минимуму. Отсутствие элементарной противоосколочной защиты привело к большим потерям среди орудийной прислуги и быстрому выходу из строя самих орудий. И дело тут даже не в меткости японских канониров. Просто их фугасные снаряды взрывались от удара об воду, поражая всё вокруг осколками, а русские бронебойные прошивали цель насквозь, не причиняя ощутимого вреда. Такая же картина будет происходить и во время Цусимской трагедии — русские броненосцы не причинят вреда японцам в основном именно по этой причине. Видя полную бесперспективность дальнейшего ведения боя, Руднев решает вернуться в Чемульпо под

действий флота в войну 1904–1905 гг. СПб., 1912. С. 297–298.

защиту нейтральных судов. В 12 часов 40 минут «Варяг» и «Кореец» отдали якоря на внутреннем рейде¹⁸.

Напрашивается вопрос: чего хотел в итоге Руднев? Если погибнуть с честью в бою, то зачем поворачивал назад? А если сохранить жизни матросов и офицеров, то почему не интернировался? Да и потери, если уж на то пошло, были не катастрофические — убитых 31 человек, раненых тяжело — 86, раненых легко, не обратившихся за помощью после боя, — более 100¹⁹. На «Корейце» потерь не было²⁰.

И вот тут стоит предположить, что либо Руднев, кстати, контуженный во время боя, потерял уверенность, запаниковал и решил возвращаться, либо изначально рассчитывал исключительно на демонстративные действия — завязать бой и вернуться с наименьшими потерями, избегнув одновременно и позора и гибели. Лишь с этой точки зрения действия командира «Варяга» выглядят логичными и выверенными. С другой стороны они похожи только на панические метания человека, не знающего точно, что ему делать. В последнее верится с боль-

шим трудом — на паникера и труса Руднев совершенно непохож — трус не выйдет в море в такой ситуации даже для эффектной демонстрации, следовательно, им изначально двигал холодный расчет спасти честь малой кровью. Что ж, пусть всё не так красиво и безукоризненно, как потом будет рассказывать дошедшая до наших дней легенда, зато эффективно, а если смотреть со стороны, даже и эффектно.

Так что критиковать действия Руднева можно²¹, можно даже найти в его действиях и серьезные тактические просчеты²², но все-таки правильнее будет подойти к оценке его действий с точки зрения его мотивации, и тогда они станут по крайней мере ясными и понятными, а главное, логичными.

VI. РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

С точки зрения действующего тогда законодательства действия командира «Варяга» могли быть расценены как преступные. Во-первых, Руднев нарушил инструкцию, категорически запрещавшую ему выходить из Чемульпо без приказа. А такого приказа не было. Нарушение приказа могла бы искупить героическая гибель в море, ибо «мертвые сраму не имут», но ее-то как раз и не последовало. Во-вторых, выйдя и приняв бой, он вернулся, затопил свое судно и взорвал «Корейца», что не могло

¹⁸ Рапорт командира крейсера I ранга «Варяг» Управляющему морским министерством 5 марта 1904 года // Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. Отд. 3. 1-я Тихоокеанская эскадра. Кн. 1. Действия на Южном морском театре войны. СПб.: Типография Морского министерства в Главном Адмиралтействе, 1911. Вып. 1. С. 162–176.

¹⁹ Там же.

²⁰ Рапорт командира мореходной канонерской лодки «Кореец» командиру крейсера I ранга «Варяг» 27 января 1904 года // Там же. С. 152–161.

²¹ Белли В.А. В Российском Императорском флоте. Воспоминания. СПб.: Петербург, 2005. С. 75.

²² Сорокин А.И. Русско-японская война 1904–1905 гг. (военно-исторический очерк). М.: Воениздат, 1956. С. 75.

не породить обвинений в трусости в его адрес. И, наконец, в-третьих, явно неуклюжее затопление «Варяга» могло вызвать подозрения и в чем-то более серьезном, нежели трусость. И это не досужие домыслы злопыхателей, ибо так, по некоторым источникам, думали даже некоторые офицеры с самого «Варяга». Так, по словам А. В. Полутова, советский адмирал Е. А. Беренс, бывший в те трагические дни старшим штурманом «Варяга» в чине лейтенанта, вспоминал, что возвращаясь в Россию, офицеры «Варяга» полагали, что их отдадут под суд²³.

Но если по такому сценарию и могли быть пойти события с точки зрения права, этого никогда не случилось бы с точки зрения пропаганды. Начинать войну с пораженческих новостей не хотелось. Судебный процесс с такими обвинениями в самом начале войны тоже негативно отразился бы на общественном сознании. И всё это на фоне информации, дошедшей наконец до Петербурга из иностранных газет, о «героическом бое» в Чемульпо. Всё дело в том, что общество узнало о гибели «Варяга» из иностранной печати. И вести эти были самыми пафосными.

Так, в «Правительственном вестнике» — официальном печатном органе при Главном управлении по делам печати, т. е. высшей цензурной инстанции при МВД Российской Империи, некоем аналоге современной «Российской газеты»,

²³ Полутов А. В. Десантная операция японской армии и флота в феврале 1904 г. в Ичхоне. Владивосток: Русский Остров, 2009. С. 252.

первое упоминание о бое в Чемульпо появилось только 1 февраля 1904 г. Оно заключало в себе буквально следующее: «Берлин, 30 января (Вольф). National Zeitung замечает, что настроение германского народа спокойное и беспристрастное.

Германия отмечает мужество, с которым малочисленные русские суда, несмотря на решительный перевес японского флота, вступили в бой при Чемульпо. Газета упоминает о «героическом подвиге командира крейсера “Варяг”, который удалив с судна команду, остался один на крейсере и взорвал его на воздух»²⁴. Журналистам всегда хотелось приукрасить суть, добавить в сухой репортаж художественных красок. Так получилось и в этой истории.

И это напечатала газета, публиковавшая официальную информацию. Таким образом, начало жизни мифа было положено. После этого ни о каком разбирательстве, пусть даже и несудебном, и речи быть не могло. А уж когда выяснилось, что командир «Варяга» и большинство команды живы и здоровы, то встречать и чествовать героев бросилось полстраны во главе с самим царем-батюшкой.

Дальнейшее развитие легенды можно увидеть в рапортах Руднева на имя наместника Алексева, а месяцем позже — и на имя управляющего морским министерством. Что двигало им, когда он писал в рапортах откровенную ложь? Этот во-

²⁴ Правительственный вестник. 1904. 1 февраля. № 26. С. 4.

прос, видимо, также стоит рассматривать с точки зрения психологии служилого человека той эпохи. Во-первых, в рапорте надо было написать то, что хотелось бы прочесть высокому начальству, дабы не бросить на это начальство тень явной неудачи. А во-вторых, содержание рапорта указывает на то, что Руднев явно не исключал возможности суда и всячески живописал тот огромный ущерб, который претерпел «Варяг» от японского флота. Но как разительно отличаются по духу эти два документа! Первый рапорт на имя адмирала Алексеева очень выдержан и осторожен — он датирован 6 февраля, когда до автора явно еще не дошла информация о том, что его и команду в далекой России сделали национальными героями. В нем Руднев объясняет мотивы выхода из Чемульпо (т.е. оправдывается) и подробно описывает ущерб, который был причинен «Варягу» в ходе боя, очевидно, испытывая чувство вины за затопление судна на внутреннем рейде бухты Чемульпо.²⁵

Второй же рапорт, датированный 5 марта 1904 г., на имя управляющего Морским министерством уже рисует в красках огромный урон, который якобы нанес «Варяг» японскому флоту. За месяц до Руднева явно дошла информация, что никто под суд его отдавать не собирается, а наоборот, готовы чествовать как героя. Следовательно, можно до-

бавить красочных и героических подробностей, ибо японцам, отрицавшим их, всё равно никто не поверит, а подчиненным и начальству эти, пускай и наполовину выдуманные факты сослужат хорошую службу. Итак, капитан первого ранга Руднев пишет, что в ходе боя «Варяг» нанес значительные повреждения японскому крейсеру «Асама», что не подтверждается никем. Далее Руднев говорит о японском миноносце, затонувшем у всех на глазах, хотя в вахтенных журналах «Варяга» и «Корейца» вообще не отмечено, что неприятельские истребители вступили в бой²⁶. Далее в рапорте описывается, что японский крейсер «Такачихо», якобы получивший значительные повреждения, затонул по дороге в Сасебо. А это было уж откровенной ложью, так как «погибший» «Такачихо» участвовал в Цусимском сражении. Вызывает сомнение и утверждение, что «Варяг» выпустил по неприятелю 1105 снарядов различных калибров. Во-первых, с какой скорострельностью он вел огонь, а во-вторых, как это было возможно при том, что почти вся артиллерия «Варяга» вышла из строя?²⁷ Японцы прямо опровергали это, указывая, что в орудийных погребах поднятого ими «Варяга» сохранилось

²⁶ Вахтенный журнал крейсера I ранга «Варяг». РГА ВМФ. Ф. 875. Оп. 1. Д. 30585. Л. 89–105.

²⁷ Рапорт командира крейсера I ранга «Варяг» Управляющему морским министерством 5 марта 1904 года // Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. Отд. 3. 1-я Тихоокеанская эскадра. Кн. 1. Действия на Южном морском театре войны. СПб.: Типография Морского министерства в Главном Адмиралтействе, 1911. Вып. 1. С. 162–176.

²⁵ Рапорт командира крейсера I ранга «Варяг» заместнику Е.И.В. 6 февраля 1904 года // Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. Отд. 3. 1-я Тихоокеанская эскадра. Кн. 1. Действия на Южном морском театре войны. СПб.: Типография Морского министерства в Главном Адмиралтействе, 1911. Вып. 1. С. 145–151.

большое количество боеприпасов, но японские источники явно необъективны и ссылаться на них можно только с очень большой долей сомнения.

Наконец, в своих воспоминаниях, изданных в 1907 г., Всеволод Федорович, уже отставной адмирал, продолжить «отшлифовывать» легенду, рассказывая о том, что в ходе боя на «Асаме» погиб его командир, капитан первого ранга Рокуро. И это даже несмотря на то что тот к этому времени благополучно здравствовал и получил от микадо чин контр-адмирала и титул барона²⁸.

Так сформировался миф, порожденный иностранными корреспондентами и художественно завершенный Рудневым, глубоко укоренившийся за столетие в общественном сознании. Можно возмущаться и сыпать очередными обвинениями в попытках переоценки ценностей и переписывания истории, но факт явной лжи в этой истории абсолютно доказуем документально.

²⁸ Руднев В. Ф. Бой «Варяга» у Чемульпо 27-го января 1904 года. СПб.: Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1907.

Так подвиг ли совершили «Варяг» и «Кореец»? Если говорить о команде, то она с честью и до конца выполнила свой долг, но при всем уважении к памяти павших и живых «варяжцев» эта история, если рассматривать ее без прикрас, не дотягивает даже до десятой доли того великого героизма и мужества, который показали гибнущий в Корейском проливе «Рюрик» или миноносец «Стерегущий». Просто события в Чемульпо произошли в нужное время и, словно раскрашенные красками художника черно-белые картинки, «засияли» Георгиевскими крестами, раздаваемыми щедрым государем направо и налево. Это возмутило многих в армии, о чем писал генерал Мартынов в 1906 г., оценивая события минувшей войны²⁹.

Но политическая выгода оказалась и, к сожалению, продолжает оказываться важнее исторической правды, что приносит огромный вред отечественной истории.

²⁹ Мартынов Е.И. Из печального опыта Русско-Японской войны. СПб.: Военная типография, 1906. С. 129–130.

А. В. Шубин

КОНСПИРОЛОГИ О ПРИЧИНАХ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Какой бы ни была идейная позиция историка и читателя серьезной исторической литературы, их прежде всего интересует вопрос: как дело-то было на самом деле. С одной стороны это делает историческую науку хранилищем реального опыта человечества, а с другой — создает для нее угрозу мифологизации через беллетризацию.

Читателю не просто интересно, как было дело. Неподготовленному читателю желательно, чтобы было еще интересней, чем было на самом деле. А в этом автору помогает конспирология.

Под конспирологией мы имеем в виду не исследование заговоров (которые, конечно же, в обилии существовали в истории), а публицистические версии, которые реконструируют заговорщические связи, основываясь на предположениях, а не доказательствах, и объявляют такие заговоры причиной более широких социальных и политических явлений.

Рассмотрим это явление на примере исследования причин Февральской революции 1917 г. Оно развивается по двум направлениям: социальные явления и оппозиционные настроения в элите. Комплексный подход к проблеме придает боль-

шее значение обоим факторам. Но конспирологи видят причины падения самодержавия прежде всего или даже исключительно в элитарном военно-политическом заговоре.

ЗАГОВОРЫ И РАЗГОВОРЫ

В начале XX в. в России возникла сеть многообразных связей между общественными деятелями, активистами самых разных, публично противостоящих друг другу организаций, подпольных и легальных. В этой «тусовке» можно было встретить и влиятельного предпринимателя, недовольного властями, и революционера, и либерально мыслящего офицера, и кадетского депутата. Это — нормальное явление, естественное следствие появления гражданского общества, которое как раз и состоит из разнообразных контактов. Но это не значит, что все люди, причастные этим контактам, — участники одного разветвленного заговора. Заговорщики должны согласовывать свои действия, подчиняться единому центру, выполнять его указания. Иначе — единого заговора нет.

На депутатов как людей известных выходили все новые недовольные.

В условиях военных поражений это были и военные, готовые поиграть в «декабристов» ради того, чтобы сделать войну более «толковой» и победоносной. Неудивительно, что потенциальные военные заговорщики обращались к А. И. Гучкову, который одно время возглавлял комиссию Думы по вопросам обороны и вообще слыл ведущим военным специалистом в депутатском корпусе. Во время войны он возглавлял Центральный военно-промышленный комитет. По признанию самого Гучкова, он вел секретные беседы о возможности дворцового переворота. Вот, наконец, и заговор. Привел ли заговор Гучкова к свержению самодержавия или речь идет о салонных конспирациях, которые так и остались разговорами, а самодержавие рухнуло в результате народных выступлений, которые начались по своим причинам?

Сам Гучков не считал свои контакты с оппозиционно настроенными военными чем-то опасным, не скрывал их и даже любил бахвалиться ими¹. Так что об этих встречах, имевших легальное обоснование по части Военно-промышленного комитета, знала половина петроградского света. В узком кругу обсуждались и решительные действия, но практических приготовлений сделано не было. Высокопоставленный чиновник-путеец Ю. В. Ломоносов вспоминал о разговорах подобного рода, которые велись «даже за генеральскими столами. Но всегда, при всех разговорах этого рода наи-

более вероятным исходом казалась революция чисто дворцовая, вроде убийства Павла»².

Либерализм военных был оборотной стороной их недовольства правительством и самим Николаем, о котором генерал А. С. Лукомский в бытность заместителем военного министра говорил: «Мало ли что Государь находит достойным одобрения! Всем вам известна неустойчивость его взглядов»³.

Алексеев отзывался о правительстве: «Это не люди, а сумасшедшие куклы, которые решительно ничего не понимают»⁴. Очевидно, что Алексеев предпочел бы такому правительству кабинет либералов, тем более знакомых ему лично. Казалось, что если правительство будет сформировано из представителей либерального крыла Думы, то власть будет иметь более прочную опору в обществе, можно будет легче привлечь частные капиталы к делу снабжения армии. Эти надежды были в значительной степени иллюзорными, но вполне естественными для того времени.

Генералы сотрудничали с руководством военно-промышленных комитетов, занимавшихся поставками войскам, и продолжали проникаться либеральными идеями. Либеральные идеи не были чужды великому

¹ *Кобылин В.* Анатомия измены. Император Николай II и Генерал-адъютант М. В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора. СПб., 1998. С. 172.

² *Станкевич В. Б.* Воспоминания. 1914–1919. Берлин, 1920; *Ломоносов Ю. В.* Воспоминания о мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 219.

³ *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 421.

⁴ Цит. по: *Мельгунов С. П.* На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 94.

князю Николаю Николаевичу⁵, генералам М. Алексею, В. Рузскому, А. Лукомскому, А. Брусилову, А. Деникину, Ю. Данилову, А. Поливанову и др. А ведь они в ходе войны возглавляли фронты и штабы фронтов, занимали и более высокие должности, а Алексеев возглавлял штаб Ставки. Поливанов в 1915–1916 гг. был военным министром, усиливая кадровые позиции либералов. Казалось бы, этого достаточно для классического военного переворота, если бы налицо была готовность генералов его совершить. Однако такой переворот не произошел до начала массовых революционных выступлений.

В либеральных салонах оживленно обсуждались составы будущего правительства. Результаты этих обсуждений впоследствии пригодились.

Многие люди во фракках или в погонах считали тогда, что было бы неплохо ограничить произвол двора и его чиновников правильно организованным представительством «общественности», сделать «как в Англии». Эта простая идея приходила в голову интеллигенции и в начале, и в конце XX в. Люди, которые считают себя интеллектуальной элитой, уверены, что они сохраняют эту роль в обществе, устроенном по западному образцу, и не будут отброшены капитализмом в социальный осадок...

⁵ В январе 1917 г. тифлисский городской голова А. Хатисов даже поставил перед Николаем Николаевичем вопрос о совершении переворота в его пользу. Великий князь, пораздумав, отказал, но и императору не сообщил о заговорщических беседах (*Николаевский Б. И.* Русские масоны и революция. М., 1990. С. 143).

При этом и многие участники досужих политических разговоров того времени рассуждали так же, как и современные сторонники теорий заговора. Михаил Родзянко вспоминал: «Мысль о принудительном отречении царя упорно проводилась в Петрограде в конце 1916 и в начале 1917 г. Ко мне неоднократно и с разных сторон обращались представители высшего общества с заявлением, что Дума и ее председатель обязаны взять на себя эту ответственность перед страной и спасти армию и Россию... Многие при этом были совершенно искренне убеждены, что я подготавливаю переворот и что мне в этом помогают многие гвардейские офицеры и английский посол Бьюкенен»⁶. Родзянко пишет об этом с иронией, но многими такие версии воспринимались и воспринимаются всерьез.

В легендах о заговоре упоминается совещание у Родзянко 9 февраля 1917 г. В совещании участвовали Гучков, генерал Рузский и командующий кавалерийской бригадой А. М. Крымов. Но сам Родзянко в своих мемуарах об этом не вспоминает и вообще подчеркивает, что молва приписывала ему лишнее по заговорщической части. Согласно слухам, пересказанным затем социалистом Н. Соколовым, обсуждалась возможность ареста царя во время его пребывания в районе дислокации армии Рузского. Арест, вероятно, должен был осуществить Крымов с группой офицеров⁷. Это уже больше похоже на то, что произошло

⁶ *Родзянко М. В.* Крушение империи. Харьков, 1990. С. 202.

⁷ *Николаевский Б. Н.* Указ. соч. С. 95–96. Но Крымов служил на Румынском фронте,

во время Февральской революции. Но за одним исключением. Если бы не случилась революция, то группа заговорщиков оказалась бы один на один с остальной империей, всё еще лояльной Николаю II. В Петрограде оставалось бы назначенное им правительство, в ставке — не посвященный в эти планы Алексеев, рядом — верные пока царю части. Это обрекало попытку переворота на крах, даже если бы она готовилась реально.

Разговоров было много, но дело шло медленно. Максимум успеха — поддержка идеи переворота командиром кавалерийской бригады Крымовым. Но он служил на Румынском фронте, и мог только поддержать переворот, а не совершить его.

Гучков надеялся, может быть с помощью солдат, находившихся под командой князя Д. Л. Вяземского, или некоей группы офицеров, перехватить императорский поезд и заставить царя отречься. Но и здесь всё осталось на уровне разговоров — боевую группу не сформировали.

Полиция знала, что группа Гучкова «все свои надежды и упования основывает на исключительной уверенности в неизбежности “в самом ближайшем будущем” дворцового переворота, поддержанного всего-навсего лишь одной-двумя сочувствующими этому перевороту воинскими частями»⁸. Разговоры,

так что не мог использовать свою часть в интересах переворота.

⁸ Цит. по: *Мультипли П. В.* Император Николай II и заговор 17-го года. М., 2013. С. 136.

конечно, опасные, но поскольку практических мер по подготовке такого переворота кругом Гучкова полиция не нашла (в силу их отсутствия в реальности), то и арестовать Гучкова оснований не было.

Захват поезда вроде бы планировался то ли на март, то ли на апрель. Апрель возникает из пересказов слухов о совещании у Родзянко 9 февраля⁹, март — из пересказа разговоров Гучкова вскоре после переворота, когда ему было еще выгодно преувеличивать свою роль в событиях¹⁰. В обоих случаях пересказы не сообщают нам, кто мог бы пойти на эту авантюру. Март называл также причастный к заговорщическим разговорам М. И. Терещенко, но в связи с надеждами на генерала Крымова, который вроде бы должен был приехать в столицу в марте¹¹. Что бы он там сделал без своей бригады? Лично с пистолетом бросился бы на царский поезд? Для этого нужно было приготовить офицера помоложе. Очевидна общая наивность такого плана — без одновременных действий в Петрограде и Ставке закрепить подобную смену власти было невозможно, не убив Николая II. Переход власти к цареубийцам в условиях сохранения правительственного аппарата в столице был невозможен — скорее могла наступить ответная реакция, как после убийства Александра II.

Высокопоставленные военные иногда тоже строили абстрактные пла-

⁹ *Николаевский Б. И.* Указ. соч. С. 95–96.

¹⁰ *Верховский А. И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 228.

¹¹ *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 79.

ны путчей, но отдельно от Гучкова. По рассказам В. Н. Львова, он консультировался на эту тему с Алексеевым осенью 1916 г. Генерал считал, что всё зло — в царице и нужно ее арестовать и заточить¹². Этот план не лучшим образом характеризует умственные способности генерала. Сколько бы Александра Федоровна просидела в заточении, а заговорщики, ее арестовавшие, — в своих креслах? Ведь Николаю-то Алексеев при этом собирался оставить власть. Он был противником широкомасштабного переворота, так как «государственные потрясения» несут «смертельную угрозу фронту»¹³. Этот эпизод можно расценивать как доказательство раздражения Алексеева ситуацией при дворе, но никак не реальной подготовки переворота. Высказав курьезный план решения всех проблем с помощью ареста царицы, Алексеев явно был не в курсе идей Гучкова и Крымова. Может быть, Алексеев просто водил Львова за нос? Вряд ли. Если бы генерал был вовлечен в заговор Гучкова—Крымова, то мог бы легко перебросить группу офицеров Крымова к царскому поезду, особенно во время Февральской революции. Но этим «инструментом» не воспользовались. Так что Гучков, хотя и пытался «распропагандировать» Алексеева в ходе их переписки, не посвящал генерала в планы захвата царя. Ни у Гучкова, ни у Крымова, ни у Алексеева на практике не имелось никакой реальной

группы боевиков, которой можно было бы воспользоваться в февральские дни.

Сам Гучков признал позднее: «Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось»¹⁴. Советский историк Н. Н. Яковлев не согласен с таким самоуничижением: «А Маниковский?»¹⁵. С ним установил контакт масон Н. В. Некрасов, обсуждавший возможность переворота с Гучковым. Это вам не шутки! Ведь во время февральских событий Некрасов предложил Маниковского в диктаторы. Правда, кандидатура эта при обсуждении продержалась с минуту, другие «заговорщики» отмахнулись от нее, из чего видно, что заранее Маниковский в диктаторы не готовился, а просто Некрасов имел с ним хорошие личные отношения. К тому же А. Маниковский, как уже упоминалось выше, негативно относился к вмешательству общественности в организацию снабжения армии и не относился к числу сторонников А. Гучкова. В. А. Никонов признаёт, что доказательств причастности Маниковского к масонству нет, но упускать такой соблазнительный след заговора не хочет. Все-таки у Маниковского с Керенским в феврале 1917 г. была «близость», потому что осенью (!) Керенский назначил Маниковского управляющим военным ведомством. Правда, как раз Керенский

¹² Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 92.

¹³ Денижкин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль—сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 107.

¹⁴ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. С. 183.

¹⁵ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1993. С. 258.

и сместил Маниковского с этой же должности в мае. А осенью пришедшие к власти большевики тоже доверили эту работу Маниковскому. Если использовать метод В. А. Никонова, то получается, что Маниковский в начале 1917 г. и с большевиками был «близок». Но это вряд ли¹⁶. Просто Маниковский был лоялен всем режимам и неоднократно становился руководителем ведомства в качестве технического исполнителя.

В. А. Никонов тоже считает, что Гучков скромничает при оценке своей роли в свержении самодержавия: «И вновь возьму на себя смелость сказать, что заговор Гучкова и воен-

¹⁶ Когда я писал эти строки, абсурдность причастности Маниковского к большевизму в феврале 1917 г. казалась мне очевидной, не требующей доказательства. Но оказывается нет пределов конспирологической мысли. П. В. Мульгатули утверждает: «Если учесть, что Маниковский после Октябрьского переворота вступил в РККА, то связь его в феврале 1917 г. с большевиками можно считать почти доказанной» (*Мульгатули П. В. Император Николай II... С. 151*). Даже как-то неудобно за П. В. Мульгатули, дрогнувшего и употребившего слово «почти». Уж если сокрушать законы логики, то негоже останавливаться на полпути. Вот вступил человек в армию нового режима — значит, уже давно работал на его лидеров. Если позволительны такие «логические» заключения, то слово «почти» тут неуместно. Нужно прямо заявить — все десятки тысяч офицеров, которые во время Гражданской войны служили в РККА — все работали на большевиков еще до свержения самодержавия. Гучков — это мелочи игры, когда у Ленина пол-армии были под контролем в феврале 1917 г. Можно только поздравить П. В. Мульгатули с раскрытием обширного большевистского военного заговора в высших эшелонах императорской армии. Разумеется, подобные умозаключения о связи Маниковского с большевизмом в феврале 1917 г. не имеют отношения к научным методам исследования.

ной верхушки не просто имел место, он зашел гораздо дальше, чем потом будут признавать его лидеры»¹⁷. Но тут одной смелости мало — нужны еще доказательства наличия до 23 февраля 1917 г. конкретных договоренностей между Гучковым и «военной верхушкой» о совершении переворота. Каковы же эти доказательства? Хорошо известно, что Гучков как бывший председатель парламентской комиссии по обороне имел широкие связи в военных кругах, но связи связями, а согласие генералов на государственное преступление — совсем другое дело. Пересказав известные планы Гучкова по захвату поезда, В. А. Никонов не приводит доказательств, что с этими планами до февраля 1917 г. был согласен или даже знаком кто-то из командующих фронтами или командиров крупных воинских частей в районе Могилева и Петрограда.

Не обнаружив доказательств заговора генералов во главе с Гучковым, В. А. Никонов идет от обратного: «План (или планы) Гучкова не имели бы ни малейшего смысла, если бы их не поддержала значимая часть армии или хотя бы часть ее верхушки. Одного приказа из Ставки было бы достаточно, чтобы перечеркнуть результаты любого заговора»¹⁸. Совершенно верно, и логически из этого следует, что те планы, которые обсуждались до начала революции, не могли увенчаться успехом. Это честно признал Гучков. Но В. А. Никонов начинает искать

¹⁷ Никонов В. А. Крушение России. М., 2011. С. 515.

¹⁸ Там же. С. 522.

черную кошку в темной комнате: если Гучков излагает не реалистичные планы, значит, скрывает реалистичные. С какой-то стати в эмиграции Гучкову вздумалось выставить себя глупцом во имя сокрытия истинных механизмов свержения императора? Может быть, ему стало стыдно за соучастие в свержении Николая? Нет, своего отношения к царю, желания его свергнуть и участия в февральских событиях Гучков не отрицает. Отрицает лишь роль архитектора и творца переворота, которую ему навязывают сторонники конспирологических концепций.

Вот другой известный факт — Гучков переписывался с генералом Алексеевым, настраивал его против монарха и самодержавия. Но есть ли свидетельства договоренности Алексеева и Гучкова о свержении Николая II? В.А. Никонов уходит в повествование о других контактах Алексеева с оппозицией — помимо Гучкова, об оппозиционных взглядах самого Алексеева. Если верить начальнику московского жандармского управления А.П. Мартынову, осенью 1916 г. было перехвачено письмо какого-то общественного деятеля о том, что думцам удалось уговорить Алексеева оказывать им «полное содействие». Во всяком случае, так это запомнил Мартынов и воспринял «общественный деятель». При каких условиях и в чем конкретно должно было оказываться содействие — остается под вопросом. В.А. Никонов понимает, что это пока очень шаткое доказательство «заговора Гучкова и военной верхушки», и констатирует, что Алексеев не давал согласия на уча-

стие в каких-то заговорщических планах¹⁹. Были слухи, что посланники Думы прямо говорили Алексееву о возможности переворота, и он то ли отказался его поддержать, то ли сказал, что и противодействовать не будет²⁰. Но во-первых, это слухи, и не очень конкретные. А во-вторых, даже если так и было, получается, что Алексеев отдал инициативу депутатам, у которых реальной военной силы не было. И ссориться с либералами не хотел, и возможности реально произвести переворот им не предоставил.

Тогда, может быть, в «заговоре Гучкова и военной верхушки» участвовали какие-то другие члены этой «верхушки»? В.А. Никонов рассказывает об оппозиционных взглядах генерала В. Гурко, который до 17 февраля 1917 г. исполнял обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего во время болезни Алексеева, а также командующих фронтами Н. Рузского и А. Брусилова. Но и здесь не приводится доказательств подготовки переворота²¹.

В общем, приходится В.А. Никонову констатировать: «Точной даты, на которую Гучков и его соратники готовили переворот, установить уже невозможно»²². Это вполне естественно — имеющиеся источники не позволяют доказать, что она вообще была. Ведь до февраля 1917 г. у оппозиции не было главного условия для переворота — военной

¹⁹ Никонов В. А. Указ. соч. С. 531–532.

²⁰ Там же. С. 537–538.

²¹ Там же. С. 233–237.

²² Там же. С. 542. Полиция питалась слухами, что нечто должно произойти 8 февраля, но ничего не случилось.

силы, готовой к выступлению. Сочувствующие либерализму генералы не проявляли желания рисковать (за исключением Крымова на Румынском фронте). Не удалось найти доказательств того, что до февраля Гучкову удалось заручиться поддержкой «военной верхушки» или даже группы офицеров для практического осуществления ареста Николая II.

Принципиально важно, что во всех слухах об обсуждении планов дворцового переворота нет и намека на организацию рабочих волнений. Даже преувеличивая степень подготовки верхушечного переворота, либералы сожалеют, что не успели ничего сделать до начала рабочих волнений. Это якобы могло предотвратить выход на улицы широких масс. В действительности только выход масс и открыл перед думскими деятелями возможность начать воплощать в жизнь свои мечты об отстранении Николая II от власти. Только вот вопреки их мечтаниям верхушечные перемены не могли остановить социального движения, потому что не снимали его социальные причины.

«Грязные заговорщики» не нашли реальных инструментов для совершения верхушечного переворота — т. е. переворота без революции снизу. Одно дело — хотеть, другое — мочь. Нужно различать заговоры и разговоры. Контактируя с отдельными офицерами и даже генералами, либеральным политикам не удалось заручиться поддержкой тех военных руководителей, которые могли бы приступить к подготовке военного переворота в столице.

А без этого можно вести либеральные беседы еще долго, пока кризис самодержавия не вызвал настоящую революцию.

МАСОНЫ, МАСОНЫ, КРУГОМ ОДНИ МАСОНЫ

Легальная деятельность оппозиции и консультации либералов с военными переплетались с загадочной деятельностью масонов. Не смыкается ли реальная политическая игра кануна революции со средневековыми мистическими ритуалами? Может быть, империю погубил тайный заговор мистического ордена масонов?

Устав «Великого Востока народов России», принятый на съезде 1912 г., разочаровывает искателей мистических мотивов масонской деятельности: «Масонство имеет целью искание истины и достижение нравственного совершенства человечества путем объединения людей на началах братской любви, взаимопомощи, терпимости и полной свободы совести. Отсюда девиз масонов: свобода, равенство и братство»²³. Просто клуб демократов, связанных взаимным уважением. От «регулярного масонства» осталась одна оболочка — и цели другие, и темы, и порядки. Главное сходство — строгая тайна всего, что происходит внутри. Но ведь не только масоны являются тайной организацией.

Нет, не годятся такие масоны на роль заговорщического штаба. На

²³ Цит. по: *Старцев В. И.* Русское политическое масонство начала XX в.. СПб., 1996. С. 124.

верное, устав не отражает их боевой сущности?

Историк Н. Н. Яковлев, активный защитник советской державы от прорисков диссидентов, неумолимо расследовал также и подрывную работу масонов против России. Он уверен, что после роспуска ложи «Великого Востока» «другие ложи, неизмеримо усилив конспирацию, продолжили свою работу по овладению ключевыми постами в государственной иерархии Российской империи»²⁴. Что это за ложи и на какие ключевые посты сумели они провести своих членов?

Масоны вроде бы руководили «Прогрессивным блоком» в Государственной Думе. Но он, как известно, не смог добиться контроля над правительством, после чего «те, кто считали себя руководителями русской буржуазии, решили из мозаики лож, орденов и братств отковать единую тайную организацию»²⁵. Здесь Яковлев загадочен, как масон. Кто эти загадочные «те»? Что за мозаика «лож, орденов и братств» и чем они отличаются друг от друга? Впрочем, стоит ли вникать в такие детали, когда вот-вот возникнет единая «откованная» тайная организация, которая заменит собой «мозаику» и будет действовать под руководством «тех» самых вождей буржуазии.

Размах «заговора по типу масонских лож» оказался нешуточным: «организация пронизывает и охватывает высшую структуру Российской империи, особенно двор, бюрократию,

технократию и армию»²⁶. Тут бы неплохо привести примеры масонов, руливших двором и правительством. И почему, раз всё так «схвачено», Прогрессивный блок не сумел договориться с правительством. Кругом одни загадки, но Н. Н. Яковлева это не пугало. У него была улика — найденная в материалах полиции «Диспозиция № 1» «Комитета народного спасения» 1915 г. Полиция изъяла бумагу у французского журналиста, к которому она попала от депутата Петроградской думы А. Брянчанинова — издателя «Церковно-общественного вестника» и прогрессиста. Брянчанинов сообщил, что воспринял бумагу как курьез и не помнит, от кого ее получил. Полиция успокоилась, но масоноведы — нет. Ведь, как оказалось, «Диспозиция» имела и в бумагах Гучкова.

Депутат и бизнесмен Гучков, как мы видели, мечтал о перевороте. Так что он — фигура, во всех отношениях пригодная для того, чтобы объявить его главой заговора масонской буржуазии (или буржуазного масонства — всё едино). Да и бумага суровая, составленная с офицерской прямотой: «немедленно назначить штаб верховного командования из десяти лиц, предоставив сие основной ячейке: кн. Львов, А. И. Гучков и А. Ф. Керенский... Верховное командование, организованное народом в борьбе за свои права, принять на себя А. И. Гучкову, как объединяющему в себе доверие армии и Москвы, отныне не только сердца, но и волевого центра России»²⁷. Так

²⁶ Там же.

²⁷ *Аврех А. Я.* Масоны и революция. М., 1990. С. 82–83.

²⁴ *Яковлев Н. Н.* Указ. соч. С. 12.

²⁵ Там же. С. 13.

что по этому плану Гучкову следовало обосноваться в Москве и командовать оттуда «штабом десяти», армией, прессой и петербургскими депутатами.

Правда, ничего масонского здесь нет. Гучков был более опытным политиком, чтобы писать такие вещи. Во всяком случае, появление «диспозиции» в его архиве еще никак не доказывает, что именно он — автор и даже что он согласен с планом создания «комитета». Мало ли проектов передают депутату.

Сам текст по стилистике очень сильно отличается от депутатских и масонских документов, и, читая его и тем более сопутствующую ему «Диспозицию № 2», историк А. Я. Аврех пришел к логичному выводу, что это — «типичный образец политической графомании»²⁸. Автор, судя по стилю, — офицер, который надеется своей диспозицией заставить разношерстных политиков ходить строем под командой Гучкова. Вероятно — связанный с московскими кругами. Автор «Диспозиций» пытался донести свое мнение до своего кумира и других центристских деятелей — так эти документы попали в соответствующие архивы. «Диспозиции» отражают настроения не масонских, а праволиберальных офицерских кругов, которые будут затем тяготеть к генералу Корнилову.

Пусть забавная «Диспозиция № 1» 1915 г. — исторический курьез. Но ведь Гучков действительно строил планы переворота, хоть и мало-

реальные. Насколько он мог опереться при этом на масонскую организацию? Начнем с того, что нет надежных свидетельств участия Гучкова в масонстве до революции (он стал масоном уже в эмиграции)²⁹. Вспоминая о действиях масонов в канун Февральской революции, один из их лидеров Н. Некрасов видит важное достижение в том, что удалось «нащупать» группу Гучкова и связанных с ним военных³⁰. То есть, по Некрасову, Гучков был союзником масонов, а не участником их организации.

Гучков взаимодействовал с масоном Некрасовым. Но планы их не совпадали. В феврале Гучков рассказал о своем плане апрельского переворота, после которого Крымов должен был быть назначен генерал-губернатором Петербурга и произвести репрессии против оппозиции: «Левые захотят воспользоваться переворотом, и необходимо в столице иметь человека, который не побоялся бы перевешать кого надо. Крымов такой — он в три дня очистит Питер от всех, кто не нужен»³¹. Но перспектива такого «нового порядка» масонам не улыбалась. Дело в том, что они делали ставку на союз с левыми (о чем ниже).

²⁹ См. Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 109–117. Масоновед В. С. Брачев настаивает, что Гучков всё же был масоном и до революции, но не приводит доказательств этого, следуя презумпции виновности лиц, которые кем-то упоминались как масоны (Брачев В. «Победоносный Февраль» 1917 г.: масонский след // Мاسоны и Февральская революция 1917 г. М., 2007. С. 171).

³⁰ Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 274.

³¹ Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 95–97.

²⁸ Там же. С. 86.

Русский эмигрантский историк С. П. Мельгунов реконструирует такую структуру заговора от Гучкова до большевиков. Гучков, Терещенко, Крымов планируют напасть на императорский поезд в марте 1917 г. (вероятнее — в апреле, но Мельгунову важно, чтобы план заговорщиков был как можно ближе к реальной картине революции). С этой троицей контактируют масоны, что позволяет рассчитывать на поддержку думской оппозиции. Важную роль играет Терещенко, через которого Гучков контактирует с Родзянко...³²

Стоп. Какой-то абсурд получается. Зачем Гучкову и Родзянко общаться через Терещенко, когда они и так прекрасно знакомы по думской деятельности и даже принадлежат к одной партии октябристов?

А нужно это чтобы демонизировать фигуру Терещенко, ибо он внезапно «всплывет» в первом составе Временного правительства, что станет главным доказательством участия в его формировании неких таинственных закулисных сил.

Гучков и без всяких масонов связан с думской оппозицией. Масоны связаны с социал-демократами, а Гучков и Крымов собираются в случае успеха переворота перевешать леваков. Так при чем здесь масонские связи? Может быть, Гучков хотел попользоваться социалистами для провокации волнений, а потом устроить им «ночь длинных ножей»? Тоже не получается. У Гучкова в ВПК есть Рабочая группа, и весьма влиятель-

ная. Он собирался налаживать отношения с рабочим классом через эту группу. Но если Гучков надеялся опереться на Рабочую группу ВПК, то ничего из этого не вышло. В февральские дни она стала организовывать Совет. А это прямо противоречило планам Гучкова. Более того, он не ждал волнений в Петрограде для осуществления своих планов. Напротив, рабочие выступления сорвали планы Гучкова.

Итак, Гучков действовал в контакте с масонами, но две эти группы были вполне самостоятельны. Гучков был полон решительных идей, но не имел средств к их осуществлению. Масоны были полны осторожности. Устройство лож было рассчитано не на управление членами, а на организацию благожелательного диалога между ними. Меньшинство не было обязано подчиняться большинству. Стороны стремились найти консенсус³³. Так что говорить о централизованной дисциплинированной организации не приходится. Масон А. Гальперн вспоминал о ложе: «главное, что я в ней ценил с самого начала, это атмосфера братских отношений, которая создавалась в ложах между их членами — безусловное доверие друг к другу, стремление к взаимной поддержке, помощи друг другу»³⁴.

Собиратель воспоминаний масонов Б. И. Николаевский считал, что они вырабатывали идеологию «заговорщического движения»³⁵. Непонятно

³³ Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 30.

³⁴ Там же. С. 52–53.

³⁵ Там же. С. 38.

³² Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 187–195.

только, какие заговорщики просили об этом масонов. Как раз идеологов в российской оппозиции и без масонов хватало. Политическая идеология российских масонов того времени сводилась прежде всего к сближению либеральных и социал-демократических позиций. Идея, прямо скажем, не оригинальная, в том числе и в России. История русского освободительного движения знает немало примеров, когда социал-демократы правели, а либералы левели без всякого масонства.

Историк С. Мельгунов, которого самого приглашали в масоны, пишет: «Мне кажется, что масонская ячейка и была связующим как бы звеном между отдельными группами “заговорщиков” — той закулисной дирижерской палочкой, которая пыталась управлять событиями»³⁶. Характерна неуверенность автора в излагаемой им версии: «мне кажется... как бы звеном». Мельгунов и сам не уверен в том, что говорит, а вот современные мифотворцы уже ссылаются на него как на источник, не вызывающий сомнений.

Запутавшись в реальных и выдуманных масонских связях, сам Мельгунов в итоге разочаровался в своих первоначальных версиях. В его поздней работе «Мартовские дни 1917 г.» масонам уже практически не уделяется внимание. Как подметил С. Н. Дмитриев, «видимо, по прошествии лет Мельгунов еще более убедился в том, что этой “дирижерской палочке” не очень-то удавалось управлять событиями,

³⁶ Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 187.

а наоборот, череда быстротечных событий диктовала ее “лихорадочные движения”. “Музыку заказывала” народная стихия, потому-то революции и называются революциями»³⁷.

Вспоминая уже в советское время о действиях организации во время Февральской революции, Н. Некрасов называет ее «своеобразным конспиративным центром “народного фронта”», который помог «объединению прогрессивных сил под знаменем революции»³⁸. Приятно объявить себя «центром» всех прогрессивных сил. Но в чем это проявлялось конкретно?

Наибольших успехов масонская организация добилась на парламентском поприще. По воспоминаниям самих масонов, их парламентская ложа стояла левее Прогрессивного блока, так как мало интересовалась октябристами и привлекала в свой состав социал-демократов и трудящихся. Это в целом соответствовало последующей конфигурации Временного правительства начиная с мая 1917 г. Из-за различия политического курса «Верховный совет был в оппозиции к политике Прогрессивного блока»³⁹, что делало масонов не штабом, а левым крылом думского большинства.

Социал-демократы вошли в ложу, потому что сочли, что «эта организация по своим задачам носит опреде-

³⁷ Дмитриев С. Н. «Мартовская одиссея» последнего императора России // Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 г. М., 2006. С. 8.

³⁸ Цит. по: Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 274.

³⁹ Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 66.

ленно революционный характер», а «ее решения нас не связывали»⁴⁰.

Согласование действий кадетов и меньшевиков в Думе, по мнению Б.И. Николаевского, было более выгодно для левых фракций, так как правые были более влиятельны в Думе и могли, в частности, обеспечить прохождение запросов социал-демократов⁴¹.

Литературная ложа масонов включала либеральных и в меньшей степени социал-демократических журналистов. Воображение рисует картину могущественной медиакорпорации, которая может по сигналу центра смешать с грязью любого и навязать людям любую идею. Но в реальности речь могла идти не об управлении волей публицистов из разных газет, а о согласовании взглядов и обмене информацией. Некоторую роль масоны сыграли в агитационной кампании против Распутина (хотя явно были не единственными ее организаторами).

Как только их взгляды расходились, «братья» по ложе публично бросались в атаку друг на друга. Так, А. Гальперн указывает на Н. Суханова как члена организации. Известно, что с началом революции Суханов принялся резко критиковать и Временное правительство, и Чхеидзе. Сам Чхеидзе, по воспоминаниям Гальперна, стал отходить от масонов уже с началом войны, считая их роль законченной. По утверждению Чхеидзе, после Фев-

ральской революции он вовсе отошел от ложи, но Гегечкори считает, что Чхеидзе и Некрасов продолжали общаться «как брат с братом»⁴². Это значит, что личные связи сохранились, но не доказывает, что Чхеидзе посещал ложу после февраля 1917 г.

Военная ложа прекратила существование с началом войны, да и прежде была неработоспособной. Но важно, что масоны контактировали с генералом Рузским через его брата Дмитрия, масона. Они не могли управлять генералом, но могли осторожно усиливать его оппозиционность. Масоны завязывали и другие неформальные связи с военными. Впрочем, это делали и другие либералы – не масоны.

Б.И. Николаевский суммирует доступную информацию о деятельности Верховного совета: «Успешными усилия Совета могли быть только, где речь шла о сравнительно небольших вопросах, о сглаживании углов и т. д.»⁴³.

А. Гальперн признает: «революция застала нас врасплох»⁴⁴. Рычагов для воздействия на ситуацию у масонов не имелось. Можно было обмениваться информацией с теми «братьями», которые, подобно Керенскому, бросились в водоворот событий, можно было смотреть из окна на бунтующие толпы и печалиться, что революция свершилась не так, как мечталось.

⁴² Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 71–72, 81, 89.

⁴³ Там же. С. 34.

⁴⁴ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 70.

⁴⁰ Там же. С. 76, 79.

⁴¹ Там же. С. 33.

Даже историк Г. Аронсон, в целом склонный высоко оценивать влияние масонов, считает: «цели масонов совпадали с целями политических деятелей-немасонов, да и методы работы были те же, если не считать конспиративности организации, созданной масонами»⁴⁵. Но и конспиративность не была отличительной чертой масонов — ведь все революционные партии и группы действовали конспиративно. Масонов можно определить как подпольную организацию части либералов с участием некоторых социал-демократов и трудовиков. Из-за отсутствия внутренней дисциплины они не тянут на роль штаба революции. Они были частью «народного фронта», совместными усилиями свалившего самодержавие. Структура этого неоформленного фронта включала и собственно революционное подполье, и масонов, и легальных социалистов, и думский Прогрессивный блок, и фрондирующих генералов, связанных с думским блоком. Одни части этого «фронта» не только не управляли другими, но часто даже не знали об их деятельности. Но все были готовы воспользоваться случаем, чтобы начать действовать сначала против самодержавия, а затем практически сразу — друг против друга.

Есть множество свидетельств того, как либеральная оппозиция использовала легальные структуры для подрыва авторитета самодержавия. Впрочем, нельзя было бы подорвать этот авторитет, если бы он опирался на действительно эффективную

⁴⁵ Аронсон Г. Масоны в русской политике // Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. С. 163.

и популярную политику. Есть множество свидетельств о нелегальных разговорах. Одного не хватает: надежных доказательств нелегальной деятельности по практической подготовке переворота.

РУКА БЕРЛИНА. ИЛИ ЛОНДОНА?

Версия масонского заговора все-таки имеет некоторую историческую подоснову. И масонские связи, и заговорщические планы Гучкова существовали на самом деле. Просто их значение в событиях было незначительным и искусственно раздувается мифотворцами.

Более сенсационная и прямолинейная версия — Февральскую революцию сделали иностранные агенты. Можно — и масоны, но только по заказу англичан или немцев. Лучше всего, чтобы немцев. Враг сгубил монархию, все, кто против самодержавия, — предатели Родины.

Доказательство простое — «кому выгодно». Выгодно немцам. Но тут же выстраивается длинная очередь социальных и политических сил от большевиков до старообрядцев, которые были рады свержению самодержавия. Эмигрантский историк Г. М. Катков пытается спасти «немецкую версию», рассуждая от обратного. Известно, что народные выступления в Петрограде были стихийными. Партии не направляли события, в них все участвовали на свой страх и риск. Каткову непонятно, как такое может быть, и он делает вывод: «вмешательство немецкой агентуры дает объяснение этому поразительному успеху “ре-

волюции без революционеров»⁴⁶. Если бы Г.М. Катков вдумался в эту свою мысль, он сам изумился бы ей. Получается, что немецкие агенты пользовались огромным авторитетом на предприятиях. Во всяком случае, бóльшим, чем члены революционных партий. Эти агенты прекрасно умели «глаголом жечь сердца людей», поднимать народ на восстание, зато потом как-то вдруг исчезли, вернув лидерство революционерам. По своей экзотичности эта версия сопоставима разве что с другой такой же — о том, что немецкий десант совершил Октябрьский переворот. Только десантников никто не заметил. И следов агентов, совершивших Февральскую революцию, не осталось даже в германских архивах. А там тщательно фиксировали попытки воздействовать на политическую ситуацию в России.

Этот ворох догадок выводят из двух фактов. Как-то Милюков вскользь высказал обывательское суждение о немецком следе в революции, о котором сам ничего не знал. Второй факт более сенсационен: немецкий коммерсант и социал-демократ, он же бывший русский революционер А. Гельфанд предложил властям своей страны способствовать революции в России. Власти согласились. Помимо мелких подачек русским социал-демократам и сепаратистам, которые помогли им в выпуске небольших тиражей пропагандистской литературы, первым крупным делом Гельфанда на новом поприще стала попытка

организовать революцию в России 22 января (т.е. 9 января по старому стилю) 1916 г., на что Гельфанду вроде был выделен целый миллион марок⁴⁷. Что же, Гельфанд отчитался, что отправил деньги в Петроград. Лучший способ отчетности. Тем более что стачки состоялись и не могли не состояться — ведь была очередная годовщина 9 января, и положение рабочих за время войны ухудшилось. Уместно напомнить, что стачки на Путиловском после начала войны возобновились уже в августе 1915 г., до всей этой затеи. Так что Гельфанд спокойно мог просто присвоить деньги.

Кстати, роль Гельфанда как раз была двойственной, германские чиновники ему не доверяли, полагая, что он может заботиться об интересах в большей степени мировой социал-демократии, чем Германской империи. Гельфанд, в частности, убеждал немецкие власти воздержаться от наступательных действий против России⁴⁸. По мнению Гельфанда, «русский рынок и участие в индустриализации в России для нас важнее, чем любые территориальные приобретения»⁴⁹.

Чтобы придать Гельфанду хоть какой-то вес в предыстории российской революции, его биографы высказывают гипотезу (но без доказательств) о связях его с социал-демократами-межрайонцами. Единственный аргумент, который

⁴⁷ Шиссер Г., Траупман Й. Русская рулетка. Немецкие деньги для русской революции. М., 2004. С. 35.

⁴⁸ Земан З., Шарлау В. Парвус — купец революции. Нью-Йорк, 1991. — С. 246.

⁴⁹ Там же. С. 278.

⁴⁶ Катков Г.М. Февральская революция. Париж, 1984. С. 262.

приводится в пользу этой версии, — контакты Гельфанда с эмигрантами, которые позднее запишутся в межрайонцы (а не с теми межрайонцами, которые действовали в Петрограде)⁵⁰. Важно и другое — роль межрайонцев была существенной в начале событий 23 февраля 1917 г., а не 22 января 1916 г., когда революцию планировал Гельфанд.

В любом случае, события февраля 1917 г. явились для Гельфанда (равно как и для немецких властей) полнейшей неожиданностью.

Даже Г. М. Катков понимал всю склизкость его немецкой версии, выстраивая ее с помощью словечек «как говорили» (кто?), «возможно», «по всей вероятности»... Но он уверен, что 23 февраля не обошлось без немцев. А как же. Ведь выступления начались с листовок социал-демократов-межрайонцев, в которых было написано «Долой войну!». Явная немецкая инструкция⁵¹.

Г. М. Катков забывает (или делает вид, что забывает), что лозунг «Долой войну!» был распространен среди левых социалистов (интернационалистов), и направлен он был против обоих воюющих блоков. Так что немцы дали бы другую инструкцию, если бы у них были рычаги влияния на забастовщиков и российских социал-демократов. Ведь даже Катков знает, что началось-то с межрайонцев. А они как раз стояли на интернационалистических позициях. Так что Катков безосновательно наво-

дил белоэмигрантскую тень на революционный плетень.

Раз уж немцы не годятся в организаторы Февральской революции, можно примерить на эту роль англичан. Доказательства? Да тоже никаких. Один принцип «кому выгодно». Так они же не немцы — им вроде бы невыгодно. Из-за революции русский фронт под угрозой оказался. Однако нет пределов мифотворчеству. Вот публицист Н. Стариков целую книгу посвятил сложносочиненному доказыванию, что англичанам было выгодно поражение России в войне. «Именно наши “союзники” по Антанте убили Российскую империю. Первую скрипку в этом похоронном марше играла британская разведка...»⁵² Очень, понимаете ли, боялись англичане, что Россия усилится после победы над Германией. Одна неувязка — Германию-то еще не победили. Даже США еще не вступили в войну против Германии. А вот англичане решили переиграть сами себя — обеспечивают немцам возможность выиграть войну, перебросив силы с восточного фронта на западный. В общем, хитро заверчено.

Знание предмета для создания таких веселых версий не требуется. Н. Стариков выясняет, например, каково участие эсеров в событиях Февральской революции. Дело нехитрое — достаточно «полистать мемуары известного нам лидера этой партии Виктора Чернова»⁵³. А там о февральских событиях ни-

⁵⁰ Там же. С. 214.

⁵¹ Катков Г. М. Указ. соч. С. 264.

⁵² Стариков Н. Кто убил Российскую империю? Главная тайна XX века. М., 2006. С. 7.

⁵³ Там же. С. 181.

чего нет. Значит, эсеры ни при чем. Н. Стариков забыл, что Чернов находился в эмиграции, а в выступлениях февраля 1917 г. участвовали те эсеры, которые были в России. И на своем незнании вопроса Н. Стариков начинает выстраивать ветвистую теорию: эсеры не организовали революцию. И кадеты. И немцы с большевиками не организовали. Кто организовал? Остаются англичане (куда только японцы подевались?).

Биограф Николая II П. В. Мульгатули уверен, что если до середины 1916 г. «главной целью английской политики была победа над Германией в союзе с Россией, то со второй половины 1916 г. такой целью стало устранение царской России и только потом победа над Германией»⁵⁴. С чего это вдруг? П. В. Мульгатули пишет о гибели друга России лорда Китченера и приходе к власти в Великобритании таинственных «глобалистских сил», которые мечтали о гибели не только царской России (т. е. самодержавия), но и расчленении России вообще (здесь, правда, приходится ссылаться не на британцев, а на частное мнение американца Э.-М. Хауса). Чтобы как-то обосновать свою парадоксальную мысль, П. В. Мульгатули пишет о том, что обладание проливами открыло бы России... дорогу в Индию⁵⁵. Где Средиземное море, а где Индия — даже Каспий ближе. Но для конспирологических теорий география — не указ. По версии П. В. Мульгатули революцию в России сломя голову

бросаются делать также представители Франции и США (тут у посла Фрэнсиса «обнаруживается» мотив хлебной конкуренции⁵⁶ — ясное дело, что с точки зрения американской политической элиты без самодержавия русский хлеб не родится). По версии конспирологов за руководителями государств Антанты стояли загадочные международные структуры, рулившие всем западным миром. Вот П. В. Мульгатули вычислил некое «Бродвейское общество», в которое по его версии входили американские банкиры, а также заправили иудейских и космополитичных тайных обществ. Вот они-то вместе с английским «Круглым столом» и приняли решение о свержении Николая II⁵⁷.

⁵⁶ Там же. С. 764–765.

⁵⁷ *Мульгатули П. В.* Император Николай II и заговор 17-го года. С. 98, 101, 102, 112. Надо сказать, что П. В. Мульгатули ввел в научный оборот большое количество интересных документов, которые при корректной интерпретации помогают уточнить картину событий. С интерпретацией, которую дает П. В. Мульгатули в интересах своей жестко идеологизированной монархической схемы, обычно трудно согласиться, но ее по крайней мере можно обсуждать. В случае с Бродвейским сообществом, которое то и дело всплывает зловещей тенью в книге П. В. Мульгатули, не приводится вообще никаких первичных источников, свидетельствующих об участии этой структуры в организации Февральской революции. Достаточно знакомства Милокова с кем-то, кого П. В. Мульгатули относит к «Бродвейскому сообществу», чтобы считать, что этот политик получал указания от зарубежного центра (с. 120). Чистая конспирология. Впрочем, потратив изрядную часть работы на рассказы о Бродвейском и прочих не менее таинственных зарубежных сообществах, П. В. Мульгатули внезапно констатирует, что «было бы неправильно считать эту роль (внешних сил. — *А.Ш.*) главной и решающей» (с. 119). Ну и слава богу. Вообще у рассказов о коварных внешних силах, якобы стоявших

⁵⁴ *Мульгатули П. В.* Внешняя политика императора Николая II (1894–1917 гг.). М., 2013. С. 763.

⁵⁵ Там же. С. 755–763.

Версия руководства российской революцией со стороны представителей Антанты или хотя бы их «помощи заговорщикам» нуждается в доказательствах. А максимум, что удается найти, — это консультации послов Антанты с лидерами легальной либеральной оппозиции⁵⁸. Обычная дипломатическая практика. В этих беседах затрагивались и темы гипотетического переворота, что совершенно не доказывает какой-то материальной помощи либералам со стороны Антанты в свержении самодержавия. Послы хотели знать больше о самых смелых замыслах оппозиции и давали понять, что установление конституционной монархии не вызовет осложнений в отношениях России с союзниками.

Очевидно наивны попытки монархистов и националистов объяснить неприязнь представителей Антанты к самодержавию хитроумными планами добиться ее поражения и даже развала до победы над Германией. Поражение России ставило Антанту в крайне тяжелое положение, так как Германия могла перебросить войска с восточного фронта на западный. Для западных партнеров России самодержавие представлялось неэффективным способом управления, и либерализация режима, как казалось, должна была повысить обороно-

за спиной противников самодержавия, ясная идеологическая задача — представить оппозицию в виде агентов иностранных сил, «геополитических врагов России». Задача политически актуальная, но от того не становящаяся научной.

⁵⁸ *Мультипули П. В.* Внешняя политика императора Николая II (1894–1917 гг.). С. 766.

способность России (разумеется, консервативные круги той же Великобритании могли считать иначе, но они не доминировали в правительстве).

Более того, демократизация России облегчала вступление в войну США, которое оказалось главным козырем Антанты в 1917–1918 гг. А Февральская революция помогла склонить чашу весов американских симпатий в сторону Антанты. Как пишут Д. Дэвис и Ю. Трани: «После Февраля 1917 г. в США начался период демократической русофилии. Вашингтон с подачи Фрэнсиса первым признал Временное правительство князя Львова. Картина мироздания, которую “портила” Российская империя, прояснилась: авторитарным центральным державам во главе с Германией теперь противостояла полностью демократическая Антанта. Америка с полным основанием могла вступить в войну для защиты западных ценностей»⁵⁹.

Политическая элита Антанты симпатизировала конституционным преобразованиям в России, так как считала, что это сделает социальную систему, а значит и фронт, более эффективными и устойчивыми.

Но и этот вполне понятный мотив еще никак не доказывает причастность англичан к революционным событиям. Нужно отыскать рычаги, с помощью которых туманный Альбион организовал революцию. Но обличители англичан и немцев не нашли каких-то конкретных меха-

⁵⁹ *Дэвис Д., Трани Ю.* Первая холодная война. М., 2002. С. 5.

низмов, с помощью которых иноземцы руководили рабочими массами.

Приходится начать с другой стороны — проследить, а кто на самом деле запустил маховик революции в Петрограде, которым затем уже воспользовались разнообразные политические силы.

Пока либералы, масоны, окружавшие царя группировки интриговали, вели разговоры, напоминавшие заговоры, и строили заговоры, не продвигавшиеся дальше разговоров, в стране обострялся застарелый социальный кризис, усиленный войной.

Можно сколько угодно рассуждать о масонах, интригах оппозиции и происках шпионов врага. Но всё это было и во Франции, и в Великобритании. А там революций не произошло. Где тонко, там и рвется.

В ходе войны, особенно после поражений 1915 г., участились сбои в работе транспорта, в снабжении городов и армии. Царская бюрократия не могла решить эти сложнейшие задачи. Зато расплодился злоупотребления, средоточием которых общественность была склонна считать императорский двор. Война активизировала общество, а ее безысходность сделала его более оппозиционным.

Оппозиции не хватало главного — материальной силы. Разговорщики опасались, что как только попытаются использовать какие-то войска, то могут быть арестованы. Им было боязно. Материальную силу либеральной элите предоставит широ-

кое движение низов. Но оно сделает это не «за просто так».

Приняв под давлением революции манифест 17 октября 1905 г. и согласившись на создание парламента с урезанными правами, Николай II перекраивал избирательное законодательство, чтобы обеспечить более выгодный для самодержавия состав депутатского корпуса. Делиться властью с «общественностью» он не желал. Что же удивляться, что «общественность» (т. е. интеллигенция и политизированная часть буржуазии) относилась к самодержавию критически и по мере сил интриговала против имперской бюрократии, эффективность работы которой оставляла желать лучшего? Закрытость круга, где принимались ключевые для страны решения, порождала множество слухов, а уж затем оппозиционная пресса могла раздувать реальные и выдуманные сообщения о злоупотреблениях царского окружения. Эта ситуация встречается во многих странах, где разлагаются аристократические порядки. В основе революции лежит социальный кризис, вызванный трудностями индустриальной модернизации страны, на пути которой встал социальный эгоизм аристократии и бюрократии.

СОЦИАЛЬНЫЙ ВЗРЫВ

С начала 1917 г. в России нарастала активность рабочего и социалистического движения. 9 января 1917 г. в Петрограде, Москве и других городах России прокатилась волна забастовок и митингов, приуроченных к годовщине «Кровавого

воскресенья» 1905 г. К рабочим присоединились студенты. Демонстранты несли лозунги «Долой войну!», «Да здравствует революция!».

На этот раз Гельфанду не заплатили за организацию волнений. Уже стало ясно, что он тут ни при чем. За то, чтобы отметить очередную годовщину 9 января, выступали практически все рабочие и левые организации столиц.

Усиление волнений «низов» не могло не беспокоить российские власти. Но действовали они привычными репрессивными методами. Полицейское руководство наивно полагало, что причина рабочих волнений — в подрывной деятельности Рабочей группы ВПК. Но доказательств этого не было. Гвоздев удалось уличить лишь в том, что они выдвинули план «мирной революции», которая должна совершиться, «не нарушая спокойствие жителей», «не вызывая полицию насилие»⁶⁰. Но само слово «революция», стремление к изменению существующего строя, в глазах режима уже было преступлением, и члены Рабочей группы были арестованы 28 января.

Современный автор В. А. Никонов развивает полицейскую версию «вглубь»: «Решение о начале массовой протестной мобилизации было принято Рабочей группой Центрального военно-промышленного комитета. Безусловно, соответствующая санкция Кузьме Гвоздеву была дана Гучковым»⁶¹. Учитывая,

что, выйдя из заключения, Гвоздев действовал вполне самостоятельно от Гучкова, ничего безусловного здесь нет. Гучков предоставил рабочим лидерам возможности для агитации, что соответствовало интересам обеих сторон, но не отдавал им приказаний об этой агитации — социал-демократы в любом случае ею занимались. Никаких доказательств существования этой загадочной «санкции» В. А. Никонов не приводит. От истории к конспирологии его толкает мышление политолога, в соответствии с которым «на столь массовый протест могут подвинуть только элиты»⁶². Отсутствие достаточных доказательств объясняется тем, что, мол, «игра велась очень тонко»⁶³. А вот монархический автор П. В. Мультатули придумал даже разногласия между заговорщиками по поводу рабочих волнений, которые они якобы собирались организовать (доказательств этого не приводится, упоминаются только слухи, циркулировавшие среди чиновников). Якобы Милюков «делал ставку на массовые выступления рабочих», а Гучков видел в них «отвлекающий маневр»⁶⁴. Впрочем, в противоречии с этой своей версией П. В. Мультатули затем утверждает, что арест Рабочей группы лишил группу Гучкова «орудия организации переворота»⁶⁵. И от лично — значит Гучков не может быть организатором Февральской революции — ведь «орудия»-то его

⁶⁰ Канун революции. Пг., 1918. С. 99–100.

⁶¹ Никонов В. А. Указ. соч. С. 582.

⁶² Там же. С. 600.

⁶³ Там же. С. 601.

⁶⁴ Мультатули П. В. Император Николай II... С. 135.

⁶⁵ Там же. С. 140.

«лишили». Так конспирологические версии опровергают сами себя без посторонней помощи.

Социал-демократы, в том числе и члены Рабочей группы, дежурно повторяли свое программное требование о свержении самодержавия, но на день открытия Думы планировали демонстрацию «к Таврическому дворцу, чтобы там заявить основные требования рабочего класса и демократии»⁶⁶.

Арест Рабочей группы не мог остановить деятельность социалистов, у которых были даже депутаты в Думе. В день открытия Думы 14 февраля социал-демократы провели демонстрацию, которую разогнала полиция. К открытию Думы социал-демократы приурочили стачки, которые сопровождались волнениями. Но практическая задача свержения самодержавия на эти дни не ставилась — было ясно, что чисто политическая повестка дня не дает достаточных сил для этого.

Вместо того чтобы вступить в диалог с рабочим движением, правительство и полиция провоцировали конфронтацию. Они подрывали

стабильность империи сильнее всяких масонов.

Свою лепту в начало революции (но не «желательной» для либералов дворцовой, а настоящей, социальной) внесло наступление на социальные права рабочих. Администрация предприятий решала свои проблемы за счет работников. Падение производства из-за нехватки топлива, рост издержек из-за инфляции — всё можно переложить на рабочего. Недоплачивать зарплату и увольнять «лишних». 8–9 февраля забастовали рабочие Ижорского завода, требовавшие прибавки зарплаты. 16 февраля войска заняли его. Был закрыт Орудийный завод. Сворачивание военного производства из-за нехватки ресурсов создавало социальную бомбу в столице. Количество перешло в качество на Путиловском заводе.

18 февраля началась экономическая стачка на Путиловском заводе, которая в связи с увольнениями забастовщиков к 21 февраля охватила всё предприятие. Забастовщики избрали стачечный комитет, в который вошли большевики, анархисты, левые меньшевики и левые эсеры. Эти «низовые» социалисты и стали позже «заводилами» событий 23 февраля. 22 февраля, несмотря на то что в переговорах со стачечниками намечался прогресс, администрация приняла решение об увольнении почти всего коллектива завода⁶⁷.

Историк В. В. Поликарпов иронизирует: «Свои мотивы исключать

⁶⁶ Цит. по: *Стиридович А. И.* Великая война и февральская революция. М., 2004. С. 101. В донесениях Охранного отделения говорилось, что акция, которую готовит Рабочая группа, — это восстание (*Мультатули П. В.* Император Николай II и заговор 17-го года. С. 138–139), хотя готовились пока лишь к демонстрации. Это лишний раз показывает, насколько полицейские донесения о планах оппозиции являются малодостоверным источником. Во всяком случае факт ареста лидеров Рабочей группы исключает возложение на них роли организаторов рабочих волнений 22–26 февраля, с которых началась революция.

⁶⁷ Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. М., 1995. Т. 4. С. 315.

из поля зрения путиловский локаут имеют энтузиасты... масонско-закулисного объяснения Февральского переворота. Но фиксация интереса преимущественно на домыслах о закулисной стороне событий лишила их уникальной возможности значительно украсить свои мистификации»⁶⁸. Ведь Путиловский завод находился в подчинении генерала А. Маниковского, которого масоноведы записывают в масоны на основании предложения Некрасова сделать генерала диктатором. Предложение было тут же отвергнуто (в том числе масонами, участвовавшими в разговоре), а клеймо масона на Маниковском осталось, хотя он как раз относился к противникам вмешательства «общественности» в военное управление. Казалось бы, яснее ясного — «масон» Маниковский дал команду о локауте на Путиловском заводе — и случилось «непоправимое». Если увольнение рабочих было частью коварного заговора против Николая II, как объяснить, что 23 февраля Государственная Дума по предложению Керенского потребовала принять обратно уволенных рабочих и восстановить работу предприятия⁶⁹. Если бы всё было так просто, достаточно было удовлетворить требование Керенского и других депутатов, чтобы «сорвать заговор». К тому же нужно иметь очень буйную фантазию, чтобы заподозрить даже генерала в том, что он сочтет локаут средством борьбы с самодер-

жавием. Локауты прежде не приводили к революциям и служили средством борьбы с рабочим активом, а не с режимом.

Администрация завода не была заинтересована в достижении компромисса, но вовсе не потому, что хотела бы устроить в столице беспорядки. Производство работало неритмично. Зачем рабочим платить?

В столице возникла критическая масса недовольных рабочих, которым было нечего терять. В тот же день делегация путиловцев явилась к депутату-трудовику А. Керенскому и заявила ему, что рабочие готовы к выступлению и «слагают с себя ответственность за могущие произойти последствия»⁷⁰. Вопрос обсуждался в Государственной Думе, она даже приняла формулировку Керенского об отмене локаута. Но этот вопрос лежал вне компетенции Думы. Керенский и Чхеидзе выступили в этой ситуации в роли народных заступников, но никак не организаторов событий⁷¹.

⁷⁰ Цит. по: *Поликартов В. В.* Указ. соч. С. 7.

⁷¹ В. А. Никонов с высоты своего депутатского опыта задается вопросом: «Кто и с какой целью послал рабочих делегатов с Путиловского завода, почему они искали встречи с Керенским и Чхеидзе?». И приходит к предсказуемому выводу: «сигнал прошел по масонским каналам» (Указ. соч. С. 605). Вот не могли стачечники догадаться, к кому идти, ничего они не знали про Думу — спасибо, масоны им подсказали. Увлечшись конспирологией, В. А. Никонов забыл, что Керенский и Чхеидзе были лидерами социалистических фракций в Думе, а в стачке действовали активисты социалистических партий. Так что стачечники просто послали делегатов к своим депутатам. Ларчик открывается очень просто, и без масонского ключика.

⁶⁸ *Поликартов В. В.* 22–23 февраля 1917 г. в Петрограде // Падение империи, революция и Гражданская война в России. М., 2010. С. 13.

⁶⁹ Государственная Дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 4. С. 324.

Серьезной проблемой оставалась нехватка дешевого, доступного рабочим хлеба. Правый прогрессист Г. Вишневский говорил с думской трибуны 23 февраля: «Разве это не возмутительно сейчас, что в Петрограде нет черного хлеба, ведь это безусловно возмутительно... Но, господа, вы пойдите по магазинам, взгляните на витрины гастрономических магазинов: всё там есть, откуда-то подвозится, подвозится постоянно, а черного хлеба нет»⁷². Министр Риттих объяснял недостаток подвоза «стихийными явлениями» 20-х чисел января (т. е. снежными заносами). Но с тех пор прошел месяц. Сам министр признал, что дело было не только в «стихийных явлениях», но и в «угольном кризисе», т. е. в нехватке топлива⁷³. Впрочем, не хватало и вагонов.

В конце января была введена норма доставки в Петроград 30 вагонов ржаной и 5 вагонов пшеничной муки в сутки. Это вроде бы решило проблему, но в 20-х числах февраля снова обнаружился острый дефицит ржаной муки⁷⁴. Проблема была как в доставке, так и в распределении. Распределение было неритмичным, процветала спекуляция. Доставка была рассчитана на минимум, на текущие потребности хлебопекарен — без создания достаточных запасов для гражданского населения. Как доложил депутат А. Шингарев, запасы, которые создавала Городская дума, расходовались по требованию министерства,

и теперь были недостаточны⁷⁵ (получается, что и прежде дефицит ликвидировался не только за счет государственного подвоза, а за счет этих запасов). Малейший сбой вызывал дефицит и очереди за хлебом. Не в первый раз сталкиваясь с дефицитом хлеба, часть населения стала делать свои запасы, что усилило дефицит для остальных. Так что дело было не в снежных заносах, а в системе.

Рабочие, измученные нехваткой продовольствия, представляли собой взрывоопасную среду. Не хватало только «детонатора». Один из полицейских доносил: «Среди населения вверенный мне участок рабочей массы происходит сильное брожение вследствие недостатка хлеба... Легко можно ожидать крупных уличных беспорядков. Острота положения достигла такого размаха, что некоторые, дождавшись покупки фунтов двух хлеба, крестятся и плачут от радости»⁷⁶. В этой обстановке малейшая искра могла вызвать взрыв.

Конспирологи считают, что «лозунг “Хлеба!” был сильным ходом заговорщиков»⁷⁷. Но если бы сотни тысяч людей не страдали от нехватки хлеба, то никакие реальные или мнимые заговорщики не смогли бы вытащить их на улицы под нагайки, а затем и под пули. Таким образом, даже конспирологические версии в итоге не могут опровергнуть факт — причиной начала

⁷² Государственная Дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 4. С. 312.

⁷³ Там же. С. 341.

⁷⁴ Там же. С. 341–342.

⁷⁵ Там же. С. 347.

⁷⁶ Цит. по: *Лейберов И.П., Рудаченков С.Д.* Революция и хлеб. М., 1990. С. 18.

⁷⁷ *Мультипули П.В.* Император Николай II... С. 150.

революции были не заговорщики, а социальные проблемы.

По справедливому замечанию Н. Суханова, «ни одна партия не готовилась к великому перевороту. Все мечтали, раздумывали, предчувствовали, ощущали»⁷⁸. Мечта о революции была абстрактной, но революционные партии не забывали о дежурных «красных датах» календаря. 23 февраля по юлианскому календарю (8 марта – по грегорианскому) Междурайонный комитет РСДРП с помощью подпольной группы эсеров напечатал листовки к Международному женскому дню. В них перечислялись основные проблемы дня, обличалось самодержавие и капиталисты: «Сотни тысяч рабочих убивают они на фронте и получают за это деньги. А в тылу заводчики и фабриканты под предлогом войны хотят обратить рабочих в своих крепостных. Страшная дороговизна растет во всех городах, голод стучится во все окна». И выводы: «Долой самодержавие! Да здравствует Революция! Да здравствует Временное Революционное Правительство! Долой войну! Да здравствует Демократическая Республика!»⁷⁹ Эти лозунги нашли отклик в раздраженных массах. Идеология этого документа бесконечно далека от верхушечного заговора элиты. Революция началась совсем не так, как мечтались Гучкову, генералам и масонам.

Толпы рабочих через полицейские заслоны прорывались на Невский проспект с севера и юга, стремясь

⁷⁸ Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1. С. 49.

⁷⁹ Пролетарская революция. М., 1923. Т. 1. С. 283–284.

показать столичной элите, что народ бедствует.

Процесс принял лавинообразный характер.

24 февраля командующий войсками Петроградского военного округа генерал С. Хабалов срочно выделил хлеб населению из военных запасов, но теперь это уже не оставило волнений. Оказалось, что перебои с поставками хлеба были последней каплей, переполнившей чашу терпения. Людей нельзя было просто успокоить подачками, потому что это люди, а не животные. Они уже пришли к выводу, что в их бедах виновата Система. Демонстранты несли лозунги «Долой самодержавие!». «Хулиганы» самоопределялись политически. Они не собирались просто громить булочные. Среди митингующих появились активисты и сторонники оппозиционных партий, которые стали призывать демонстрантов идти к Таврическому дворцу «с требованиями к Государственной Думе об устранении настоящего правительства»⁸⁰.

Б. Н. Миронов утверждает, что политические лозунги «бросили в рабочие массы» «деятели Центрального военно-промышленного комитета»⁸¹, но не приводит доказательств этой смелой версии. Если имеется в виду Рабочая группа ЦВПК, то сторонники теории заговора забывают о том, что ее лидеры в это время сидели в тюрьме. Впро-

⁸⁰ Февральская революция 1917 г. Сборник документов и материалов. М., 1996. С. 28.

⁸¹ Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX в. М., 2013. С. 576.

чем, члены РГ ЦВПК не были агентами А. Гучкова, так как не назначались руководством ЦВПК, а выбирались рабочими. Поэтому политическую активность деятелей РГ ЦВПК нельзя отождествлять с политическими действиями лидеров ЦВПК. Вся эта сомнительная версия нужна для подтверждения не менее сомнительного вывода о том, что «февральский переворот... непосредственно организовала группа Гучкова»⁸². Впрочем, несмотря на симпатии к таким версиям, увы, не подкрепленным доказательствами, Б. Н. Миронов в своих выводах занимает более взвешенную позицию, которая сглаживает впечатление от предыдущего пересказа заговорщических «предположений»: «Для революции одинаково важны как сильно недовольные и готовые к революционным действиям массы, так и энергичные умелые организаторы и лидеры... При этом народ не являлся просто марионеткой в руках циничных политиков. Нельзя вывести на улицы сотни тысяч людей против их воли, их нужно было убедить в необходимости это сделать. У крестьян и рабочих имелись свои групповые интересы, которые они успешно решали с помощью интеллигенции»⁸³.

⁸² Там же. С. 657.

⁸³ Там же. С. 661, 700. Вывод о самостоятельной роли «низов» в событиях Февральской

Б. Н. Миронов настаивает, что «даже в 1916 — начале 1917 г. продовольственный вопрос сам по себе не мог вызвать революционную ситуацию»⁸⁴. Но никто не утверждает, что революционную ситуацию вызвал только продовольственный вопрос «сам по себе». Она являлась результатом целого комплекса социально-экономических и социально-политических причин, которые в итоге вызвали социальный взрыв снизу. А уже этот взрыв создал возможности также для действий элитных групп против самодержавия. И только вместе «низы» и «верхи» могли с ним справиться.

Это определило и результат событий Февраля — правительству либералов пришлось делить власть с массовой самоорганизацией Советов и ее социалистическими лидерами. В результате Февральская революция не остановилась на либеральных задачах и стала лишь началом Великой Российской революции 1917–1922 гг.

революции, о том, что значение их действий ничуть не меньше, чем роль элит, сделан и в моей более ранней работе: *Шубин А. В. Мифы Февральской революции. // Массоны и Февральская революция 1917 г. М., 2007.*

⁸⁴ *Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 585.*

«ПОЛУОСТРОВ» КОСОВО: ИСТОРИЯ, ВЫРВАННАЯ ИЗ КОНТЕКСТА

Важное место в официальном обосновании признания независимости АР Крым и Севастополя и их последующего присоединения к России, озвученном, в частности, в Обращении президента РФ В.В. Путина 18.03.2014 г., занимает так называемый косовский прецедент, который, по словам российского президента, возник «в ситуации, абсолютно аналогичной крымской»¹. В статье на основе анализа основных черт косовского кризиса читателю предлагается сделать вывод, насколько аргументирована подобная историческая ссылка.

Единой российской власти уже апеллировали к «косовскому прецеденту» — в августе 2008 г. при признании независимости Абхазии и Южной Осетии². Подобная ссылка и тогда вызывала очевидные вопросы, учитывая, что Россия, как в то время, так и сейчас отказыва-

¹ Стенограмма Обращения Президента РФ В.В. Путина 18 марта 2014 г., Москва [Электронный ресурс] // <http://kremlin.ru/transcripts/20603> (дата обращения: 15.04.2014).

² См. например: Интервью Президента РФ Д.А. Медведева телеканалу ВВС 26 августа 2008 г., Сочи [Электронный ресурс] // <http://kremlin.ru/transcripts/1228> (дата обращения: 15.04.2014).

ется признать независимость самого Косово. Несмотря на это явное противоречие в концептуальном и практическом отношении России к феномену «самопровозглашенных» государств, случаи Абхазии и Южной Осетии по своему содержанию и характеру были действительно весьма близки к Косово, в отличие от рассматриваемого в настоящей статье Крыма.

Нельзя не отметить, что «Косовским прецедентом» более чем сложно оправдать присоединение АР Крым и Севастополя (далее — Крым) к России. Несмотря на то, что одна из четырех ведущих политических партий Косово Vetëvendosje (12,7% голосов на последних парламентских выборах в декабре 2010 г.) действительно выступает за присоединение Косово к Албании, данная цель не является официальной позицией властей Косово и не поддерживается на официальном уровне ни Албанией, ни ЕС. Впрочем, учитывая, что сама идея присоединения Косово к Албании имеет долгую политическую историю³, полностью исключить такой поворот событий пока нельзя, но его вероятность следует

³ Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. М., 2006. Т. 1 (1878–1997 гг.). С. 15–35.

признать незначительной, поскольку объединение албанских земель⁴ в настоящее время планируется осуществить в рамках общей евроинтеграции региона⁵.

Официальное присоединение Россией Крыма (части населенной территории другой страны без согласия последней) является почти уникальным явлением в рамках послевоенной системы международно-правовых отношений. Ближайшими аналогами являются аннексия Израилем Голанских высот (с 1981 г.) и с известными оговорками Восточного Иерусалима (с 1967 г.) и его претензии на часть Западного берега реки Иордан (проблема так называемых «израильских поселений»), а также Индией — Португальской Индии (с 1961 до 1974 г., когда Португалия признала аннексию). Как отдельные случаи можно рассматривать также поглощение целых государств — Сиккима Индией (1975 г., *de jure* не признано Китаем) и Кувейта Ираком (1990–1991 гг., неудачно). В какой-то мере можно также вспомнить юридически запутанный случай аннексии Западной Сахары со стороны Марокко (с 1976 г.).

Во всех остальных случаях при отделении образуются формально

независимые государства, либо непризнанные (Нагорный Карабах, Приднестровье, Сомалиленд), либо частично признанные (Косово, Северный Кипр, Абхазия, Южная Осетия и др.). Косово в этом ряду занимает особое место: это единственное, не считая Палестины, самопровозглашенное государство, не входящее в ООН, со столь высоким уровнем признания: на текущий момент его признали 108 из 193 членов ООН, включая трех постоянных членов Совета безопасности.

Поскольку вопрос о правомочности присоединения Крыма к России нерешаем в рамках «косовского прецедента», остановимся лишь на сопоставлении отделения Крыма от Украины и Косово от Сербии. На наш взгляд, между этими случаями существует четыре существенных типологических различия:

- по характеру и уровню развития сепаратистского движения (остроте «проблемы»);
- способности центральной власти решить проблему сепаратизма;
- вовлеченности в решение этой проблемы международного сообщества;
- временной протяженности.

Первое и основное различие — это объективное существование целенаправленного и массового сепаратистского движения албанцев в Косово⁶ на протяжении всей

⁶ Этот вопрос подробно и весьма убедительно освещен в документах, входящих в упомянутый сборник: Албанский фактор

⁴ Помимо собственно Албании и Косово, это в известном смысле также северо-запад и запад Македонии, юго-восток и восток Черногории, а также отдельные районы юго-восточной Сербии (Прешево, Медведжа и Буяновац).

⁵ См. в частности: Программа Правительства Албании: Внешняя политика [Электронный ресурс] // <http://www.kryeministria.al/en/program/european-albania-in-the-region-and-worldwide/foreign-policy> (дата обращения: 15.04.2014).

новейшей истории пребывания этого края в составе Сербии⁷. Хотя это движение имело сильные просветительно-образовательный и общественно-политический компоненты, оно неоднократно перерастало и в насильственные формы, особенно в 1941–1945, 1981–1991 и 1996–1999 гг. Само движение опиралось на увеличившееся преобладание албанцев в структуре населения края. Окончательный этнический перелом, по мнению большинства историков, произошел в 1945 г. после запрета сербским беженцам (до 200 тыс. чел.) возвращаться на места их прежнего проживания. В любом случае, к 1948 г. доля албанцев в Косово и Метохии составляла уже 68,5%, а сербов и черногорцев — лишь 27,5%⁸. По переписи 1991 г. доля албанцев достигала уже 81,6%, сербов и черногорцев — 11%⁹.

Насколько можно судить, на сегодняшний день отсутствуют серьезные научные публикации по истории русского сепаратизма

в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. М., 2006. Т. 1 (1878–1997 гг.). Но сам албанский сепаратизм и его столкновение с сербской экспансионистской политикой в отношении Старой Сербии зародились задолго до 1912 г. О предшествующем периоде см. в частности: Тимофеев А. Ю. Крест, кинжал и книга: Старая Сербия в политике Белграда (1878–1912). СПб., 2007.

⁷ Начиная с 1912 г. это последовательно были Королевство Сербия, Королевство СХС, Королевство Югославия (de jure до 1945 г.), ФНРЮ, СФРЮ, СРЮ, Государственный союз Сербии и Черногории и Республика Сербия.

⁸ Sekulović D., Stojimirović S., Gigović Lj. Demografske karakteristike stanovništva Kosova i Metohije // Globus. 2004. Mol. 35. Br. 29. Str. 13.

⁹ Ibid. Str. 34.

в Крыму¹⁰. Но даже из доступной публицистики, СМИ и личного опыта общения с жителями Крыма сложно сделать вывод о наличии в Крыму в 1954–2013 гг. сепаратистского движения, сколь-либо сопоставимого с Косово по глубине, масштабу и характеру. Этому не способствовала и структура населения, где русские по переписи 2001 г. составляли только 58,32% в АР Крым (в Севастополе — 71,58%). Сепаратистские настроения, несомненно, присутствовали, особенно в 1992–1994 гг., но не вылились в организованное массовое движение. Неизвестны автору и факты массовых или тем более систематических притеснений русского или русскоязычного населения Крыма со стороны Украины как до 1991 г., так и после.

Нельзя не отметить и того факта, что в сентябре 1991 г. в Косово и Метохии был проведен референдум, в котором приняло участие 87% от числа избирателей края (более 1 млн чел.). 99,87% из них проголосовали за независимость Косово¹¹. В Крыму в 1991 г. прошло целых два референдума: на первом, 20 января, 93,26% голосовавших высказались за воссоздание Крымской АССР, упраздненной в 1946 г., фактически в составе Украинской ССР. На втором референдуме, 1 декабря, 54% участников проголосовало за выход Украинской ССР из состава СССР.

¹⁰ В рамках данной статьи мы целенаправленно оставляем без внимания крымско-татарский вопрос, поскольку крымские татары не только не были инициаторами и участниками рассматриваемого сепаратистского движения, но и, как известно, в феврале–марте 2014 г. активно выступали против него.

¹¹ Ibid. Str. 218.

Результаты этих двух референдумов кроме того что сами по себе были противоречивы, имели еще и различные юридические интерпретации. На их основе 5 мая 1992 г. Верховный совет Крыма, как известно, принял Акт о провозглашении государственной самостоятельности Республики Крым¹² и на следующий день принял Конституцию, по которой Крым получил почти полную самостоятельность, но все-таки не вышел из состава Украины, добровольно делегируя ей часть полномочий, которые должны были быть прописаны в двустороннем договоре. В 1992 и 1995 гг. украинские власти дважды отменяли эту конституцию. Референдум по акту о государственной самостоятельности и по конституции проведен также не был, поэтому сложно сказать, насколько всеобщей была бы их поддержка в Крыму.

В любом случае кризис вокруг статуса Крыма 1992–1994 гг., окончательно завершившийся принятием Конституции 1998 г., был типологически близок к кризису, возникшему при заключении федеративных договоров РФ с Башкирией и Татарстаном в том же 1992 г.¹³, т.е. был реакцией на развал единого союзного государства. В Косово фактор распада СФРЮ, несомненно, также играл свою роль, но активная, насильственная часть кризиса в Ко-

сово началась за 10 лет до распада федерации и, более того, она сама стала одной из существенных причин этого распада.

В рамках первого различия следует обратить внимание также на степень и динамику изменения автономного статуса Крыма и Косово и Метохии. В феврале 1992 г. Верховная Рада Украины восстановила Крымскую АССР. До этого на протяжении 45 лет, в том числе в злополучном 1954 г., Крым был просто областью в составе РСФСР, а потом УССР. В Косово и Метохии всё развивалось ровно противоположным образом: в рамках СФРЮ их статус постоянно повышался вплоть до Конституции 1974 г., по которой край, формально оставаясь в составе Сербии, фактически по своим полномочиям был поднят на уровень союзной республики. Через 16 лет, по Конституции Сербии сентября 1990 г. статус края был понижен до территориальной автономии в составе Сербии. Это сопоставимо с тем, как если бы в 1991 г. Казахская ССР превратилась бы вновь в Казахскую АССР в составе РСФСР, какой была до 1936 г. Естественно, такое понижение статуса на фоне получения независимости союзными республиками СФРЮ стало дополнительной причиной эскалации албанского сепаратизма.

Не менее важно в этой связи, что в отличие от Крыма начиная по крайней мере с 1981 г.¹⁴ Косово

¹² <http://zakon4.rada.gov.ua/krym/show/gb0072002-92> (дата обращения: 15.04.2014).

¹³ В тот момент не было уверенности даже что эти республики войдут в состав РФ. См. например: *Хананова Г.* Подписан федеративный договор // *Коммерсантъ Власть*. № 114. 06.04.1992 г. [Электронный ресурс] // <http://www.kommersant.ru/doc/4014> (дата обращения: 15.04.2014).

¹⁴ Может быть, за исключением некоторой «паузы» в 1992–1995 гг., вызванной с одной стороны временным преобладанием движения мирного сопротивления Ибрагимы Руговы в самом Косово, а с другой стороны

постоянно было одной из ключевых проблем внутренней политики Сербии (не менее, чем Чечня во внутренней политике России в 1994–2002 гг.).

Второе различие тесно связано с первым и состоит в том, что сербским властям так и не удалось найти рецепта решения проблемы албанского сепаратизма как в рамках СФРЮ, так и после ее распада¹⁵. Несмотря на относительную эффективность применения силовых методов, в 1980–1990-е гг. по нарастающей шли процессы дезинтеграции албанского и сербского населения Косово и Метохии. Начиная с 1990 г., в крае сложилась параллельная система албанских институтов власти и образования, никак не связанная с Сербией, включая президента, правительство, парламент, силовые структуры, школы и даже высшее образование¹⁶. Фактически начиная с этого времени 82 % населения Косово и Метохии не признавало своей принадлежности к сербскому государству не только на словах, но и на деле. И если

отвлечением внимания Сербии на полномасштабные войны в Хорватии и Боснии и Герцеговине и преодолении тяжелейшего экономического кризиса и режима санкций. Подробнее см.: Вукоманович Д. Косовский кризис: управление этническим конфликтом (1981–1999) // Сербия о себе: Сборник. М., 2005. С. 161–200.

¹⁵ О современных подходах сербской политической элиты к проблеме Косово и Метохии см.: Šuvaković U. Izbori u Srbiji 2012. i stavovi o Kosovu i Metohiji // Politička revija. 2012. Vol. 11. Br. 3. Str. 1–29.

¹⁶ Из доклада Комиссии по правам человека ООН (25 октября 1996 г.) // Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. М., 2006. Т. 1 (1878–1997 гг.). С. 285–286.

в Чечне России удалось (по крайней мере, на текущий момент) решить проблему сепаратизма передачей властных полномочий лояльной части местной элиты, то в Косово, где ситуация была во многом сходна, местные элиты не шли на это по меньшей мере по двум причинам: из-за «гравитационной» силы соседней Албании, которая на протяжении всего XX в. открыто и активно поддерживала косовский сепаратизм, и слабости СРЮ перед лицом международного давления.

Еще одним свидетельством явной неудачи сербской политики в Косово был постоянный массовый отток сербского населения из края, что усиливало его этническую однородность и только подстегивало сепаратизм¹⁷.

Неспособность интегрировать албанское большинство края обуславливало опору Белграда на полицейские меры, что неизбежно вело к кровопролитию и притеснению мирного населения с обеих сторон на этнической почве. То есть тактически сербы до июня 1999 г. сохраняли контроль над Косово и Метохией, но они не имели эффективной стратегии долгосрочного умиротворения края. Это позволило США и ЕС, видевшим решение проблемы в поэтапном отделении Косово и его последующей реинтеграции как с Сербией, так и с Албанией в рамках ЕС, представить свой

¹⁷ Декларация Народной скупщины Сербии о правах человека и правах представителей национальных меньшинств (27 ноября 1992 г.) // Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии... С. 229.

вариант действий как безальтернативный, что вылилось в итоге в немотивированную военную агрессию НАТО против СРЮ в марте–июне 1999 г. и последующую оккупацию Косово и Метохии.

Третье принципиальное отличие косовского кризиса от крымского состоит в том, что он относительно рано, задолго до 1999 г., не говоря уже о 2008 г., стал объектом международных отношений. Его интернационализация произошла еще в рамках СФРЮ, когда в полицейских акциях и финансовом дотировании края приходилось участвовать всем союзным республикам, т. е. не позже начала 1980-х гг. косовский кризис перестал быть внутренним делом Сербии. После распада СФРЮ начиная с сентября 1992 г. в Косове и Метохии была развернута миссия СБСЕ, с 1993 г. ситуация в крае стала активно обсуждаться на уровне ООН. Позже в ее решение активно включилось НАТО. Именно активная вовлеченность международного сообщества в косовский кризис обусловила быстрое признание независимости Косово со стороны более чем 50 % стран – членов ООН.

В отличие от Косово или «горячих» конфликтных зон на территории бывшей СССР (Нагорный Карабах, Приднестровье и пр.), вопрос статуса Крыма никогда не выходил

за рамки двусторонних отношений Украины и России вплоть до марта 2014 г.

Наконец, четвертое отличие, лежащее на поверхности, заключается в сроках. От начала активной фазы косовского кризиса в марте 1981 г. до провозглашения независимости в феврале 2008 г. прошло 27 лет, из них 8,5 лет под международной оккупацией (с июня 1999 г.). От начала активной фазы крымского кризиса до провозглашения независимости и присоединения к России прошло три недели.

Таким образом, при сопоставлении с косовским кризисом в случае Крыма мы не видим: а) остроты проблемы, требующей столь радикального решения, как отделение; б) неспособности центральной власти поддерживать мир и порядок в регионе (несмотря на активную пропаганду в российских СМИ, факты, свидетельствующие об обратном, до сих пор не представлены); в) интернационализации крымского вопроса; г) продолжительного характера развития кризиса. Всё это, с нашей точки зрения, свидетельствует о принципиально различном характере этих двух прецедентов, объединяет которые только «творческое» отношение к международному праву со стороны заинтересованных мировых держав.

С. Е. Эрлих

МИФОМ МИФ ПОПРАВ, ИЛИ «ФОМЕ» ПРО ЕРЕМУ ДЕКАБРИЗМА

Безответное письмо в редакцию православного журнала

Уважаемая редакция, на страницах вашего журнала опубликована статья Ольги Елисеевой «Миф о декабристах, или Кое-что о русском бунте» (<http://www.foma.ru/mif-o-dekabristax-ili-koe-chto-o-russkom-bunte.html>). В подписи к публикации автор заявлен как «кандидат исторических наук». Тем самым читателям популярного издания сообщается, что приводимые факты и концепции соответствуют современным научным требованиям. Поскольку небольшая по объему статья изобилует искажениями свидетельств источников, мне бы хотелось попросить сомневающихся читателей «Фомы»: не торопитесь веровать в нелепости, сообщенные госпожой Елисеевой.

Точность — вежливость королей и историков. Неточности, которыми пестрит «Миф о декабристах», соответственным образом характеризуют не только профессиональный уровень автора, но и его отношение к своей аудитории.

Ошибка при написании инициала отчества («С.Г. Трубецкой») «хрестоматийного» декабриста Сергея Петровича Трубецкого — это мелочь, которая свидетельствует об ответственности перед читателями кандидата исторических наук Елисеевой.

Еще мелочь: «Поднял мятеж Черниговский полк под предводительством братьев Муравьевых». В популярной статье стоило бы уточнить, что под братьями в данном случае понимаются не Александр и Михаил Николаевичи Муравьевы, не Никита и Александр Михайловичи Муравьевы, а Матвей, Сергей, Ипполит Ивановичи Муравьевы-Апостолы. Кроме высокомерного отношения к читателям эта фраза содержит и фактическую неточность: ни царские следователи, ни советские исследователи никогда не относили к «предводителям» мятежа Черниговского полка отставного подполковника Матвея и тем более прапорщика Ипполита. Если

у исследователя Елисейевой появились сведения о руководящей роли старшего и младшего братьев Муравьевых-Апостолов в деле, несобственно кончиться удачей, то об этом следовало бы сообщить. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с примером небрежного обращения с фактами истории и нашим великим, могучим и точным языком.

Следующая мелочь — это биографическое открытие автора: «Полина Гебль поехала в Сибирь, оставив на руках у той самой бабушки — ни дать ни взять Салтычихи — двух детей, рожденных вне брака». В своих мемуарах Полина-Прасковья пишет об одной девочке, рожденной ею до отъезда в Сибирь (*Анненкова П.* Воспоминания. М., 2003. С. 50). Если развратная французская модистка скрыла от публики, что «нагуляла» (а как еще сказать, если «вне брака»?) не одного, а двух детей, то эксперту по декабристам следовало бы привести источник своего открытия.

Очередная мелочь: «Так, А.И. Якубович обещал застрелить великого князя Николая Павловича, а В.К. Кюхельбекер — Михаила Павловича». В резюмирующей части следственного дела Якубовича приводится обращенный к нему вопрос следствия: «Полковник Булатов, князь Трубецкой и Рылеев показывают, что <...> вы говорили, что для успеха в предприятии общества надобно убить ныне Царствующего Государя и предлагали бросить жеребей, кому придется исполнить сие; но прибавили, что вы за сие не беретесь, ибо имеете доброе сердце и <...> хладнокровным убий-

цей быть не можете». Таким образом, заговорщики свидетельствуют, что Якубович был подстрекателем к убийству Николая Павловича (сам он этот факт отрицал), но вовсе не «обещал застрелить» нового императора (Восстание декабристов. М.-Л., 1926. Т. II. С. 304). Кюхельбекер действительно целился и пытался произвести выстрел из отсыревшего пистолета не только в Михаила Павловича, но и в командира Гвардейского корпуса А.Л. Воинова. Но кто из заговорщиков мог брать с полуслеплого Кюхли обещание «застрелить»? В документах следствия преступные деяния поэта-декабриста расцениваются, как его личная инициатива, хотя сам Вильгельм Карлович пытался «валить» на однокашника по Лицею И.И. Пущина (Восстание декабристов. М.-Л., 1926. Т. II. С. 199). Если госпожа Елисейева нашла данные, опровергающие принятые представления по тщательно рассмотренному следствием вопросу цареубийства, то и об этом открытии следовало сообщить.

Утверждение об истинной причине отъезда декабриста Н.И. Тургенева за границу (1824 г.) к мелким неточностям не отнесешь: «Мастер высокого посвящения. Человек, которого Александр I побоялся арестовать дома, просто написав ему: “Брат мой, покиньте Россию”». Согласно такой трактовке выходит, что влияние хромомого Тургенева в масонском интернационале было столь велико, что масон несопоставимо более низкого ранга Александр Павлович посмел только смиренно просить «брата»-заговорщика уехать в Карлсбад «на воды» под предлогом длительного

лечения. Но, видимо, «властитель слабый» одной шестой суши вскорее после этого получил депешу из лондонского обкома с приказом вновь допустить масона-карбонария Тургенева к рычагам управления страной в составе ZOG (Zionist Occupation Government) русских марионеток, которых за ниточки дергал жидомасон Ротшильд. В противном случае невозможно объяснить письмо от 29 марта 1825 г., адресованное министром финансов Е. Ф. Канкриным давно разоблаченному царскими чекистами заговорицу Тургеневу. В этом письме с «высочайшего соизволения» делалось предложение, от которого другой, не столь влиятельный, как Николай Иванович, мастер масонского стула никогда не смог бы отказаться: «Предлагаю вам, с высочайшего соизволения, управление Департаментом Мануфактуры и внутренней торговли Министерства финансов, с тем, чтобы вы оставались и при Государственном Совете» (*Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001. С. 676*). Думаю, что не только я, но и всё историческое сообщество будет весьма признательно, если кандидат исторических наук укажет источник обнаруженной им сакраментальной фразы: «Брат мой, покиньте Россию», — переворачивающей современные представления об этикете, принятом в отношениях императора Александра Павловича со своими подданными.

Все эти отнюдь не приятные мелочи используются автором для создания очерняющего фона коллективного портрета святых героев интеллигенции. Для решения этой выходящей за пределы науки задачи

не было необходимости прибегать к упомянутым искажениям фактов. Найти в поведении декабристов примеры поступков, вступающих в противоречие с тогдашней дворянской и тем более с нашей сегодняшней моралью — не проблема. Но для этого надо работать с источниками, а не с конспирологической литературой. Обилие немотивированных «ляпов» свидетельствует о профессиональном уровне историка Елисейевой.

Далее начинается большая ложь во имя великой правды. Для доказательства подспудной концепции: верховная власть — единственная созидательная сила русской истории, которой постоянно мешала прозападная интеллигенция, — автор переходит к опровержению устоявшихся представлений о социальных планах декабристов и социальной политике императора Николая I.

Кандидат исторических наук Елисейева заявляет: «Что же до крепостного права, то, во-первых, не все декабристы хотели его отменять (П. И. Пестель, например, очень сомневался)». Этим утверждением делается заявка на открытие, перечеркивающее всю имеющуюся историографию. До сих пор исследователи характеризовали взгляды одного из ведущих теоретиков революционного дворянства, исходя из текста «Русской правды», в которой недвусмысленно написано: «освобождение Крестьян от Рабства». Причем это освобождение должно было соблюсти баланс интересов дворянских волков и крестьянских овечек: «Не должно лишить Дворян

дохода ими от Поместий своих получаемых»; «Освобождение сие должно Крестьянам доставить лутчее положение противу теперешнего; а не мнимую свободу им даровать» (Восстание декабристов. М., 1958. Т. VII. С. 174). Может, исследователь обнаружил источники, согласно которым Пестель отказался от одного из главных положений «Русской правды»? Тогда о таком важном для понимания идейной эволюции вождя южан открытии умалчивать просто преступно. Также не стоило утаивать имена других крепостнически настроенных декабристов. До сих пор считалось, что вопрос отмены крепостного права был одним из немногих, в котором заговорщики, сильно разнящиеся своими планами, сходились между собой.

Пестелю-крепостнику противопоставляется аболиционист Николай Павлович:

«Ни один кабинет не сделал для прощания России с “вековечным злом” столько, сколько правительство Николая I. <...> 20 миллионов человек — бывших государственных крестьян, ставших свободными задолго до реформы 1861 г. Немало. Но о них нам почему-то не рассказывали». Не рассказывали, потому что государственные крестьяне изначально, т.е. со времен учредившего это сословие Петра I, рассматривались законом как «свободные сельские обыватели» (Сельские обыватели // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. См.: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/92495/%D0%A1%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B8

Д0%B5). Кроме того, «бывшими» государственными крестьянами они «задолго» до освобождения помещичьих крестьян в 1861 г. именоваться не могли. Ведь закон «О поземельном устройстве государственных крестьян» был принят только в 1866 г. Можно предполагать, что под «освобождением» подразумеваются реформы управления государственными крестьянами 1837–1841 гг., осуществленные под руководством П.Д. Киселева. В популярной статье об этом следовало сказать. Круглое число «20 миллионов человек» также требует уточнения: по ревизии 1858 г. насчитывалось примерно 9 млн 345 тыс. государственных крестьян «мужеского полу». Видимо, автор экстраполировал исходя из того, что «на десять девчонок по статистике девять ребят». По поводу «освободительных» преобразований либерального сатрапа следовало бы упомянуть и о том, что мелочная опека, предусмотренная этими реформами, рассматривалась самими крестьянами в противоположном освобождению смысле.

Доказав путем столь вольной интерпретации источников свой тезис о декабристах-крепостниках и Николае-освободителе, историк Елисеева переходит к разоблачению творцов лживого декабристского мифа.

Злонамеренными были не только мятежники 14 декабря, но и мифотворцы Герцен и Огарев с напрочь «отбитым духовным обонянием». Вместо того, чтобы проникнуться всей душой «сакральным действием» самодержавия, они с другого берега

фальшиво зазвонили в антицарь-«Колокол», представляя богоподобный лик государя «чудовищем» Медузы-Горгоны. Их советские последователи ради пропаганды ложного подвига декабристов также не останавливались перед передергиванием данных исторических источников. Один из таких фальсификаторов – Н.Я. Эйдельман: «Эйдельман привел якобы слова А.Х. Бенкендорфа, который, наблюдая за казнью, склонил голову к гриве лошади и прошептал: “Ни в одной другой стране...” На самом деле фраза принадлежала М.С. Воронцову: “Ни в одной другой стране дело пятью виселицами бы не ограничилось”. Видите, как легко придать цитате иной смысл, если оборвать ее в нужном месте?»

В защиту покойного историка надо отметить, что он приводит «якобы слова» Бенкендорфа со ссылкой на декабриста Нарышкина: «Сообщает столь необыкновенную подробность (неизвестно от кого узнанную), что кажется, это и есть правда» (*Эйдельман Н.Я. Апостол Сергей. Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле. М., 1975. С. 378*). Мы видим, что Эйдельману хочется, чтобы эта «подробность» была правдой. Тем не менее, как истинный профессионал, он делает оговорку по поводу достоверности источника: «неизвестно от кого узнанную», «кажется». И правильно, что «кажется». Так как слова М.М. Нарышкина племянник М.С. Лунина С.Ф. Уваров записал в 1859–1860 гг. То есть свидетельство позднее и через третьи руки (сам Нарышкин при повешении не присутствовал): «Тот, кто присутствовал при казни,

пришел в слезах рассказать о ней заключенным. <...> Бенкендорф, видя, что принимаются снова вешать этих несчастных, которых случай, казалось, должен был освободить, воскликнул: “Во всякой другой стране...” и оборвал на полуслове» (Из дневника С.Ф. Уварова // Лунина М.С. Письма из Сибири. М., 1987. С. 295). Мы видим, что, вопреки обвинениям Ольги Елисеевой, Н.Я. Эйдельман преподал прекрасный урок, согласно которому идеологические пристрастия не отменяют профессионального отношения к источникам.

Локальная шутка города 14 декабря: «Жители Петроградской стороны ходят по Большому и по Малому» – может быть использована для характеристики движения автора по тротуару Невского проспекта русской истории. Ряд мелких «ляпов» статьи никак не работает на авторскую концепцию, согласно которой декабристы были «мальчишами-плохишами», которых не строго, но справедливо наказал «мальчиш-кибальчиш» Николай Павлович. Обилие немотивированной лжи «по Малому» свидетельствует о способности историка Елисеевой быть экспертом в истории декабристов. Ко второму ряду относится ложь «по Большому» во имя высоких идейных целей. На мой взгляд, концепцию: «Правительство – единственный европеец (евразиец?)», – можно было обосновать без столь чудовищных передергиваний. Но для этого надо быть профессионалом.

Тема совместимости политических взглядов и научного профессионализма сейчас активно обсуждается

в историческом сообществе. Полагаю, что можно быть коммунистом, либералом, сторонником уваровской «триады» и т.д., но при этом корректно работать с источниками. Непрофессионализм не может находить оправдания в исповедании «правильной» идеологии. Особенно неуместно выглядит, на мой взгляд, ложь во самодержавное спа-

сение на страницах журнала, призывающего следовать заповедям Нагорной проповеди. Замена мифа о святых рыцарях-декабристах мифом о святом самодержце, изгнавшем революционных бесов во ад сибирских руд, если и ведет к храму, то только к оскверненному фарисеями. Невозможно приблизиться ко Христу, удаляясь от истины.

А. В. Голубев

ДВЕ СТОРОНЫ LAP LAMBERT ACADEMIC PUBLISHING: НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СОБЛАЗНАХ И ПОСЛЕДСТВИЯХ ЛЕГКОЙ НАУЧНОЙ ПУБЛИКАЦИИ

Производство научных текстов в последние несколько десятилетий превратилось в выгодную коммерческую деятельность. Количественный рост университетов и исследовательских институтов и общемировое стремление к наукометрии, где печатный текст является основным критерием успешности, сформировали крупный и прибыльный рынок. Разумеется, коммерческие издатели на рынке научных публикаций — явление не новое, однако именно в последнее время крупные издательства, такие как голландский Elsevier или британский Taylor & Francis, в массовом порядке переманили под свое крыло ведущие научные журналы. Можно спорить о плюсах и минусах данного процесса — с одной стороны, эти издатели получают прибыль, используя безвозмездный труд авторов и рецензентов; с другой стороны, их прибыль основана на репутации их журналов, и издатели кровно заинтересованы в том, чтобы публикуемые ими тексты отражали ведущие тенденции и результаты в своих областях. Другое любопытное явление, связанное с коммерциализацией

производства научных текстов — появление так называемых «издательств по требованию». В отличие от традиционных издателей, они получают прибыль от продажи не нескольких сотен или тысяч, а уже буквально нескольких экземпляров каждой публикуемой книги. Самым известным из них в России является LAP Lambert Academic Publishing, проводящий активную, если не сказать агрессивную, маркетинговую политику в российском научном сообществе. В данном тексте я и хотел бы поговорить о специфике данного вида публикаций на примере издательства LAP Lambert Academic Publishing.

Самыми привлекательными аспектами работы с издательствами, подобными LAP, является простота, скорость и отсутствие необходимости собственных финансовых вложений. Их представители, как правило, сами выходят на потенциальных авторов с предложением опубликовать в их издательстве в форме монографии либо диссертационное исследование, либо переработанную статью. От согласия

до публикации проходит примерно два месяца. Все опубликованные издания получают ISBN. LAP базируется в Германии, поэтому опубликованная монография автоматически получает статус международной, что особенно полезно для отчетов. Книги, опубликованные в LAP, можно приобрести через интернет-магазины как в России, так и за рубежом. Иными словами, выгоды, которые сулит данный формат академической печати, кажутся очень привлекательными. Не случайно на сайтах российских университетов всё чаще и чаще можно встретить поздравления сотрудникам, опубликовавшим монографию (иногда не первую) «в одном из ведущих мировых издательств LAP Lambert Academic Publishing».

LAP, впрочем, едва ли можно назвать «ведущим мировым издательством». Специфика его деятельности заключается в том, что в отличие от традиционных издателей, LAP получает прибыль на продаже не нескольких сотен или тысяч, а уже буквально нескольких экземпляров каждой публикуемой книги. Получается это у него за счет абсолютной минимизации всех расходов. Во-первых, издательство никак не работает с рукописью. После подписания контракта автору присылается ссылка с доступом к онлайн-системе макетирования, куда нужно загрузить рукопись и выбрать оформление обложки. Ни редактора, ни корректора издатель не предоставляет, и все ошибки и опечатки, допущенные в тексте, окажутся в опубликованной книге. Так, в нескольких изданиях LAP можно найти опечатки и стилисти-

ческие ошибки уже в названии книги, не говоря про основной текст. Отсутствие института рецензирования приводит к тому, что LAP публикует фактически все присланные тексты, включая бакалаврские и магистерские работы и компиляции статей из Wikipedia. Иными словами, издатель не гарантирует качество своих публикаций — ни содержательно, ни в плане оформления — и о какой-то репутации на международном уровне в случае LAP говорить не приходится. Хорошие тексты просто теряются среди массы работ, опубликованных ради галочки в отчете или из тщеславия. Если у этого издателя и есть репутация, то сугубо отрицательная.

Второй аспект, связанный с минимизацией расходов в LAP, заключается в том, что все книги публикуются тиражом один экземпляр — тот, который присылается автору — а остальные экземпляры печатаются по ходу поступления заказов. Несмотря на то что издатель позиционирует себя как академическое издательство, о распространении научного знания в его случае речи не идет. Если автор хочет, чтобы опубликованная монография была в университетской библиотеке, в РНБ и РГБ, а также в других местах, куда обычные издательства автоматически рассылают свою продукцию, каждый экземпляр нужно покупать за сумму от 60 до 120 евро и рассылать за свой счет. Отсутствие «лишних» копий приводит и к тому, что опубликованные в LAP работы исключены и из международной циркуляции знания. Простой эксперимент. Существует сводный каталог мировых библиотек:

www.worldcat.org. Если поискать в нем книги, выпущенные, например, издательством Петрозаводского государственного университета, то выясняется, что в библиотеках Северной Америки есть по несколько экземпляров даже тех книг, которые были опубликованы тиражом 100 экземпляров. Через североамериканский МБА исследователь из любого канадского или американского университета может получить любую из этих книг в течение недели-двух. Излишне говорить, что публикации LAP, если автор не вложит сотни евро в их приобретение и рассылку, априори исключены как из российской, так и из международной системы научного знания. Более того, если в какой-то момент LAP решит выйти из бизнеса, то во всем мире останется только один экземпляр — тот, который на руках у автора.

Не секрет, что российское гуманитарное знание провинциализировано даже в той сфере, где оно

должно быть на переднем крае науки — т. е. в исследованиях о России. Деятельность издательств, подобных LAP (а это не единственный игрок на поле бизнеса print on demand в академической среде) лишь усугубляет провинциализацию российского знания, поскольку в основной своей массе их продукция — это публикации с минимальной читательской аудиторией. Но, как всегда, это двухсторонний процесс, поскольку не бывает предложения без спроса. Деятельность LAP успешна, поскольку в российской научной среде, к сожалению, до сих пор доминирует погоня за количественными показателями в ущерб качественным. Представляется, что в данном случае сдвиг в положительную сторону как раз и может обеспечить профессиональное сообщество, если ему будет известно не только о соблазнах, но и последствиях легкой и быстрой научной публикации в издательствах, работающих по модели print on demand.

В. В. Тихонов

Рецензия: *Копосов Н. Е.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.

В современной исторической науке традиционные историографические исследования постепенно оказываются на периферии исследовательского интереса. Это связано как с направлением внутри дисциплинарного развития, так и с социокультурным контекстом эпохи. «Войны памяти», «мемориальный закон», «историческая политика», «историческая культура» — эти термины заполнили статьи, монографии и интернет-ресурсы, отодвинув в тень традиционный историографический понятийный аппарат. Учитывая всё это, появление книги, специально посвященной современной исторической политике, — явление закономерное и ожидаемое. Более того, в 2011 г. в свет вышла целая серия изданий, касающихся исторической политики в России и за ее пределами. Очевидно, что это не случайно и связано с активизацией «войн памяти» на постсоветском пространстве, а также усилий действующей российской власти в генерации мемориальных законов и их продвижении в общественно-политические сферы.

Именно мемориальные законы становятся одной из ключевых про-

блем в разбираемой монографии Н. Е. Копосова «Память строгого режима. История и политика в России» (М., 2011). Сразу заметим, что книга написана с ярко выраженных либеральных позиций, которые и оказываются главным мерилем сущности проводящейся исторической политики.

Историческую политику «путинской» России («нового режима») автор пытается рассматривать как систему, хотя и признает ее противоречивость и разнородность. Несмотря на это, Н. Копосов пытается вписать в мировой контекст явления, наблюдающиеся внутри нашей страны в области оценок прошлого. В основе современного внимания к прошлому, по точному наблюдению автора, лежит процесс демократизации, приведший к атомизации общественной структуры. Следствием этого стало появление различных версий истории, сформулированных в зависимости от исторического опыта и социально-политических целей различных групп. Масла в огонь подлил очередной кризис исторической науки, пришедшийся на 1970–80-е гг. Он характеризовался кризисом «больших нарративов»,

распавшихся на множество микроисторий, сомнением в познаваемости прошлого, и, наконец, появлением на ниве исторических исследований многочисленных историков-непрофессионалов. На этом фоне происходит новый, глобальный по своим масштабам виток присвоения истории.

Любопытно наблюдение автора о причинах особой интенсивности «национализации прошлого» в результате «неолиберального поворота», произошедшего как раз в эти годы: «Напряжение между поиском “приемлемого прошлого”, которое может быть основой позитивной национальной идентичности, и невозможностью пренебречь памятью жертв в значительной мере определяет характер исторической политики в современных демократических обществах» (с. 60). Очевидно, в данном случае автор пока касается только стран Европы. Но как быть с посткоммунистическими режимами Средней Азии, где наблюдаются схожие процессы, но о «неолиберальной революции» если и можно говорить, то только с большими оговорками? Россия вписывается в концепцию «неолиберального поворота» или нет? К сожалению, Н. Копосов выдвигает положение, но не прорабатывает его тщательно, оставляя читателя с его сомнениями.

В объяснении современности исследователь не забывает и отечественных традиций исторической политики. Вторая глава называется «Историческое сознание советского общества». Правда, название явно не соответствует содержанию.

Вместо сознания общества предлагается краткий обзор исторической политики советского руководства. Можно, конечно же, априори, в лучших традициях тоталитарной теории (приверженцем которой Н. Копосов себя позиционирует, хотя и очень осторожно и с оговорками), поставить знак равенства между официозом и общественными представлениями, но очевидно, что реальность была куда сложнее. Иногда проскальзывают строки о существовании «скептического дискурса» в отношении официальной истории, но всё это остается без подробностей. Впрочем, в какой-то мере этот упрек автору не вполне уместен. Приходится констатировать, что массовое историческое сознание советского человека изучено мало и продолжает оставаться актуальным объектом исследования.

Основное внимание в монографии уделено современным российским реалиям. До сих пор дискуссионным остается вопрос о причинах поворота государства к активной исторической политике и, шире, к активизации войн памяти в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. Так, Н. Копосов основную вину возлагает на руководство России: «...Мне кажется, что становление режима “суверенной демократии” в России, с его антизападной риторикой и имперскими амбициями, стало главным системным фактором изменения ситуации с исторической памятью в регионе и главной причиной войн памяти» (с. 229). Впрочем, Н. Копосов признает влияние активности других стран в области исторической политики на радикализацию процесса

в России. Необходимо подчеркнуть, что реализация проектов по исторической политике в России явно отставала от соседей. Представляется, что в данном вопросе ближе к истине А. И. Миллер: «Это (активизация исторической политики. — В. Т.) происходило не только в качестве реакции на активизацию исторической политики в соседних странах, но и в прямой связи с эскалацией напряженности в отношениях с Западом, прежде всего США и “новой” Европой»¹.

Но всё это вопросы дискуссионные. Гораздо больше в книге Н. Копосова смущает другое. Значительные разделы посвящены общественному мнению о тех или иных событиях отечественной истории. Здесь автор опирается на ряд опросов, проведенных при его участии в трех городах: Ленинграде (Санкт-Петербурге), Казани и Ульяновске. Причем опросы в Ленинграде/Петербурге проводились в 1990 и 2007 гг., а в двух других городах — только в 2007 г. В книге указывается, что автор опирался и на другие данные: полученные ВЦИОМ, реализованные благодаря проекту 1995 г. «Молодежь и история» и некоторые другие. Но как только дело дошло до анализа, автор почему-то использовал только данные своего опроса. Получилась довольно аляповатая картина, когда опрос ленинградцев 1990 г. сравнивается с опросом 2007 г. в трех российских городах. Такой подход объективно ставит построения автора под сомнение.

Между тем выявление контекста реализации исторической политики — едва ли не ключевая задача таких исследований. В условиях публичного пространства любой режим должен опираться на узнаваемые символы и учитывать общественные настроения. Кроме того, нередко идеологические сигналы, идущие сверху, преломляются внизу самым причудливым образом. Это требует опоры на представительную базу опросов общественных настроений, чего в работе Копосова явно недостает.

Недооценка контекста, возможно, сознательная, приводит автора к однозначным выводам, что такие элементы современного исторического сознания как, например, нормализация и даже некоторая идеализация советского прошлого — дело рук исключительно режима. Во всяком случае, именно такое ощущение возникает при чтении главы 4 «Историческая политика и массовое сознание при Путине». Не имея (впрочем, как и другие специалисты) отчетливых данных о процессе выработки исторической политики, Копосов заполняет информационные пустоты такими, например, пассажами: «...У многих сложилось впечатление, что новый режим лишь поневоле удерживает реабилитацию Сталина в некоторых рамках, а на самом деле восхищается им» (с. 149). Кто эти многие — неясно. Но буквально через несколько страниц автор делает очень верное наблюдение: «Новый режим искал опору в национальной традиции. Но он претендовал на то, чтобы считаться демократическим, и поэтому не мог однозначно

¹ Миллер А. И. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI в.. М., 2011. С. 333.

положительно оценивать террор и коммунистическое мессианство. Он попытался перенести акцент на роль государства, модернизации и геополитические интересы страны. Однако это вело к усреднению, банализации трагической истории» (с. 163). В центре современной исторической политики Копосов совершенно справедливо ставит миф о Великой Отечественной войне.

Нельзя было обойти в книге и современную историческую науку. Здесь суждения автора резки и безапелляционны. Копосов зачем-то противопоставляет историков, вовлеченных в международные структуры, и историков национально ориентированных. Такое разделение, безусловно, есть, но является вполне нормальным и даже типичным в мировой практике. Всё же Копосов с явным пренебрежением пишет о местных «домоседах»: «Правда, изоляция от западной науки не всегда означает низкий профессиональный уровень. Она не мешает писать добротные фактологические труды, но часто связана с консерватизмом в проблематике и методах исследования» (с. 197). Короче, не получившие авторитетный зарубежный грант должны смириться со своей заурядностью.

Не меньше язвительных реплик можно найти и в адрес «идеологии профессионализма», т. е., в определении Копосова, стремления историка дистанцироваться от злобы дня и добросовестно разрабатывать свой участок истории, зачастую избегая концептуализации. В какой-то степени такие упреки верны. Абсо-

лютное большинство предпочитает избегать публичного пространства, чувствуя себя в нем крайне неуверенно. В то же время приходится признать, что роль публичных интеллектуалов под силу и по вкусу не самой многочисленной части ученых, а «идеология профессионализма» — оправданная позиция, поскольку позволяет минимизировать конъюнктуру. Тем более, что упрек в отказе от концептуализации и теоретизирования явно не относится ко всему сообществу историков. Чистые фактографы явление такое же редкое, как и чистые теоретики.

Наиболее сомнительными частями книги выглядят разделы, касающиеся конкретных проблем отечественной истории и методологии ее изучения. Собственно, это во многом уже выходит за пределы изучения исторической политики. Порой на паре-тройке страниц автор «решает» самые сложные вопросы советской истории: сущность советского строя, роль СССР во Второй мировой войне и т. д. Предпочтение отдается самым радикальным теориям об ответственности СССР за развязывание войны в стиле В. Суворова. В праве на такую точку зрения Копосову отказывать нельзя, но всё же данные страницы явно не к месту и демонстрируют только симпатии автора, явно ангажированные. А заезавшиися противники тоталитарной теории (к коим можно отнести не только социальных историков-ревизионистов, но и многих представителей нового поколения историков, которые посматривают на тоталитарную теорию скорее как на отработанный материал) тут же подвергаются

политическому остракизму, и исследователь помещает их рядом с А. В. Филипповым, назвавшем Сталина «эффективным менеджером». «Отечественные противники теории тоталитаризма пытаются защитить память одного из тоталитарных режимов» (с. 217), — сваливая всех в кучу, утверждает автор.

Выступает Копосов и против распространённого в научной среде мнения, что историк «должен понимать, а не судить», к чему, например, призывал ещё М. Блок². «Но как можно воспитывать, не высказывая суждения? Отвергая морализаторство и идеологизацию истории, большинство коллег не видят ни возможности, ни необходимости использовать опыт прошлого для более серьёзной моральной рефлексии...» — констатирует автор (с. 207). С отсутствием четкой морально-этической позиции в преподавании истории Копосов связывает современный моральный релятивизм студентов.

Мне представляется, что нравственный компонент в осмыслении истории — всё же задача школьного образования, а не вузовского, которое готовит студента к критическому восприятию реальности. К тому же, учитывая либеральную позицию автора, совершенно очевидно, что для него мораль — это те ценности, которых он придерживается. Но ценности эти, приходится констатировать, отнюдь не универсальны, во всяком случае пока. Что для Копосова морально, для другого че-

ловека может оказаться аморально. Каждый преподаватель имеет право на оценку события или явления со своей моральной точки зрения, но точно так же каждый имеет право остаться на позиции «понимать, а не судить».

Последняя, 6 глава «Проекты российского мемориального закона», пожалуй, самая эмоциональная. Эмоциональности добавляет и вовлечённость самого автора и членов его семьи в скандалы, возникшие в результате процесса подготовки и обсуждения мемориального закона. Автор явно не совладал с эмоциями.

Итак, книга Копосова написана нарочито провокационно. В этом и основа ее целостности, в первую очередь идеологической. Но несмотря на то что она вызвала заметный интерес в научных кругах, трудно сказать, насколько она окажет влияние на развитие исследований исторической политики в России. В книге есть интересные наблюдения и выводы, но много спорных заявлений и немало натяжек. Автор не сумел, а может и не стремился, минимизировать «парадокс К. Манхейма», заключающийся в том, что изучение идеологии проводится с неизбежной идеологизированностью. Разбираемая монография — это прекрасный пример того, как книга об исторической политике сама оказывается частью исторической политики.

Исследование Копосова ставит множество методологических вопросов: что такое историческая политика, как определить ее эффективность

² Блок М. Апология истории. 2-е изд. М., 1986. С. 79–82.

и влияние на массы, можно ли классифицировать ее вариации, возможен ли сравнительный анализ ее реализации в разных странах и т. д. Главным из них является проблема деконструкции исторических мифов, создаваемых исторической политикой. Методика, предложенная Колосовым, и заключающаяся, по сути, в противопоставлении

патриотической версии истории либеральной — явно малоэффективна. Пока идет процесс институционализации направления, накопление фактического материала и исследовательского опыта. Но без решения этих вопросов изучение исторической политики рискует превратиться не в экспертное знание, а в публицистику.

В. В. Долгов

УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: ЛИКБЕЗ ДЛЯ УКРАИНЦЕВ

Рецензия на книгу: *Галушко К.* Украинский национализм: ликбез для русских, или Кто и за чем придумал Украину. Київ: Темпора, 2010. 632 с., ил.

Осложнение отношений с Украиной в очередной раз подтвердило истину, афористично сформулированную академиком М. Н. Покровским: «История — это политика, опрокинутая в прошлое».

В связи с пресловутой борьбой за «древнерусское наследие» всплывают старые, казалось, давно завершенные научные споры. Отжив свое в качестве научных теорий, старые заблуждения восстают из могил в качестве «бойцов идеологического фронта».

Пример такого «воскрешения из мертвых» дает книга Кирилла Галушко «Украинский национализм: ликбез для русских, или Кто и за чем придумал Украину» (Київ: Темпора, 2010). Книга, позиционируемая как научно-популярное разъяснение сложных проблем генезиса украинского и русского народов, на деле оказывается не столько научно-популярной, сколько популяр-

но-идеологической, апеллирующей не столько к «цифрам и фактам», сколько к эмоциям. Причем эмоциям не только и не столько гипотетического русского читателя, чью безграмотность, если верить названию, автор прежде всего имел в виду ликвидировать. А к эмоциям украинского националиста, нуждающегося в дежурном наборе «исторических знаний» для укрепления своих позиций. Не Кирилл Галушко придумал большую часть исторических мифов, о которых говорится на страницах его произведения. Но книга представляет собой их систематизированный сборник, приспособленный для нужд идеологической войны.

В принципе, справедливости ради нужно сказать, что книга у киевского историка получилась весьма интересной, а местами и полезной. Написана она, без сомнения, талантливо. Безусловно положительной стороной книги следует считать опровержение наиболее

одиозных «конструктов», порожденных украинской националистической историографией. Автор справедливо и весьма профессионально громит мифы о «древних украх», населявших-де территорию Украины чуть не с неандертальских времен. Но расправившись с этими «соломенными чучелами», К. Галушко берет за темы, в которых он с не меньшим профессионализмом начинает «подгибать» реальность с целью, далекой от науки.

Как пропагандистский прием такой ход совершенно понятен. Читатель, вдохновившись ниспровержением неуклюжей и неправдоподобной ерунды, проникается особым доверием к автору и дальше должен полностью поддаться его гипнозу. Без этого поверить, что русские имеют весьма отдаленное отношение к Руси было бы, конечно, нелегко. Галушко выстраивает серию больших и малых мистификаций.

Итак, о чем же пишет киевский историк?

Миф первый: исторически «настоящая» Русь – только территория Среднего Поднепровья. Остальные «руси» – «липовые».

На самом деле, наука уже давно выработала вполне взвешенный взгляд на историю формирования древнерусского государства и древнерусской народности.

Вкратце его можно представить следующим образом: Северо-Восток, ставший центром формирования единого русского государства изначально был культурной и эт-

нической периферией. Колонизация его начинается довольно рано, но до середины XII в. он не играл существенной роли в политической жизни русских земель. Для жителей периферии южные земли являлись метрополией, «Русской Землей» в «узком смысле слова». При этом «Русь» в широком смысле охватывала все территории, где говорили на славянских языках, распространялась власть рода Рюриковичей и митрополита киевского и вся Русь.

Отсюда выражения о поездках «на Русь» в текстах северного и северо-восточного происхождения. На эти последние случаи К. Галушко обращает особое внимание. Поскольку они полностью укладываются в его задачу: отделить «настоящие Руси» от «липовых». Всё выстраивается для него как нельзя лучше: Киевская, Черниговская и Переяславская земли, входящие в состав современной Украины – это «настоящие», а все остальные – «липовые». Они стали Русью уже потом, присвоили себе это название, а то и вовсе являются выдумкой «російських» ученых¹. Все случаи «широкого» значения полностью игнорируются.

В данном случае мы имеем дело с классической полуправдой. К. Галушко очевидно (и не без основания) надеется, что его неискушенный в истории читатель не станет

¹ Кстати, весьма занимательная особенность: русское слово «русский» пользуется у пишущих на русском языке националистически настроенных украинских ученых особой нелюбовью. Слишком откровенно выпирает этот раздражающий корень «рус».

брать в руки летописи и проверять его хитрое «плетение словес». Между тем, стоит только открыть «Повесть временных лет», как первые же географические координаты «русской земли» полностью разрушают его построения:

«И избрашася трие брата с роды своими, и пояша по собе всю русь, и придоша къ словеномъ первее. И срубиша город Ладогу. И седе старейший в Ладозе Рюрикъ, а другой, Синеусъ на Беле озере, а третей Труворъ въ Изборьске. И от техъ варягъ прозвася Руская земля»².

Вообще летописец был более всего озабочен именно тем, чтобы объяснить нам, потомкам, что именно представляла из себя современная ему Русь. Поэтому определения Руси он дает несколько раз, используя все доступные способы объяснения. Русь для него и территория, и языковая общность.

Вот что пишет Кирилл Галушко в начале XXI в.: «Русь находилась в очень конкретном месте — в Киеве, а если уж не в Киеве — то в Среднем Поднепровье, а если не в нем, то в “Южной Руси”. И нигде больше!»

А вот что земляк Кирилла Галушко, автор «Повести временных лет» в начале XII: «Се бо токмо словенескъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, новгородци, полочане, дръговичи, северо, бужане, зане седять по Бугу, после же же вольняне»³.

Как видим, в качестве русских племен летописец в начале XII в. называет полян, древлян, новгородцев, полочан, дреговичей, северян и бужан. Причем под «новгородцами» в ПВЛ понимаются словене и кривичи (потомки полочан по мнению всё того же летописца⁴), как видно из истории призвания Рюрика⁵.

При этом летописец очень четко отделяет славяноязычные народы от неславянских, платящих Руси дань и совершенно чужих.

Миф второй: «никакого древнерусского языка не существовало».

Не довольствуясь дискредитацией источников в деле отделения «настоящей» Руси от «липовых», Кирилл Галушко пытается дискредитировать инструменты научного анализа.

Так, он пытается дезавуировать понятие «восточные славяне». По его мнению, таких народов не существует, это лишь «политический заказ» и «искусственное разделение», выгодное, понятное дело, России. Вывод тоже полностью укладывается в пропагандистский замысел книги. Если же посмотреть непредвзято, то без ответа остаются два вопроса. Во-первых, для каких целей английским, например, лингвистам нужно группировать эти языки именно таким образом? Неужели русские агенты подкупили лингвистов в мировом масштабе, чтобы «навязаться в родню» украинцам?

² ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. Стб. 20.

³ Там же. Стб. 11.

⁴ Там же. Стб. 10.

⁵ Там же. Стб. 19–20.

Во-вторых, как может выглядеть «не искусственное» разделение языков? Научные классификации на деревьях не растут. Они в любом случае являются научной абстракцией, искусственной по своей сути.

В отличие от Кирилла Галушко, летописец уделяет большое внимание идее славянского единства и утверждению идеи, что Русь глубоко укоренена в этом единстве, несмотря на племенную разобщенность: «А словенескъ языкъ и рускый одинъ. От варягъ бо прозвашася Русью, а первое беша словене; аще и поляне звахуся, но словеньская речъ бе. Полянми же прозвашася, занеже в поле седяху, языкъ словеньскый бе имь единъ»⁶.

Еще удивительней размышления автора над термином «древнерусская народность». С одной стороны, Галушко совершенно прав в том, что современные представления об этничности не могут быть без оговорок использованы для анализа средневекового мировоззрения. Тут автор проявил осведомленность в этнологической теории. Но вот дальше с теорией всё гораздо хуже.

Галушко пишет: «Говорили эти люди Руси на *разных диалектах*, которые сейчас относятся к *разным языкам*. Поскольку диалекты (живые локальные языки) — существа очень живучие, то они и сейчас регионально весьма близки группам древнерусского населения (кроме индустриальных регионов и областей целенаправленной ассимиляции). Например, кривичи четко

прослеживаются на языковой карте и через тысячу лет от Полоцка через Смоленск и дальше на северо-восток»⁷.

На основании того, что на территории древнерусского государства существовали различные диалекты и имелась разница в материальной культуре, делается вывод, что Русь представляла собой «рыхлый конгломерат» и пр.

Между тем наличие диалектов и культурных отличий и в те далекие времена, и сейчас вовсе не означает отсутствия единства. Не единообразие лексики и грамматики делает группу диалектов одним языком. Наиболее емко сформулировал соотношение язык/диалект известный этнолог В. А. Тишков. Позволю себе привести весьма обширную цитату целиком: «Разделение между языком и диалектом представляет серьезную методологическую проблему. Чаще всего это связано с политическими и историческими факторами, а также с выбором в пользу того или иного варианта, который делают интеллектуальные элиты. Понимание условности данного деления очень важно, ибо определение того или иного разговорного языка как диалекта в конечном итоге зависит от властных диспозиций, которые хорошо отражаются в афоризме: диалект — это тот же язык, но только без армии. Строго с лингвистической точки зрения диалект — это такой же язык, ибо представляет собой определенную коммуникативную систему. Тогда как границы между

⁶ Там же.

⁷ Галушко К. Украинский национализм: ликбез для русских, или Кто и зачем придумал Украину. Київ: Темпора, 2010. С. 119.

хорошо развитыми письменными (литературными) языками обычно вполне дискретны, между диалектами всегда существуют обширные переходные зоны. Внешние обозреватели склонны воспринимать те или иные языковые ситуации в более упрощенном виде, обыденно полагая, что, например, китайцы разговаривают на китайском языке. Только вдруг неожиданно обнаруживается, что дочь китайского лидера Дэн Сяопина переводила для него и его собственные речи с одного языка (сычуанского диалекта) на другой язык (пекинский диалект), которые между собой разнятся больше, чем русский и украинский языки. Кстати, Г.Х. Попов рассказал мне, как в бытность студентом МГУ слушал выступление Мао Цзедунa перед студентами и обратил внимание, что китайские студенты расположились в зале по региональным группам и слушали речь с переводчиками⁸.

То есть никто иной как элита решает — складываются ли диалекты в единый язык или нет. Мнение летописца, которого и сам Галушко считает представителем элиты, в отношении русского языка сомнения не вызывают — он считал, что такой язык существует, что было показано выше. И значит, такой язык действительно существовал.

Миф третий: не существовало осознания единства древней Руси, а если и существовало, то исключительно в кругах образованных книжников,

«элиты», не имеющей ничего общего с реальной жизнью простых людей.

Помимо древнерусского языка, Галушко ставит под сомнение наличие единого русского самосознания на Руси в домонгольский период. При этом для него, конечно, не секрет, что в древнерусской литературе идея единения русских земель не просто существовала, а активно пропагандировалась. Будучи оформлена через понятие братской/божественной любви, она вошла в арсенал самых актуальных идеологических конструкций Древней Руси. Есть она и в ПВЛ⁹, в «Поучении» Владимира Мономаха¹⁰, в «Слове о князьях»¹¹. Ею проникнуто «Сказание о Борисе и Глебе»¹². Выражение «Русская земля» достаточно часто встречается на страницах произведений древнерусской литературы. Но всю эту огромную литературу он отбрасывает на том основании, что в рамках понятий русского единства мыслила только «элита», а обычные люди-де знать ничего про это не знали. Украинский историк пишет: «Итак, с общей древнерусской идентичностью, выходящей за пределы элиты, есть большие проблемы. То есть мы о ней почти ничего не знаем, а точнее — никто не может доказать, что она была»¹³.

Но, во-первых, элита потому и является элитой, что это авангард общества, ведущий людей за собой,

⁹ См. например: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 256.

¹⁰ Поучение Владимира Мономаха // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. XI–XII вв. С. 470–474.

¹¹ Слово о князьях // БЛДР. Т. 4. С. 226–228.

¹² Сказание о Борисе и Глебе // БЛДР. Т. 1. С. 328–352.

¹³ Галушко К. Указ. соч. С. 123.

⁸ Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 65–66.

задающий мировоззренческие ориентиры. Понятно, что осознание этого единства возникает прежде всего при столкновении с иноэтническим миром. Классическим примером этого служит «Хождение игумена Даниила в Святую землю». Оказавшись в Палестине, игумен Даниил, автор «Хождения», чувствует себя там представителем всей Руси. В качестве «русьюсыя земли игумена» он предстает перед королем Балдуином. В лавре св. Саввы им были записаны для поминовения имена всех русских князей, начиная со Святополка Изяславича и далее, нисходя по лестнице старшинства, сколько вспомнил¹⁴.

Но, самое главное, и это во-вторых, свидетельство того, что и «простое» население вполне осознавало свою русскость, есть. Кирилл Галушко иронизирует: «Странно, никто в берестяных грамотах не написал: “Аз есмь представитель древнерусской народности”»¹⁵. Но помимо берестяных грамот есть другие письменные источники, глубоко укоренные в обыденную жизнь. Речь идет о памятниках древнерусского права. В них, так же как и в нарративных источниках, осознание этнического единства актуализировалось тогда, когда необходимо было регулировать взаимоотношения Руси и руссов с населением других стран. Примеры эти хорошо известны. Но нарочитое их игнорирование в книге Кирилла Галушко заставляет повторить эти примеры подробно.

¹⁴ Хождение игумена Даниила // БЛДР. XII век. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. С. 116.

¹⁵ Галушко К. Указ. соч. С. 119.

Русы как население русской земли совершенно однозначно фигурируют уже в договорах Руси с Византией. Но самую важную информацию мы можем почерпнуть из актов региональных. Из актов, происходящих из тех регионов, которые, по утверждению Галушко, должны были считать себя «новгородцами», «смолянами», но никак не руссами.

Между тем в договоре Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1189–1199 гг., заключенном князем Ярославом Владимировичем, термины «новгородец» и «русин» используются в качестве взаимозаменяемых: «Оже тяжа родится бес крови, снидутся послуши, Русь и Немци, то вергутъ жеребее, кому ся выиметь, роте шедъ, свою правду възмутъ. Оже емати скоть Варягу на Русине или Русину на Варязе, а ся его заприть, то 12 мужъ послухы: идеть роте, възметь свое»¹⁶.

Не менее показательным примером является Договор Смоленска с Ригой и Готским берегом. Он был заключен в 1229 г. послами смоленского князя Мстислава Давыдовича. Согласно логике Галушко русские фигуранты договора должны именовать себя «смолянами», ведь речь идет не об «идеологических конструктах», а о вполне бытовых, насущных предметах: о торговых спорах, о бытовых потасовках, о займах и пр. Обратимся к тексту. Вот его произвольно взятый фрагмент:

¹⁶ Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами // Памятники русского права. Вып. II. М.: Госюриздат, 1953. С. 126.

«Аже Латинин дасть Роусиноу товар свои оу д(о)лго оу Смольн(е)ске, за платити Немциноу пьрвее, хотя бы инмоу комоу виноват был Роусиноу. Тако оузяти Роусиноу оу Ризе и на Готскомь березе.

Аже разгневається князе на своего человека, а боудете вин(о)ват Немчицю Роусин, а отимь(е)ть князе все, женоу и дети оу холопство, первое платити емоу Латинину, а потомь князю как любо с своимь ч(е)л(о)в(е)к(о)мь. Такоу правдоу взяти Роусиноу оу Ризе и на Гочк(о)мь березе»¹⁷.

Весьма интересен пассаж в Уставе Ярослава, связанный с запретом, налагаемым церковью на сексуальное общение женщин с иностранцами и иноверцами. Если во всех прочих статьях лицо, о котором идет речь, именуется словом «жена», то в этом случае она именуется «руской»¹⁸. Устав представляет собой кодекс смешанной, княжеской и митрополичьей юрисдикции. Зона его действия определяется в интитуляции. «Вся Русь» как часть титула киевского митрополита означала, конечно, отнюдь не только среднее Поднепровье.

Число источников по древнерусской истории, как известно, очень невелико. Не зная текста Русской Правды, Устава Ярослава или смоленского и новгородского договоров автор книги как профессиональный историк не может. По-

нятно, что здесь мы имеем дело с сознательным искажением реальности.

Миф четвертый: Москва – финское название.

В общем-то, конечно, мелочь. Но очень характерная. Версия о том, что Москва – название финское, возникла довольно давно. Сложилась она по созвучию с некоторыми названиями, распространенными в местах расселения восточно-финских народов – коми и удмуртов: Косьва, Сылва и пр. Однако чтобы рассуждать об этимологии слова, все-таки не лишним будет заглянуть в специальную литературу. Хотя бы в словарь Фасмера, где означенная этимология признается по ряду причин неверной, и в качестве приоритетной рассматривается этимология славянская. Можно ли допустить, что профессиональный историк не знает о существовании такого словаря? Нет. Можно ли допустить, что Кирилл Галушко, любитель картографии, не знает, что наша р. Москва – далеко не единственная река с таким названием? Река Москва есть и на Украине. Причем на Западной Украине, в Закарпатской области – приток Тисы. Есть река Москава в Польше (Повят-Сьредзкий, Великопольское воеводство) – на территории древнего славянского расселения, там, где славянская топонимика относится к очень древним временам.

Понятно, что сам Кирилл Галушко может придерживаться любой точки зрения на этимологию названия Москвы. Но элементарная

¹⁷ Договор Смоленска с Ригой и готским берегом // Памятники русского права. Вып. II. М.: Госюриздат, 1953. С. 60.

¹⁸ Устав Ярослава // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 88.

добросовестность требует, чтобы он как специалист уведомил читателя, что излагаемая им точка зрения не является не только «сама собой разумеющейся», но даже приоритетной в современной науке.

Ну и напоследок самый «ядренный» и нелепый миф.

Миф пятый: *Россия никогда не называлась Русью. Так называлась Украина. А нынешняя Россия называлась Московией.*

Вот точная цитата: «Вся эта дележка древнерусского наследия не так страшна для украинцев, поскольку сами украинцы перестали быть *русинами* и считать свою землю *Руськой* всего лишь в XIX в., проиграв борьбу с российской монополией на это слово. *Россия* же стала таковой официально лишь в 1721 г., перестав быть изначальной *Московией*»¹⁹.

Как раз тот самый случай, когда чем беззащитней ложь, тем она убедительней.

Обратимся к источникам.

XIII век. «Слово о погибели Земли Русской». Границы того, что понималось тогда под русской землей, даны предельно четко. «О, светло светлая и украсно украшена, земля Руськая! <...> Отселе до угорь и до ляховъ, до чаховъ, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немецъ, от немецъ до корелы, от корелы до Устьяга, где тамо бяху тоймици погании, и за Дышючимъ моремъ; от моря до болгаръ, от болгаръ

до буртась, от буртась до чермись, от чермись до морьдви». Русь на севере выходит к «Дышючему» морю, т. е. к Северному Ледовитому океану. На востоке граничит с землями восточно-финских племен (мордвы и марийцев), а также с землями тюрков — болгар. Важным географическим ориентиром является город Устюг, который в те времена был городом на северо-восточном пограничье. Как видим, земли Северо-Восточной Руси никак особо автором «Слова» не выделяются. Русь представлена монолитным образованием, вызывающим уважение сопредельных народов и стран.

XIV век. «Житие Михаила Ярославича тверского», написанное вскоре после смерти князя в Твери. «Оттоле нача быти вражда между князема сима, а еще сваристася многажды миръ межю собою, но врагъ дияволь паки рать въздвизаше. И паки бывшимъ княземъ во Орде, бывши пре велице межю има; оставиша Юрия у себя въ Орде, а князя Михаила отпустиша в Русь. И минувшу лету, паки незаконнии измаилтяне, не сыти суще мздоимства, егоже ради желааше, вземши многое сребро, и даша Юрию великое княжение, и отпустиша с ним на Русь единого от князь своих, беззаконнаго треклятаго Кавгадыя». О ком упоминает летописец? Куда эти князья возвращаются из Орды? Речь идет о князе тверском Михаиле Ярославиче, правнуче великого князя владимирского Всеволода III Большое Гнездо и о его троюродном племяннике — московском князе Юрии Даниловиче Московском. Понятно, что возвращались они к себе домой, в Тверь или Москву, т. е. «на Русь» по словам автора жития. Причем

¹⁹ Галушко К. Указ. соч. С. 149.

не подозревающий о будущих спорах книжник говорит об этом вскользь, как о само собой разумеющейся географической характеристике.

Точно в таком же смысле продолжает использоваться слово «Русь» и в конце XIV в. в «Хождении Игнатия Смолянина на Царьград». Когда в 1390 г. митрополит принял под свою руку московскую епархию и уехал в Москву, Игнатий пишет, что Киприан был «отпущен на Русь». Любопытно описание встречи с соотечественниками, жителями Константинополя. Они именуются «русскими людьми»: «В понедельник, накануне Петрова дня, во время вечерни, пришли к нам русские люди, живущие здесь. И была радость обоим великая. В ту ночь пробыли на корабле. Утром же в самый праздник святых апостолов, благодаря бога, вошли в город. Утром же пошли к святой Софии <...> И приняли нас хорошо тут живущие русские люди. Утром пошли во Влахернскую церковь и целовали раку, где лежит риза и пояс пречистой Богородицы»²⁰

Именно «Русью», «Русской землей» именуется страна, пережившая нашествие Батю и вышедшая сражаться с войском Мамай под руководством Дмитрия Донского в произведениях куликовского цикла: «Онъ же безбожный Мамай начать хвалитися и поревновавъ второму Иулиану отступнику, царю Батюю, и нача спрашивать старых татаръ како царь Батый пленилъ Русскую землю. И начаша ему сказывати

старые татарове, како пленилъ Русскую землю царь Батый, какъ взять Киевъ и Владимирь, и всю Русь, словенскую землю, и великого князя Юрья Дмитриевича убиль, и многих православных князей избиль и святых церкви оскверни, и многи монастыри и села пожже, и въ Володимере вселенскую церковь златаверхую разграбилъ»²¹.

Весьма характерная ремарка содержится в знаменитом «Хождении за три моря» Афанасия Никитина: «А в том в Чюнере ханъ у меня взял жеребца, а уведал, что яз не бесерменянин — русинь»²². «Хождение» — произведение специфическое. Это не программное выступление официального книжника, а путевой дневник. Тверской купец Афанасий описывал свои мытарства в Индии, а не вел идеологическую работу с целью «прибрать к рукам» чье-то там «наследство». Его самоопределение не демонстративно.

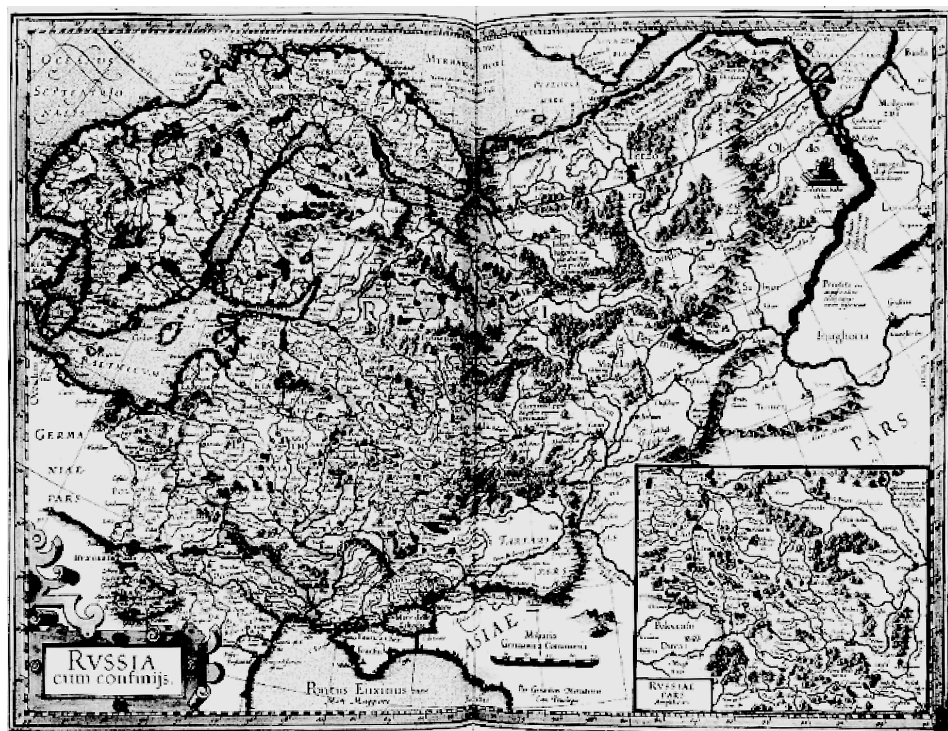
Цитировать фрагменты можно и дальше. Но уже и сделанные «хронологические пробы» показывают, что русское самосознание в северо-восточных землях существовало и в «Московский» период, никуда не исчезало. Оно было уделом не одних только книжников, но элементов повседневного мировоззрения.

Материалы древнерусских источников можно поверить по источникам

²¹ Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси. XIV — середина XV в.. СПб.: Наука, 1999. Т. 6. С. 583.

²² «Хождение за три моря» Афанасия Никитина // Библиотека литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. СПб.: Наука, 1999. Т. 7. С. 581.

²⁰ Хождение Игнатия Смолянина в Царьград // Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М.: Советская Россия, 1984. С. 280–281.

иностранный происхождения. Русией именует Московское государство Сигизмунд Герберштейн. Подробное разъяснение этнической характеристики «Русии и Московии, которая ныне состоит ее столицею» составляет существенную часть его труда²³. Русией называют Россию Ричард Чеслер²⁴, Джером Горсей²⁵

и абсолютно все западные путешественники, побывавшие в России XV–XVII вв.

И напоследок иллюстрация – разворот атласа знаменитого картографа Герхарда Меркатора 1595 г. Как говорится, картинка не нуждается в комментариях.

²³ Герберштейн С. Записки о Московии. М.: МГУ, 1988.

²⁴ Чеслер Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе московском // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.: Соцэктгиз, 1937.

²⁵ Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. М.: МГУ, 1991.

Я не стал рецензировать всю книгу. Рассмотрел только те главы, о содержании которых я могу судить с профессиональной точки зрения. Полагаю, однако, что материал для начала «ликвидации безграмотности» я изложил.

В. В. Волобуев

Рецензия: Польша в XX в.. Очерки политической истории /

Ред.: Г. Ф. Матвеев, А. Ф. Носкова (отв. ред.), Л. С. Лыкошина. М.: Индрик, 2012. 929 с.

Коллективная монография «Польша в XX в.. Очерки политической истории» — результат сотрудничества отечественных специалистов, объединившихся ради того, чтобы представить современный взгляд на польскую историю новейшего периода. Это первый труд такого рода, написанный в постсоветское время. К его несомненным достоинствам относится использование большого количества новых документов, весьма обогащающих наше представление о Польше в XX в. Прежде всего это относится к отрезку 1939–1956 гг., — пожалуй, наиболее неоднозначному периоду в польской истории. Ценным подспорьем здесь явилось издание в 2009 г. Архивом Службы внешней разведки России сборника документов «Секреты польской политики». Необходимо, впрочем, отметить, что и для тех периодов, от которых читатель не ждет сенсаций в силу их хорошей изученности (1900–1939 гг.), авторы сумели найти новые подходы и сформулировать оригинальные выводы. Иногда книга читается как увлекательный роман — настолько неожиданные данные приводятся в ней.

Чрезвычайно любопытны, например, рассуждения автора II раздела д.и.н. Г. Ф. Матвеева о мотивах, толкавших Ю. Пилсудского к войне с Советской Россией: главной причиной неприятия поляками линии

Керзона профессор Матвеев называет не «империалистические замашки» возрожденного государства и не тоску по ягеллонской Польше, а национальные интересы, требовавшие отказаться от английского предложения, поскольку оно не могло гарантировать независимость польского народа, зажатого в относительно узкой полосе между Германией и Россией. В этих условиях украинские, белорусские и литовские земли, на которых проживал немалый процент этнических поляков (в крупных городах вроде Бреста, Гродно, Львова и Вильно они даже преобладали над коренным населением), представляли собой естественную «зону безопасности» для возрожденного государства. Столь же нетривиальными выглядят и некоторые другие утверждения автора: о «малой Конституции» 1921 г. как Конституции «на вырост», еще не отражавшей политического развития польского общества на тот момент; о нарастании забастовочной волны в середине 1930-х гг. как эффекте завышенных ожиданий, а вовсе не следствии понижения уровня жизни; о низкой политической активности пролетариата как препятствии на пути создания народного фронта, который пытались сколотить в 1930-е гг. польские коммунисты с подачи Коминтерна. Чрезвычайно интересны отраженные в V очерке II раздела неформальные контакты деятелей

оппозиции с лидерами санации после смерти Ю. Пилсудского, показывающие, насколько тонка была грань между представителями власти и ее противниками.

Не менее любопытен анализ бесед польских политиков с И. В. Сталиным, отраженный в III и IV разделах (авторы — д-р ист. наук В. С. Парсаданова и д-р ист. наук А. Ф. Носкова соответственно). Записи этих бесед становятся основой для, пожалуй, самого необычного предположения, выдвинутого на страницах книги: о том, что именно советский вождь тормозил раскручивание процесса над В. Гомулкой, обвиненным в правонационалистическом уклоне в 1948 г.

Действительно, обращает на себя внимание относительная мягкость, с которой обошлись с Гомулкой и большинством его соратников в период польского сталинизма (1948–1956 гг.), что контрастировало с судьбой «отщепенцев» в других странах народной демократии. А. Ф. Носкова дает свое обоснование такой линии, подкрепляя его солидной источниковой базой. Вообще I, II и III очерки IV раздела поражают охватом архивных материалов, многие из которых представлены российскому читателю впервые. Специалистам по истории ПНР, несомненно, будет импонировать не только обстоятельный анализ рождения социалистического строя в Польше (здесь выводы автора в целом совпадают с выводами польских коллег, считающих его навязанным со стороны СССР), но и описание метаний тогдашних польских политиков, в том числе тех, кого принято счи-

тать лояльными строю. Настоящим откровением это выглядит в отношении руководства Польской социалистической партии (ближайшего союзника коммунистов), чья извилистая дорожка далеко не сразу привела их в ряды партфункционеров Народной Польши. Как следует из документов, приводимых А. Ф. Носковой, в 1945–1946 гг. верхушка социалистов (Ю. Циранкевич, К. Русинек, Г. Яблоньский) иногда не только весьма остро конфликтовала с Польской рабочей партией, но и готова была блокироваться с прозападным ПСЛ, лишь бы сохранить свою самостоятельность. В этом свете «советский фактор», на котором акцентируют внимание польские историки, становится еще более весомым.

Интереснейшие материалы, относящиеся к польско-советским переговорам в октябре 1956 г. в Варшаве, дает канд. ист. наук А. М. Орехов (раздел IV, очерк IV). Встреча в Бельведере явилась одним из ключевых моментов польской «оттепели», но по причине отсутствия протокола историки могли лишь гадать, о чём там шла речь. Теперь же благодаря найденным А. М. Ореховым архивным документам пролит свет и на эту проблему. «Польша в XX в.» — первая большая работа, написанная с привлечением этих источников.

Самой высокой оценки заслуживает последний, VI раздел книги, посвященный периоду с 1980 по 2010 г. (автор — д-р ист. наук Л. С. Лыкошина). Легкость изложения идет здесь рука об руку с глубиной анализа и точностью характеристик политических деятелей и движений. Автор избегает соблазна показать всю историю

заката ПНР и первого двадцатилетия современной Польши, делая упор именно на политической составляющей, но при этом четкими штрихами обозначает социальную базу партий, а также общие тенденции развития Польской республики на нынешнем этапе. К положительным моментам относится и то, что автор присваивает всем партиям и организациям русские названия и аббревиатуры — очень важная черта, о которой будет подробнее сказано ниже. Благодаря Л.С. Лыкошиной выстраивается традиция наименования современных политических структур Польши без русско-польской языковой путаницы. Обращает на себя внимание анализ заседаний «Круглого стола» как попытки встроить «Солидарность» в существующую систему власти, не демонтируя ее. Такой взгляд разрушает легенду о «Круглом столе» как о способе мирной передачи власти оппозиции и капитуляции правящего режима. На самом деле, как следует из очерка I раздела VI, обе стороны совсем не воспринимали «Круглый стол» как меру по упразднению ПНР, но лишь как очередной этап в борьбе. Поистине сенсационным выглядит и утверждение Л.С. Лыкошиной о поддержке Л. Валенсой ГКЧП, равно как о негативном его отношении к распаду Советского Союза. Это показывает, что Валенса-президент весьма сильно отличался от Валенсы-трибуна.

Не обошлось в книге и без недостатков. В общем виде их можно свести к двум группам: «родимые пятна», унаследованные от историографии советского периода, и недоработки, происходящие от «замысленности»

взгляда специалистов, воспринимающих многие известные им факты как очевидные, а потому не требующие подробного рассмотрения. Особняком стоят ошибки редактуры и особенности авторского подхода, о которых будет сказано отдельно.

К «родимым пятнам» относится прежде всего «абберация близости», когда явления и события, стоящие ближе к нам по времени, кажутся более важными, чем события, происходившие раньше. Данного порока не избежала и «Польша в XX в.»: сорокалетию 1900–1940 гг. (вместе с экскурсом в последнюю четверть XIX в.) посвящено в ней 297 страниц, зато меньшему по охвату периоду 1941 — начала 1980-х гг. (до появления «Солидарности») — целых 490. Это создает впечатление, будто оккупация и большая часть истории Народной Польши пришлись на отрезок не в сорок, а по меньшей мере в шестьдесят лет. Из-за отсутствия равновесия первое сорокалетие XX в. освещено кое-где слишком бегло, в то время как во втором сорокалетию вместо очерков политической истории иногда получается история Польши в целом — с подробным рассказом об экономической ситуации, социальных процессах и т. д. Вряд ли можно считать правильным, когда центральной фигуре истории Польши XX в. — Ю. Пилсудскому — уделяется меньше внимания, чем В. Гомулке.

Перекося особенно досаден ввиду того, что авторы разделов по истории социалистического периода (и тут мы переходим к другому «родимому пятну») чересчур дотошно освещают съезды ПОРП или польско-советские

переговоры по разным вопросам, зато совершенно игнорируют наличие политической эмиграции. Это представляется большим упущением, так как в случае Польши эмиграция традиционно являлась важным фактором политического развития страны. Известно, например, что на состояние умов большое влияние оказывали парижский ежемесячник «Культура» и польская редакция радио «Свободная Европа» (а с 1970-х гг. — также стоковое издание «Анекс», Польское национально-освободительное соглашение и вся плеяда изгнанников 1968 г.); нельзя обойти молчанием и воздействие эмиграции на линию британского, французского и американского правительств в отношении Польши. Не случайно власти в Варшаве были так озабочены «обезвреживанием» эмигрантов, для чего в 1955 г. было создано общество «Полония». Подходы к эмиграции искал главный «национальный коммунист» Польши М. Мочар; большую роль диалогу с поляками за рубежом отводил и Э. Герек, претендовавший на консолидацию вокруг себя всех соотечественников (Королевский замок в Варшаве был восстановлен в том числе и на деньги эмигрантов). При чтении «Очерков» возникает странное впечатление: мы видим Польшу, но зачастую не видим поляков, не понимаем их мировосприятия и их настроений. Читатель, знакомый с Польшей только по «Очеркам политической истории», едва ли осознает высокий символизм церемонии в Королевском замке Варшавы 22 декабря 1990 г., когда последний глава государства в изгнании Р. Качоровский передал президентские регалии Л. Валенсе.

Не лучшим наследием советской историографии, перекочевавшим на страницы данного труда, стал разноречивый в русских и польских аббревиатурах и названиях. К примеру, Польская объединенная рабочая партия сокращается в книге по первым буквам русского названия (ПОРП), в то время как Польская рабочая и Польская социалистическая партии — по своим польским названиям (ППР и ППС соответственно). А на с. 783 встречаем даже русско-польскую аббревиатуру: КОС-КОР, где первая часть дана по русскому названию (Комитет общественной самозащиты), а вторая — по польскому (Komitet obrony robotników). Подобная разногласия — не исключение, а правило для монографии. «Польша в XX в.» являлась хорошей возможностью, чтобы привести всё в порядок, но, к сожалению, возможность эта не была использована.

Если говорить о «замысленности» взгляда, то ему, как представляется, оказались наиболее подвержены первые два раздела книги, написанные канд. ист. наук М.А. Крисань, д-ром ист. наук М.А. Булахтиным и д-ром ист. наук Г.Ф. Матвеевым (впрочем, впечатление «замысленности» может быть следствием упоминавшегося ранее дефицита места, когда явления довоенной жизни описываются слишком бегло). К примеру, почти совсем не раскрыт вопрос с Восточным и Западным польскими легионами в период Первой мировой войны. Упоминание вскользь — пожалуй, не то, чего заслуживают формирования, ставшие одной из основ польской армии. По прочтении даже остается неясным, чем, собственно, отличались друг от друга эти легионы.

Неудачным представляется следование польской традиции в приурочивании восстаний к месяцам (Январское, Ноябрьское) — оно лишь запутывает читателя. Крайне сомнительным выглядит также термин «Конгрессовка» в применении к польским землям в составе Российской империи: едва ли его поймет кто-нибудь, кроме специалистов.

Крайне мало места отведено Люблинскому правительству, бывшему фундаментом власти в независимой Польше на излете Первой мировой войны. Какую роль оно сыграло и почему, читателю остается неизвестно. На с. 203 встречается выражение «политика прометеизма», содержание которого не раскрывается вообще.

Другие разделы тоже иногда могут поставить читателя в тупик. Так, совершенно непостижимым выглядит появление на политической арене после Второй мировой войны Польской социалистической партии, при том что большая часть довоенных социалистов примыкала к не признаваемой новыми властями ППС-ВРН (название партии в период нацистской оккупации). Читатель может лишь догадываться, что, по всей видимости, старое имя присвоили себе деятели Рабочей партии польских социалистов, отколовшейся от основной структуры в 1943 г. и договорившейся с коммунистами. Однако прямым текстом это не сказано нигде.

На с. 640 сообщается: «23 октября газета “Жиче Варшавы” опубликовала заявление католических де-

ятелей, среди них В. Аулейтнера, А. Голубева, Т. Мазовецкого, Я. Заблоцкого, Е. Завейского и др.». Из контекста следует, что читатель уже должен знать перечисленных лиц, однако здесь они появляются впервые. Возможно, следовало хотя бы вкратце оговорить их предыдущую (весьма яркую) биографию либо воздержаться от упоминания фамилий. То же самое относится к министрам Каиму и Пеньковскому, чьи имена всплывают без всяких пояснений на с. 733, а также к деятелям оппозиционного движения Мацеревичу и Наимскому, которые упоминаются среди основателей Комитета защиты рабочих на с. 780. Необходимо было раскрыть также и польское выражение «парад равенства», мелькающее на с. 900: отечественный читатель, скорее всего, не догадается, что речь идет о параде секс-меньшинств.

Вызывает вопросы способ подачи материала в некоторых местах: отклонения от темы, спорные заявления либо умолчания там, где следовало бы дать историческую справку.

Скажем, удивляет отсутствие каких-либо упоминаний о переговорах социалистов с эндеками в период русско-японской войны и о визитах Ю. Пилсудского и Р. Дмовского (независимо друг от друга) в Японию.

Ничего не говорится об отношении австрийских властей к польским национал-демократам в преддверии Первой мировой войны. Национал-демократы были главной пророссийской силой на польских землях, и потому их деятельность на территории потенциального врага Российской

империи выглядит неординарным явлением, требующим хотя бы общего пояснения, в каких отношениях они находились с венским двором.

Озадачивает следующая фраза: «На рубеже 1937–1938 гг. лагерь санации стали покидать почитатели Пилсудского, разделяющие левые взгляды <...> Их не устраивало усиление в правящем лагере националистических и антидемократических тенденций...» (с. 227). Из этого следует, что санация в какой-то момент была демократической, хотя весь раздел, посвященный этому режиму, говорит об обратном.

Никак не прокомментировано избрание В. Сикорского на пост премьер-министра в изгнании. Известно, что Сикорский был непримиримым противником санации и его избрание должно было вызвать негативную реакцию у пилсудчиков. Да и дальнейшие шаги органов власти на чужбине, направленные на возвращение к досанационным порядкам (о чём сказано в очерках I–III раздела III), неизбежно должны были породить сопротивление со стороны приверженцев покойного маршала, прежде всего — среди военных. Но об этом в монографии нет ни слова. Равным образом обойдено молчанием избрание президентом в изгнании В. Рачкевича, что особенно странно, учитывая ключевую роль, которую играл президент согласно Конституции 1935 г. (кстати, на с. 328 президента называют Радкевичем, путая его с известным коммунистом). Это ввело в заблуждение составителей именного указателя, которые поставили для этой стра-

ницы ссылку как на Рачкевича, так и на Радкевича).

В том же разделе III, в части, посвященной пакту Молотова–Риббентропа, присутствуют обширные экскурсы в историю внешней политики Советского Союза, представляющиеся лишними в монографии о Польше. При этом ничего не говорится о причинах Катинского расстрела — одного из важнейших событий в польско-российских взаимоотношениях. Несомненно, этот вопрос еще далек от разрешения, но некоторые предположения, выдвинутые историками, заслуживают быть упомянутыми на страницах книги, иначе возникает чувство недосказанности.

На с. 335 утверждается, что Армия Крайова запрещала взрывать эшелоны, идущие на советско-германский фронт, но при этом нет ссылки на источник информации, хотя заявление такой важности, как представляется, требует не только ссылки, но и цитаты из документа.

Чересчур категоричной выглядит фраза на с. 608: «Неизбежные противоречия в государственно-церковных отношениях должны были принять форму противостояния двух тоталитарных систем — католической и коммунистической». Тоталитаризм — политологический термин, возникший в XX в. и относящийся к взаимоотношениям государства и общества. Вряд ли уместно использовать его в отношении религиозной организации, существующей уже около 2000 лет. Имеется, правда, еще понятие «тоталитарная секта», однако в него католическая

церковь тоже не вписывается, поскольку не представляет угрозы для жизни и здоровья своих членов.

Спорным выглядит утверждение на с. 652, относящееся к событиям 1956 г.: «Именно поддержка католической церкви и ее высшего иерарха <...> обеспечили благоприятный для власти исход избирательной кампании». Действительно, польская «оттепель» вызвала всплеск антикоммунистических настроений, но всё же не настолько сильный, чтобы поставить под угрозу исход выборов, особенно ввиду огромной популярности В. Гомулки в тот момент.

Не вполне корректно звучит фраза на с. 690: «Утверждение, будто социализм несовместим с демократическими свободами, абсурдно, заявил этот известный польский философ, за что в ноябре 1966 г. был исключен из ПОРП». В действительности Л. Колаковский, о котором тут речь, был исключен за критику линии партии и правительства. Приводимое же утверждение являлось, напротив, скорее декларацией лояльности, необходимой, чтобы оратора сразу не перевели в разряд классовых врагов.

Не совсем верно подано поведение К. Войтылы в 1965 г. после обращения польских епископов к немецким с призывом к примирению: «Архиепископ Краковский <...> отмежевался от участия в редактировании письма <...>. Этот факт породил неприязнь между двумя иерархами, длившуюся вплоть до избрания Войтылы папой Римским» (с. 692). «Неприязнь» между Войтылой и примасом С. Вышиньским (если она

была) вызывалась скорее разными взглядами на внедрение решений II Ватиканского собора, чем таким частным вопросом, как «Обращение». Что же касается самого послания, то под ним стоит подпись Войтылы; более того, именно Войтыла вместе с автором послания епископом Б. Коминеком представил его текст трем немецким иерархам до того, как оно было отправлено в ФРГ. Краковский архиепископ действительно отмежевался от участия в написании текста, однако это не означает, что он выступил против его содержания. Скорее, иерарх несколько растерялся ввиду той пропагандистской кампании, которую развернули власти после опубликования письма, и решил слегка «сдать назад».

Слишком однобоко освещена позиция ПОРП в отношении Китая и Албании во время советско-китайского конфликта. Гомулка показан миротворцем, который пытался выступать посредником в улаживании споров. При этом совершенно игнорируется резкость, с которой он обрушивался на китайских и албанских «раскольников» на различных коммунистических форумах (равно как и в частных беседах с представителями международного коммунистического движения); не говорится также о созданной на китайские и албанские средства подпольной Компартии Польши, которая вела агитацию против 1-го секретаря ЦК ПОРП.

На с. 734 в ходе описания рабочих выступлений декабря 1970 г. встречается фраза, будто сошедшая с передовиц «Правды» или «Трыбуны

люду»: «Определенные силы делали всё, чтобы придать выступлениям политический характер». Коль скоро мы имеем дело с научным трудом, а не пропагандистским материалом, следовало, наверное, прямо назвать эти силы, показать конкретные факты их участия в выступлениях и снабдить всё это ссылками на другие труды и архивные документы.

Весьма поверхностно объясняется причина поправок к Конституции, принятых в 1976 г.: якобы это был довесок к вновь учреждаемому президентскому посту, который предлагалось занять Гереку. На самом деле в начале 1970-х гг., после ухода в отставку В. Гомулки и крушения концепции «польского пути к социализму», произошел откат к сталинским организационным схемам: власти снова объединили молодёжные структуры, слили воедино партийные и государственные инстанции, развернули пропаганду ударного труда, укрепили властную монополию ПОРП и партийно-государственные связи с СССР. Не случайно именно в тот период стали переиздаваться биографии деятелей сталинского периода: Б. Берута, К. Рокоссовского и др. Пресловутые поправки должны были на законодательном уровне утвердить реальное положение вещей. Однако столь сложные и глубокие процессы сводятся в книге к личным амбициям и склокам партфункционеров. Представляется, что автор данного раздела (увы, покойный ныне канд. ист. наук Н. И. Бухарин) дал себя увлечь мемуаристике, в которой личностный фактор преобладает. Это особенно заметно на примере воспоминаний резидента КГБ в Польше В. Г. Павлова, часто цити-

руемых в монографии. На страницах своих мемуаров Павлов предстает таким политическим демиургом, вершителем судеб правящей верхушки и всей страны. Загадкой остается, как при таком влиянии и осведомленности советский резидент не заметил нарастания антиправительственных настроений, приведших к созданию профсоюза «Солидарность».

Наконец, в VI разделе встречается не очень удачная характеристика члена Консультативного совета при председателе Госсовета К. Скубишевского как «оппозиционно настроенного интеллектуала» (с. 836). Напротив, Скубишевский был известен скорее как аполитичный профессионал, специалист по международному праву (что позволило ему вскоре занять кресло министра иностранных дел). Тот факт, что он несколько лет входил в состав Общественного совета при примасе, отнюдь не делал его оппозиционером.

К сожалению, не обошлось в монографии и без явных ошибок — как авторских, так и редакторских. Прежде всего к ним относятся полонизмы. Например, такое выражение как «чудо над Вислой», несколько раз появляющееся в тексте, по-русски должно звучать как «чудо на Висле». Не вполне верно с точки зрения правил русской транскрипции в ряде мест пишутся некоторые имена и фамилии: «Кочёлек» вместо «Кощёлек», «Мачеревич» вместо «Мацеревич», «Чимошевич» вместо «Цимосевич», «Франчишек» вместо «Франтишек». На с. 762 известный деятель светского католического движения К. Лубеньский именуется Лубеньским (разница принци-

альна, ибо в польском, как и в русском, это — разные буквы). Названия вроде «Закопане» и «Катовице» в русском принято склонять. Поэтому нельзя сказать «митинг состоялся в Катовице» (как это сделано на с. 773), но только «в Катовицах». Сколоченную Я. Качиньским в 1990-е гг. коалицию правильнее было бы назвать «Соглашение Центр», а не «Центрум» (с. 857). Должность градоначальника, которая в современной Польше звучит как «президент», в русском тексте было бы лучше именовать «мэром», ибо президент в восприятии отечественного читателя — это руководитель более высокого уровня. Трижды (на с. 208, 213 и 225) встречается слово «приемник» в значении «преемник».

На с. 640 ошибочно утверждается, что журнал «Вензь» появился летом 1956 г. (на самом деле первый номер увидел свет в 1958 г.). На с. 616 епископ М. Клепач неправильно называется кардиналом, коим он никогда не являлся. На с. 692 дается искаженная фамилия заместителя министра финансов — «Кали» вместо «Коле». Чрезвычайное собрание варшавского отделения Союза польских литераторов прошло 29 февраля 1968 г., а не 26-го, как об этом сказано на с. 703.

На с. 708 упоминается секретарь отделения общественных наук ПАН С. Зюлковский, чья фамилия правильно звучит как Жулкевский (ранее в том же разделе он фигурирует именно под ней). Из-за этого именно указатель дает нам ссылки как на Жулкевского, так и на никогда не существовавшего Зюлковского.

На с. 709 говорится: «из Польши иммигрировали 12–15 тыс. польских евреев». Однако «иммигрировать» можно только куда-то, а не откуда-то, ибо иммиграция — это въезд на постоянное место жительства, но не выезд (последний именуется «эмиграцией»).

На с. 715 дается цитата якобы из воспоминаний Н.С. Хрущёва: «Несколько раз звонил Гомулка, просил приехать, поскольку визиту Хрущёва он придавал особое значение. Отец, конечно же, не мог отказать своему старому другу». В действительности эта фраза взята из книги сына партийного лидера С.Н. Хрущёва, о чём читатель и сам может догадаться по упоминанию в цитате «отца».

На с. 702 и 733 встречаются несогласованные предложения, пропущенные редакторами.

Несомненно, данная книга на долгие годы станет основной работой по современной истории Польши. Это — чрезвычайно интересный и фундаментальный труд, к сожалению, с поверхностной редактурой, лакунами между главами, страдающий в некоторых местах архаизмом в подходах. Главным его плюсом является то, что монография открывает для широкой публики проблемы, которые до сих пор оставались главным образом уделом специалистов. Теперь же массовый читатель может ознакомиться с достижениями отечественной полонистики и составить свое мнение об истории Польши.

П. В. Понарин

Рецензия: *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: НЛО, 2012. 278 с.

Сегодня издается немало работ по конфессиональной истории Российской империи, достойных признания научного сообщества. Книга Пола Верта относится именно к числу таких исследований.

Работы зарубежных ученых по русской религиозной и церковной истории имперского и советского периодов значительно расширяют представления о возможных подходах к пониманию обозначенной темы. Следует признать, что изучение истории ведущей конфессии страны — Русской Православной Церкви — в настоящее время не является ведущим направлением работ западных авторов. Желание отечественных авторов отождествить историю религии, духовенства, церкви с историей Русской Православной Церкви в контексте постсоветского развития России понятно, но, по мнению американского историка Пола Верта, «в научном отношении вряд ли плодотворно: достаточно напомнить, что для проектирования реформ в православной церкви в XIX в., как показано в лучших работах по данной теме, большое значение имело состязание православия с католицизмом в западных

губерниях. Кроме того, нередко историки, изучающие православие, забывают о множестве его нерусских последователей на Кавказе, в Поволжье и других регионах...»¹

Такая позиция совсем не означает, что прошлое русского православия не интересует американских и европейских историков-славистов. Напротив, они находятся в постоянном поиске новых тем, объясняющих непростое социальное, культурное и политическое развитие Российской империи, успешность которого во многом зависела от решения религиозных противоречий. А Русская Церковь сама порождала противоречия и одновременно являлась заложницей патерналистской системы управления. Естественно, что отказываться от изучения истории господствующей конфессии западные авторы не могут по объективным причинам.

¹ *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / Пол Верт; перевод с англ. Наталии Мишаковой, Михаила Долбилова, Елизаветы Зуевой и автора; научный ред. М. Долбилов. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Поэтому не случайно основной идеей книги Пола Верта стало признание религиозного разнообразия Российской империи в качестве ведущей доминанты ее развития.

Хотелось бы обратить внимание на некоторые мысли американского ученого, которые сегодня представляются актуальными и могут быть восприняты в качестве исследовательского ориентира отечественными историками. Конечно, каждый из нас ищет в научном издании прежде всего мысли, расширяющие индивидуальный научный интерес. Меня заинтересовал принятый ученым анализ конфессиональной политики имперского государства до 1917 г. и особенно выводы автора, характеризующие «конфессиональное измерение имперского управления».

П. Верт обращает внимание на сложное переплетение двух взаимозависящих понятий — национальной и религиозной идентичности — и на проблему управления конфессиональным разнообразием со стороны имперского государства. Он пишет: «...я доказываю, что если государство и сделало важные уступки религиозным устремлениям подданных империи, то оно, тем не менее, не сдавало своих прерогатив в качестве верховного арбитра по вопросу конфессионального статуса и, следовательно, оставалось глубоко вовлеченным в религиозные дела подданных»².

В его понимании возрастание значения этничности постепенно ос-

лабляет религиозную идентичность как основу классификации населения (религия — маркер идентичности). Верт приходит к выводу, что либерализация конфессионального строя в 1905 г., связанная с изданием указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г., должна была привести к укреплению намерения властей учитывать собственную религиозную самоидентификацию подданных, а также к пониманию правительством Николая II глубокого кризиса в вероисповедной сфере.

Рассуждая о противоречиях конфессиональной составляющей измерения имперского управления, П. Верт, характеризуя период 1900–1905 гг., отмечает: «Перед самодержавием стояла задача построить порядок, достаточно единообразный для того, чтобы гражданские дела в стране решались последовательно и непротиворечиво, и при этом также институционализировать конфессиональные различия, которые оно считало политически важными и пригодными для манипулирования»³. Обращаясь к проблеме документальной фиксации подданных в Российской империи, т. е. учета не просто количества проживающего населения, но его национальной, а главное — вероисповедной принадлежности, историк приходит к выводу, что метрические книги принесли здесь явную пользу, являясь специфическими актами гражданского состояния. Этот вывод не нов, но американский историк усматривает и другую особенность метрической книги как инструмента фиксации:

² Верт П. Указ. соч. С. 45.

³ Там же. С. 121.

с помощью них самодержавное государство «стремилось укреплять религиозную дисциплину среди своих подданных независимо от их вероисповедной принадлежности». Однако нам представляется спорным это утверждение, потому что метрические книги учитывали лишь формальную принадлежность жителя империи к Русской Православной Церкви, но никак не укрепляли религиозную дисциплину, ведь в условиях неразвитости системы актов гражданского состояния на рубеже XIX–XX вв. это была единственная возможность зарегистрировать, например, факт рождения. Проблему укрепления религиозной дисциплины внутри РПЦ в предреволюционный период можно исследовать на основе только комплекса источников: метрических книг, исповедных листов, отчетов благочинных.

Главы в работе П. Верта расположены не систематически, в силу того, что издание представляет собой сборник статей ученого, выходивших на английском языке с 1997 по 2008 г. Но разделы книги связаны одной общей идеей — религиозным разнообразием — и потому особенно интересны.

Разделов в работе три: I. Границы между верами и их пересечение; II. Этническое разнообразие внутри православия; III. Конфессиональное измерение имперского управления.

Заявленные большие темы П. Верт раскрывает через обращение к более частным проблемам, которые подтверждают тесное переплетение и взаимовлияние православия, инославия и иноверия в религиоз-

ном дискурсе Российской империи конца XIX — начала XX в. Так, границы между верами и их пересечение исследуются американским автором на примере перехода язычников-марийцев в христианскую веру (глава 1); смену веры или переход из православия в инославные и нехристианские конфессии (глава 2). Этническое разнообразие внутри православия автор характеризует через историю грузинской автокефалии и этнического дробления православного сообщества (глава 3); религиозный мир «крящен» и проблему «отпадения» (глава 4). Более исследованной представляется тема конфессионального измерения имперского управления. Верт ее рассматривает через изучение актов гражданского состояния в контексте имперского порядка (глава 5), юридического регулирования смешанных браков до 1917 г. (глава 6), историю армянского католикоса Эчмиадзина как подданного русского императора (глава 7).

Обратим внимание на некоторые интересные выводы американского ученого. Так, характеризуя этническое разнообразие внутри православия, историк обращается к прошлому грузинской автокефалии — примеру, подтверждающему процесс этнического дробления православного мира империи. П. Верт проводит интересные параллели между каноническими устремлениями грузинского духовенства, требовавшего установления автокефалии в 1902–1905 гг. и русского клира в 1905–1917 г., утверждая следующее: «Если для грузин уважение к канону означало восстановление территориальной автокефалии их церкви,

то русское требование санкции церковного собора было, судя по всему, не менее искренним»⁴. Интерес представляет и исследование американским ученым православно-христианской идентичности крещеных татар или крящен, образовывавшейся в результате отхода многих крещеных татар от комплекса «мусульманских и местных тюркских (“языческих”) практик, обусловивших их подчинение духовной власти церкви».

⁴ Верт П. Указ. соч. С. 92.

Обращение к работе Пола Верта, несомненно, полезно ученым, которые интересуются русской церковной историей: оно позволит преодолеть некоторую схематичность мышления современной отечественной историографии относительно проблем конфессиональной истории России, поможет обнаружить новые дискурсы научного понимания сложных процессов, происходивших в религиозной жизни России в имперский и советские периоды.

М. А. Киселев

КАК КОЛОНИЗИРУЮТ ИСТОРИЮ

Рецензия: *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: НЛО, 2013

В 2013 г. издательством «Новое литературное обозрение» был издан авторизованный перевод монографии 2011 г. Александра Эткинда «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России»¹, в которой автор претендует на создание оригинальной концепции особенностей и закономерностей развития Российского государства. Одно из ключевых положений работы Эткинда звучит так: «Ресурсная зависимость существовала в России задолго до нефти и газа <...> и эта зависимость сформировала саму ситуацию внутренней колонизации». Автор строит следующую цепочку рассуждений: «Представим себе страну, в которой есть какой-то ценный ресурс, например редкий металл, и нигде больше на всей земле этого металла нет. Цена на этот металл будет мало зависеть от труда, затраченного на его добычу. Цена на него будет зависеть от спроса, который формируется далеко за границей этой страны... В такой стране не будет работать многое, чему учит классическая политэкономия, например трудовая теория стоимости. Государство здесь не будет зависеть от налогообложения; наоборот, население такого государства будет зависеть от перераспределения до-

ходов, полученных монопольной торговлей данным ресурсом. У такого государства, наверное, множество врагов, а значит, возникнут серьезные издержки, связанные с безопасностью. Вместо обычных институтов налогообложения, решения конфликтов и политического представительства, в ресурсозависимом государстве сложится аппарат безопасности, необходимый для защиты транспортных путей и финансовых потоков, и появится административная система, которая перераспределяет материальные блага, оставляя себе нужную долю». Кроме того, Эткинд призывает читателя представить, что «исторически сложилось так, что государство контролирует гораздо больше территории, чем та, на которой добывается ресурс, и населения там гораздо больше, чем нужно для его добычи. Возникает два класса граждан: небольшая элита, которая добывает, защищает и торгует ценным ресурсом, и все прочие, чье существование зависит от перераспределения ренты с этой торговли. Такая ситуация создает жесткую структуру, похожую на кастовую» (с. 109–110)². Такой ресурсозависимой стране Эт-

¹ *Etkind A.* Internal Colonization. Russia's Imperial Experience. Cambridge, 2011.

² *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013. Здесь и далее страницы книги указываются в тексте в круглых скобках.

кинд противопоставляет страну трудозависимую, в которой «богатство нации создается трудом граждан. Тут нет другого источника благосостояния, чем конкурентоспособная работа населения. В этой экономике действует старая аксиома: стоимость создается трудом. Государство облагает этот труд налогом и не имеет других источников дохода» (с. 111).

Итак, согласно А. Эткинду, Московское государство было не трудозависимым, а ресурсозависимым. Обосновывая его зависимость от торговли мехом, Эткинд дает следующие экономические подсчеты: «По данным, которые приводит историк сибирской пушной торговли Олег Вилков (1999), всего в Сибири за 1621–1690 годы было добыто более 7 миллионов соболей. <...> Дженет Мартин <...> считает, что одна соболиная шкура в конце XVI века в Москве стоила 1 рубль. Если взять за основу наименьшие цифры, получится, что доходы от торговли соболем могли составлять 50–100 тысяч рублей в год. Российские источники оценивают доход от торговли пушниной в одну четверть валового дохода Московского государства, но американский ученый (Н. R. Fisher. — М.К.) приводит более правдоподобную долю в 10 %... а советский исследователь (П. Н. Павлов. — М.К.) — в 20 %» (с. 122). Итак, сам Эткинд признает, что формирование 10 % доходной части бюджета Московского государства от торговли пушниной — это наиболее правдоподобная оценка. Естественно, должен возникнуть вопрос: а как формировались остальные 90 %

доходов бюджета? Эткинд не дает никаких комментариев. В то же время в соответствующих работах историков можно найти ответ: остальные 90 % формировались за счет прямых и косвенных налогов. Например, длительная Ливонская война сопровождалась немалыми издержками для Московского царства, и правительство Ивана IV изыскивало необходимые средства отнюдь не в сфере меходобычи, организуя, например, походы за соболем в Сибирь, а в сфере налогообложения. Как показал еще Т. В. Абрамович на материалах Новгородских пятин, с 1552–1556 по 1588 г. номинальный размер податей вырос на 210 %, а реальный из-за инфляции на 68 %. При этом наиболее тяжелым для крестьянства был рост налогов в 1560-е гг., «когда реальная тяжесть податей, в связи с низкими ценами на хлеб, почти в 2,3 раза превысила норму 50-х гг.», что «послужило причиной массового бегства крестьян в эти годы с тяглых земель»³. Как номинальный, так и реальный рост налогов продолжался всю вторую половину XVI в. По подсчетам А. Л. Шапиро в 1552–1556 г. крестьяне в новгородских пятинах тратили на оплату государственных повинностей 8,7 % урожая, 1561–1562 гг. — 15,1 %, а в 1601–1602 гг. — уже 30,2 %⁴. В борьбе за налоги правительство регулярно сокращало льготы привилегированных

³ Абрамович Г. В. Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI — первой четверти XVII века // История СССР. 1972. № 3. С. 79.

⁴ Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.). Л., 1987. С. 104.

плательщиков и прежде всего церкви⁵. В то же время до начала 1580-х гг. правительство фактически не предпринимало активных действий для продвижения в Сибирь. В связи с этим показательны рассуждения Эткинда о продвижении Московского царства на восток: «Путь в Сибирь, страну соборей, лежал через Казань. Московские войска захватили ее в 1552 г., что стало поворотным моментом в истории российской колонизации. В 1581 г. Ермак с 800 казаками добрался до владений сибирского хана... Прямая связь открытия и освоения Сибири с пушным промыслом не вызывает сомнений» (с. 115–116)⁶. Если для Эткинда с его идеей ресурсной зависимости московское правительство было просто обязано двигаться в Сибирь⁷, то для самого московского

правительства ситуация была более сложной и неоднозначной. Хотя с 1571 г. сибирский хан Кучум перестал платить ясак и предпринимал враждебные действия в отношении Московского царства, московские войска не вторгались в его владения. Как отмечал А.А. Преображенский, «особые трудности завершающего этапа Ливонской войны настолько поглотили внимание правительства Ивана IV, что оно, не упуская из виду сибирский вопрос, рассчитывало сохранить на восточных рубежах status quo»⁸. Московское правительство, хотя и остро нуждалось в средствах, отнюдь не спешило продвигаться за мехами в Сибирь, и поход Ермака во многом оказался исторической случайностью с далеко идущими последствиями. Как писал о начале ермаковской экспедиции

⁵ См. напр.: *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947. Т. I. С. 122–144; *Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. I. С. 99–107.

⁶ Конечно, путь в Сибирь лежал не только через Казань (см. о путях в Сибирь в XVI в.: *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. I. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв. М., 1955. С. 72–111).

⁷ Интересно отметить, что А. Эткинд, руководствуясь своей *idée fixe*, например, объявил солепромышленников Строгановых «самыми успешными из сибирских пушных промышленников». При этом, похоже, главным аргументом в пользу того, что Строгановы были прежде всего пушными промышленниками, для Эткинда является наличие у них изображения двух соборей на гербе. Как пишет автор, «когда эти сибирские олигархи, родом из поморских крестьян, приобрели графское достоинство, щит на их гербе держали два соборей» (с. 131). Однако Строгановы не могли быть «сибирскими пушными промышленниками», так как их владения находились

в Европейской части России. Более того, главным источником богатств для Строгановых с XVI в. была добыча соли, а не торговля мехами, хотя и она присутствовала среди строгановских торговых операций, т.е. Строгановы были прежде всего солепромышленниками (см.: *Введенский А.А.* Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962; *Мезенина Т.Г., Мосин А.Г., Мудрова Н.А., Неклюдов Е.Г.* Род Строгановых: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2007). Герб с изображением соборей появился у баронов Строгановых еще в XVIII в. (Г.Г., А.Г., Н.Г. и С.Г. Строгановы были пожалованы баронским достоинством в 1722 г.), и лишь в XIX в. — у графской ветви, после того как Г.А. Строганов был пожалован в графское достоинство Российской империи в 1826 г. (Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Ч. 1. СПб., 1798. 1 отд., № 34; Ч. 10. СПб., 1836. 1 отд., № 12). Тем не менее, Эткинд, приводя в своей монографии изображение герба графов Строгановых, датирует его 1753 г. (с. 131).

⁸ *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII вв. М., 1972. С. 25.

А. Т. Шашков, «главными инициаторами этого похода были не Строгановы и уж тем более не государство, а сами казаки... С самого начала это был типичный разбойничий набег... который неожиданно для самих казаков привел к крушению грозного Сибирского “царства”»⁹. Таким образом, в политике московского правительства XVI в. нельзя обнаружить набор специфических характеристик, которые можно было бы однозначно связать с зависимостью от меховой торговли.

Схожие наблюдения по вопросу о будто бы существовавшей ресурсной зависимости Московского царства можно привести и для XVII в. По подсчетам П. Н. Павлова, в 1621–1630 гг. общая цена добытых соболей по сибирской цене составляла в среднем в год 83 тыс. руб., из которых государству досталось только 24,2 тыс. руб.¹⁰ Была ли эта сумма значима настолько, чтобы породить ресурсную зависимость? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо хотя бы для сравнения привести цифры других доходов. Так, в 1614 г., т.е. в один из последних годов Смуты, Нижний Новгород с уездом дал в казну 19547 руб. прямых и косвенных налогов. Уже в 1619 г. казна смогла получить с этого уезда 34708 руб., а в 1620 — 30548 руб.¹¹ Следовательно, один

Нижний Новгород с уездом давал казне в 1620 г. примерно столько же, сколько и доходы от сибирских соболей. Конечно, следует учесть, что Нижний Новгород с его ярмаркой был одним из важнейших торговых центров страны¹² и что другие уезды давали меньшие налоговые сборы. Так, Вологда с уездом давала в 1626 г. в казну 11662 руб., а восстанавливающийся после разорения Смутой Новгород Великий с уездом в 1625 г. — 10316 руб.¹³. Тем не менее, это были вполне сопоставимые с доходами от пушной торговли в это десятилетие суммы. При этом не следует забывать и об экстраординарных налогах, к которым московское правительство регулярно прибегало на протяжении всего XVII в. Пятинный сбор 1614/1615 г. по подсчетам С. Б. Веселовского дал от 175 до 200 тыс. руб.¹⁴ В 1638 г. правительство, не считая ординарных прямых и косвенных налогов, рассчитывало получить на военные нужды от экстраординарного прямого налога 129507 руб., из которых удалось собрать 72309 руб., не считая других прямых и косвенных налогов. Уже в 1639 г. государство повторило экстраординарный налог, рассчитывая получить уже 271703 руб.¹⁵ В то же время среднегодовая стоимость соболей по сибирской цене,

и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 17.

¹² *Веселовский С. Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. I. С. 37, 406–407.

¹³ *Миллюков П. Н.* Указ. соч. С. 17.

¹⁴ *Веселовский С. Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. С. 78.

¹⁵ *Миллюков П. Н.* Указ. соч. С. 49.

⁹ *Шашков А. Т.* Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581–1582 гг. // Известия Уральского государственного университета. 1997. № 7. С. 49–50.

¹⁰ *Павлов П. Н.* Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972. С. 106. У А. Эткинда П. Н. Павлов ошибочно обозначен как В. Н. Павлов (с. 400).

¹¹ *Миллюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия

поступавших в казну 1631–1640-е гг., составляла 46,1 тыс. руб.¹⁶, т. е. сбор от экстраординарных прямых налогов был более чем сопоставим с доходами от пушной торговли. Таким образом, цифры не подтверждают умозаключение А. Эткинда, что пушной промысел составлял «львиную долю государственного дохода» (с. 125). При этом не стоит забывать, что податное население помимо платежа налогов должно было регулярно отправлять те или иные повинности¹⁷. Отдельно стоит упомянуть о расходах. Так, год и два месяца Смоленского похода в 1632–1633 гг. обошлись казне примерно в 600 тыс. руб.¹⁸ Уже в 1654–1655 гг. военные расходы составили около 1,3 млн руб.¹⁹, в то время как среднегодовая стоимость соборей по сибирской цене, поступавших в казну 1631–1640-е гг., составляла 46,1 тыс. руб., а в 1651–1660-е гг. — 104,7 тыс. руб.²⁰ Очевидно, что за счет меховой торговли государство смогло бы покрыть не более 20% расходов на войну. Все остальные средства можно было получить только с населения в виде налогов. В связи с этим стоит вспомнить, что на так называемых Земских соборах в первой половине XVII в. регулярно обсуждались вопросы налогообложения и ведения войны²¹. Показательно, что представители правящей элиты свои основ-

ные доходы получали с зависимых от них крестьян в форме денежного оброка²², в то время как меховым промыслом в основном занимались представители полупривилегированных (гости, члены гостиной и суконой сотен, мелкие служилые люди) и непривилегированных групп (посадские и крестьяне)²³. Таким образом, Московскому царству были вполне присущи черты, приписываемые Эткиндом трудозависимому государству. Уже к 1680 г. доля сибирских доходов в бюджете составляла около 5%²⁴. Следовательно, даже в середине XVII в., когда казна в среднем в год начала получать более 100 тыс. руб. от сибирской пушнины, более 2/3 доходов государственного бюджета формировалось за счет прямого и косвенного налогообложения, а не за счет торговли мехами²⁵. Такая ситуация зеркально противоположна ситуации в современной российской экономике, где, по оценке Эткинда, «в 2005–2010 годах доля нефтегазовой отрасли в валовом национальном доходе России составляла около 10%, но в российском бюджете ее роль значительно

Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 216–260.

²² См.: Кошелева О. Е. Бояре и их деньги в XVII в. // PALEOBUREAUCRATICA: Сборник статей к 90-летию Н. Ф. Демидовой. М., 2012.

²³ См.: Павлов П. Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974. С. 52–64, 106–162, 182–194.

²⁴ Акишин М. О. Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов как исторический источник // Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. Новосибирск, 2000. С. 56.

²⁵ Ср.: «Даже во второй четверти XVII в. сибирская пушнина едва ли составляла четверть государственного дохода» (Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. С. 102).

¹⁶ Павлов П. Н. Указ. соч. С. 106.

¹⁷ См. напр.: Лапто-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 362–402.

¹⁸ Миллюков П. Н. Указ. соч. С. 47.

¹⁹ Там же. С. 57.

²⁰ Павлов П. Н. Указ. соч. С. 106.

²¹ См.: Лапто-Данилевский А. С. Указ. соч. С. 278–279; Черепнин Л. В. Земские соборы

больше — 60–75 %» (с. 124). Безусловно, меховые доходы были важны для бюджета Московского государства XVI–XVII вв. Тем не менее, государство получало свои основные доходы прежде всего за счет организации прямого и косвенного налогообложения, и, как, например, показал С. Б. Веселовский в отношении сошного письма, правительство было готово тратить на него существенные организационные ресурсы²⁶.

Конечно, можно еще продолжить экскурсы по истории налогообложения в Московском государстве XVI–XVII в. Однако приведенных данных достаточно, чтобы прийти к выводу, что концепция Московского царства как ресурсозависимого государства является неверной. В связи с этим следует еще процитировать весьма оригинальное суждение А. Эткинды об экономических предпосылках Смуты: «Мы знаем, чем кончилась ресурсная зависимость: Смутным временем. Истощение пушного зверя в России и спад международного спроса на него <...> вызвали экономический кризис, за которым последовала череда религиозных, военных и династических конфликтов» (с. 138). Принимая во внимание имеющиеся данные об аграрном кризисе 70–90-х гг. XVI в.,²⁷ такие бездоказательные умозаключения можно определить только как издевательство над здравым смыслом. Однако, учитывая крайне низкий уровень знания Эткиндою истори-

ческих источников и исследований по социально-экономической истории России, продемонстрированный во «Внутренней колонизации», этому едва ли следует удивляться²⁸.

Примерно столь же обоснованными являются рассуждения А. Эткинды о процессах «внутренней колонизации» при Петре I, когда сибирские меховые богатства иссякли и правительство обратило колонизационные приемы управления вовнутрь страны. Первым символическим актом внутренней колонизации оказалось введение бритья бород. По мнению Эткинды, «бороды брили с разбором. Дворяне должны были быть чисто выбриты, духовенство и крестьяне сохранили бороды, а мещане остались в пределах “серой зоны”, где правила постоянно менялись. Целью

²⁸ Характерная деталь: А. Эткинд пишет, что «в 1560–1570-х гг. объемы» торговли пушным между Москвой и Европой «резко упали, что совпало с началом инфляции, продолжавшейся все Смутное время» (с. 126). В качестве источника о развитии инфляции в Московском государстве XVI в. Эткинд использовал работу В. О. Ключевского «Русский рубль XVI–XVIII веков в его отношении к нынешнему», которая впервые была издана в 1884 г. Однако, как отмечал А. Г. Маньков еще в 1951 г. в классической монографии о ценах в Московском государстве XVI в., «работы В. О. Ключевского и Н. А. Рожкова <...> в настоящее время безнадежно устарели и неприемлемы для нас ни по своим принципиальным установкам, ни по своей методологии. Столь же неудовлетворительны и приемы статистической обработки, примененные Ключевским и Рожковым. <...> Фактический материал о ценах, собранный обоими авторами, крайне беден, спорадичен и неоднороден по содержанию» (Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.–Л., 1951. С. 7). Однако в отличие от этюда Ключевского монография Манькова не была использована Эткиндою во «Внутренней колонизации».

²⁶ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. I. М., 1915; Т. II. М., 1916.

²⁷ См. прежде всего: Калычева Е. И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987.

петровских указов было не обрить всех мужчин, а создать очевидные, подобные расовым, различия между ними: сделать сословные различия видимыми» (с. 156). При этом автор не приводит никаких ссылок на источники, которые бы подтвердили наличие «расового» мотива при введении бород. Если же обратиться к источникам, то можно выяснить, что по указу от 16 января 1705 г., в котором впервые вводилась норма о бритье бороды, «царедворцам», а также «всяких чинов служилым и приказным людям» позволялось продолжать носить бороду при условии уплаты пошлины²⁹. Более того, как показывает Е. А. Акельев, мода на брадобритие имела распространение среди придворных еще в 80–90-е гг. XVII в. и «к 90-м гг. XVII в. мода на брадобритие затронула уже широкие круги горожан»³⁰, т. е. еще до первой европейской поездки Петра I. Уже по указу от 17 декабря 1713 г. было предписано обязательное бритье для городских жителей (а не только для дворян). Показательна судьба такой петровской попытки заставить бриться всех жителей города: она не удалась. Несмотря на наличие монаршей воли (Петра I, Екатерины I, Елизаветы Петровны), многие жители городов продолжали ходить бородатыми, а местные чиновники — закрывать на это глаза³¹. При этом следует отметить, что

²⁹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 4. № 2015. С. 282.

³⁰ Акельев Е. А. Из истории введения брадобрития и «немецкого» костюма в петровской России // *Quaestio Rossica*. 2013. № 1. С. 96.

³¹ См.: Акельев Е. В., Трефилов Е. Н. Проект европеизации внешнего облика подданных в России первой половины XVIII в.: замысел и реализация // *Феномен реформ на западе*

в «Истории Свейской войны», этой официальной петровской истории, было записано, что в 1699 г. Петр I «за благо разсудил старинное платье российское (которое было на подобие польского платья) отменить, а повелел всем своим подданным носить по обычаю европейских христианских государств, такожде и бороды повелел брить»³². Борода и ее судьба в имперской России — это не символ конструирования некоей «расы», это символ как мечты о тотальной европеизации подданных, так и неспособности ее реализовать.

Конечно, разбирая тот набор ошибок, спорных и подчас неверных интерпретаций и выводов, содержащихся в книге А. Эткинды, можно написать целую книгу. Принимая во внимание ограниченный объем статьи, остановимся только на одном эпизоде из монографии Эткинды, который наиболее близок к нашим профессиональным интересам. Это анализ взглядов В. Н. Татищева на возникновение государства.

Приступая к характеристике татищевских идей, А. Эткинда отмечает, что «жизнь и творчество Татищева схожи с биографией его французского современника и коллеги, Анри де Буленвилье» (с. 71)³³. Автор полагает

и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / Под ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой. СПб., 2013.

³² История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т. С. Майкова, под общ. ред. А. А. Преображенского. Вып. 1. М., 2004. С. 201.

³³ Отдельно следует упомянуть об ошибках А. Эткинды в биографии В. Н. Татищева. По Эткинду он «подавлял бунты

старообрядцев на Урале» (с. 70), чего не могло быть за отсутствием оных (см. о непротестных взаимоотношениях Татищева и старообрядцев: *Покровский Н. Н.* Антифеодалный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 67–108; *Пихоя Р. Г.* Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII – XVIII в.). Свердловск, 1987. С. 193–199). Равным образом Татищев не был «первым российским автором, опубликовавшим “Повесть временных лет”» (с. 70). Как известно, при жизни Татищеву удалось опубликовать только статью о «О мамонтовой кости, то есть о костях зверя, называемого русскими мамонтом». Ее первое издание вышло на латинском языке в 1725 г. в Швеции (*Валк С. Н.* О составе издания // Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979). Впервые отрывок из «Повести временных лет» был опубликован на немецком языке Г. Ф. Миллером в Петербурге в 1732 г. в «Sammlung Russischer Geschichte» (*Каменский А. Б.* Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) // Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 377–378. См. также: *Винтер Э. И. В.* Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732) // XVIII век. Сб. 4. М.; Л., 1959). Первое издание «Повести временных лет» на языке оригинала вышло только в 1767 г., во многом благодаря деятельности И. И. Тауберта и И. С. Баркова (см.: *Жуляк Е. С., Соколова Н. В.* И. С. Барков – ученик Ломоносова // Ломоносов: Сборник статей и материалов. [Сб.] VI. М.; Л., 1965). Первый том татищевской «Истории Российской» был издан в 1768 г. Впрочем, все эти мелочи меркнут перед другим «открытием» Эткинда, согласно которому «на век Татищева выпали три больших войны со Швецией, одна из которых закончилась поражением, а две другие – победой» (с. 72). Как давно известно исторической науке, в годы жизни Татищева, т. е. с 1686 по 1750, было две русско-шведских войны – в 1700–1721 и 1741–1743 гг. Третья (тайная?) война известна только Эткинду. Впрочем, крайне важное обращение с фактами биографии проявилось не только в отношении Татищева. Так, Эткинд превратил генерала М. Ф. Орлова в «бунтовщика и каторжника» (с. 69), хотя последний не принимал участия в восстании декабристов 1825 г., а также не был на каторге, хотя и подвергся временному заключению в Петропавловскую

ет, что «Буленвилье дал научное обоснование прав завоевателя», и что «Татищеву тоже нравилась идея, что Российское государство было основано завоеванием». Продолжая реконструировать взгляды В. Н. Татищева, автор приходит к выводу, что Татищева «смущало, что предполагаемые завоеватели, варяги, были предками нынешних врагов России, шведов» (с. 72). Итак, Татищев – сторонник концепции основания государства в России через завоевание, должен был думать о варягах как о завоевателях. Соответствующим образом, согласно Эткинду, «как и мы, если не еще сильнее, Татищев воспринимал историю о варягах как парафраз гоббсовского “Левиафана”». При этом автор отмечает, что «ко времени Татищева идеи Гоббса достигли России благодаря трудам немецкого философа Самуэля фон Пуфендорфа» (с. 74). Эткинд пишет: «Посвящая теории одну из глав своей “Истории российской”, Татищев ссылается на Макиавелли, Гоббса, Локка, Вольфа и Пуфендорфа. Из всего этого в русском переводе был доступен только труд Пуфендорфа, <...> опубликованный в 1724 г.» (с. 75)³⁴. Таким образом, Эткинд

крепость (См.: *Боровой С. Я.* М. Ф. Орлов и его литературное наследие // Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963; *Павлова Л. Я.* Декабрист М. Ф. Орлов. М., 1964).

³⁴ В оригинальном английском тексте А. Эткинд пишет более определенно: «В теоретической главе “Истории Российской” Татищев ссылается на Макиавелли, Гоббса, Локка, Вольфа и Пуфендорфа. Он восхищался Христианом Вольфом больше, чем другими, но только Пуфендорф был доступен в русском переводе, и Татищев зависел от него (relied on him)» (*Etkind A.* Op. cit. P. 50). При этом отметим, что из текста Эткинда непонятно, какой именно перевод Пуфендорфа

фактически пишет, что Татищев познакомился с гоббсовскими идеями через Пуфендорфа и, более того, сочинение Пуфендорфа было единственным доступным для Татищева трактатом перечисленных авторов. Однако, обращаясь к тексту татищевской «Истории Российской», автор отмечает, что «Татищев начинает свою политическую философию не с коллективного опыта гоббсовской “войны всех против всех”, а с идиллической идеи брачного союза» (с. 75–76). Кроме того, по Эткинду, Татищев «утверждал, что славяне произошли от амазонок – женщин-воительниц... В историческом воображении Татищева эти амазонки, предки русских, играли особую роль. В соответствии со своей идеей брака как образца договорных отношений он полагал, что договор между викингами и славянами был браком, в котором викинги играли мужскую, а славяне – женскую роль» (с. 76).

Получается, что В.Н. Татищеву, как поклоннику «Левиафана» Т. Гоббса (усвоенного через С. Пуфендорфа), нравилась идея происхождения Российского государства через завоевание. Однако он, хотя и воспринимал появление Рюрика в российской истории через призму

читал Татищев, так как в указанный Эткиндом 1724 г. в России Пуфендорф не издавался. При жизни Петра I вышло два издания пуфендорфовского «Введения в историю европейскую» – в 1718 и 1723 гг. (Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г. / Сост. Т.А. Быкова и М.М. Гуревич. М.: Л., 1955. С. 320, 412–413), а уже после смерти императора в 1726 г. был напечатан юридический трактат немецкого философа (См.: *Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному*. СПб., 1726).

«Левиафана», почему-то не имел возможности продемонстрировать соответствующую идею на материалах источников, и вместо этого использовал «брачную модель государства», поживив викингов и амазонок и, таким образом, примирив «Рюрика с Гоббсом и Пуфендорфом»: «Гоббс отличал государство, основанное на “установлении”, от основанного на “приобретении”. В первом случае имеет место добровольное соглашение между членами общества, во втором – завоевание извне. <...> В то же время уравнивание этих двух типов государств дает Гоббсу возможность нейтрализовать расовое наследие норманнского завоевания... Татищев понимал логику “Левиафана” достаточно хорошо, чтобы почувствовать схожий миротворческий потенциал в “Повести временных лет”. Добровольное приглашение заграничного суверена объединяет оба гоббсовских типа государства... Наемник становится князем, приглашающая сторона переходит в подданство, а идея добровольности позволяет этому договору сохранить легитимность. Эта комбинация нейтрализует расовую модель Российского государства, в котором варяги-Рюриковичи доминировали над поработанными славянами» (с. 77).

Прежде всего возникает вопрос: а почему Т. Гоббс? Потому, что его идеи можно было почерпнуть из русских изданий С. Пуфендорфа? Однако, во-первых, не следует забывать, что в XVIII в. переводы могли циркулировать не только в виде печатных изданий, а и в виде рукописей. Например, во второй половине 1720-х гг. был переве-

ден «Второй трактат о правлении» Дж. Локка, и до нашего времени дошло как минимум три списка³⁵. Более того, автором перевода Локка был А. Ф. Хрущов³⁶, отправленный по просьбе Татищева с ним на Урал в 1734 г. в качестве его заместителя³⁷. Во-вторых, необходимо понимать, что «птенцы гнезда Петрова» могли обращаться не только к русскоязычным текстам, но и к изданным на других европейских языках. Например, В. Н. Татищев хорошо владел немецким языком и именно книги на немецком языке, включая трактаты Х. Вольфа, С. Пуфендорфа, В. Секендорфа и Х. Томазия, в основном и были представлены в татищевской библиотеке³⁸. Следовательно, факт публикации Пуфендорфа на русском языке отнюдь не означал, что Татищев должен был автоматически стать сторонником всех мыслей из этого сочинения. Очевидно, что для определения

идейных симпатий Татищева необходимо обратиться непосредственно к татищевским текстам. В самом первом абзаце первой части «Истории Российской» Татищев, рассуждая о причинах событий, делал следующую отсылку: «Причины же всякому приключению разные, яко от Бога или от человек, что здесь, яко довольно сказанное, пространнее толковать оставляю. Но любопытному ко изъяснению сего Физика и Мораль господина Вольфа могут достаточное изъяснение подать»³⁹. Кроме того, когда историк задался вопросом о своих идейных симпатиях, он прямо заявил: «Что касается до начала сообществ, порядков, правительств и должностях правителей и подданных <...> по моему мнению, Христиан Вольф лутче протчих, т. е. кратко и внятно, передал». Что же до гоббсовского «Левиафана», то его Татищев отнес к разряду «книг непотребных», которые «более вредительные, нежели полезные»⁴⁰. В вопросе происхождения государства татищевские симпатии находились на стороне Вольфа, которого он сам именовал «преславным философом»⁴¹, а не на стороне Гоббса и Пуфендорфа.

В связи с этим отметим, что в библиотеке В. Н. Татищева присутствовали вольфовские «Разумные мысли об общественной жизни людей и в особенности о государстве» (*Vernünftige Gedanken von der*

³⁵ См. об этом переводе: *Круглов В. М.* Русский рукописный перевод 1720-х гг. второго трактата о правлении Джона Локка // *Известия Академии наук. Сер. Литературы и языка.* 2003. Т. 62. № 5.

³⁶ См. об А. Ф. Хрущове: *Николаев С. И.* Хрущов Андрей Федорович // *Словарь русских писателей XVIII в.* Вып. 3 (Р-Я) / Отв. ред. А. М. Панченко. СПб., 2010. С. 375–377.

³⁷ *Киселев М. А.* Проект Горного и заводского устава В. Н. Татищева: от замысла до реализации // *Известия Уральского федерального университета.* Сер. 2 «Гуманитарные науки». 2012. № 4 (106). С. 39.

³⁸ См.: *Астраханский В. С.* Каталог екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева 1737 г. // *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1980. Л., 1981; Каталог книг В. Н. Татищева и первой библиотеки Екатеринбурга в фондах Свердловского областного краеведческого музея / Сост.: А. М. Сафронова, В. Н. Оносова; общ. ред. и вступ. ст. А. М. Сафроновой. Екатеринбург, 2005.*

³⁹ *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 1. История Российская. Ч. 1. Репринт с изд. 1962 г. М., 1994. С. 79.

⁴⁰ Там же. С. 359.

⁴¹ *Татищев В. Н.* 1) *Избранные труды по географии России.* М., 1950. С. 211; 2) *Избранные произведения.* Л., 1979. С. 382.

Menschen Thun und Lassen. Halle, 1721)⁴². Если сопоставить рассуждения Х. Вольфа об образовании обществ и государств из этого сочинения с соответствующими рассуждениями Татищева из так называемой теоретической главы «Истории», то можно прийти к выводу, что Татищев фактически пересказывал вольфовские идеи. Как отмечал Б.Н. Чичерин, Вольф строил свое учение об обществе на нравственных обязанностях человека. Он так описывал вольфианские взгляды на образование общества: «Так как деятельность на пользу других и совершенствование своего собственного состояния невозможны без общежития, то человек обязан соединиться с другими для взаимной пользы. Такое соединение называется обществом, которое поэтому не что иное, как договор нескольких лиц о достижении своей пользы совокупными силами. Общая польза или общественное благо составляет, следовательно, цель всякого общежития»⁴³. Татищев, вполне в духе Вольфа, заявлял: «Не только правила мудрости гражданской, но самое естество нас учит, что человек единственный совершенную себе пользу, удовольствие и спокойность приобрести недостаточен, ниже приобретенное сохранить способен»⁴⁴. Вольф, рассуждая об образовании обществ, в качестве первого указывал на супружеский союз, основанный на отношениях мужчины и женщины.

⁴² Астраханский В. С. Каталог екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева 1737 г. С. 33.

⁴³ Чичерин Б. Н. История политических учений. СПб., 2006. Т. 1. С. 617.

⁴⁴ Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 1. С. 359.

Далее, как отмечал Чичерин, согласно Вольфу, «из отношений родителей к детям образуется второе общество — отеческое. <...> Третье простое общество есть общество господское. Оно образуется вследствие того, что человек, живущий своим трудом, вступает в услужение к другому. <...> Из трех означенных обществ различными путями образуется сложный союз, который называется домом. <...> Домашний союз не в состоянии, однако, удовлетворить всем требованиям общежития. Совершенство жизни влечет за собою многообразные занятия, которые должны распределяться между гораздо более значительным количеством людей... Кроме того, необходимо и ограждение от внешних нападений, а отдельный дом сам себя защищать не в состоянии. Поэтому дома соединяются в более обширный союз, который называется государством»⁴⁵. Схожим образом Татищев, обосновав утверждение, что «человек един бесполезен», переходил к рассмотрению «супружеского сообщества», затем — к «правительству отеческому и сообществу родовому». Далее, по мнению Татищева, «единодомовные или хозяйские сообщества не могли долго в спокойности и безопасности быть, ибо как оных умножилось, так зависть, ненависть и злость в сердцах нечестивых возрасла... то нужда требовала к обороне и засците от таковых наглостей силу присовокуплять и разным домам, совокупясь, укрепясь оградю, и сие от ограждения град имяновали. Другая причина совокупления домов от потребностей,

⁴⁵ Чичерин Б. Н. Указ. соч. С. 617–619.

<...> для того разных промыслов и ремесл люди совокупились, дабы всяк свободно потребное себе в близости достать и своим промыслом других довольствоваться, яко же и сам потребное получить в близости мог, и *все общче о пользе и засчите всего сообщества обязались, чрез что гражданство начало возимело* (выделено нами. — М.К.)⁴⁶. Таким образом, возникновение городов Татищев связывал как с проблемой защиты от насилия, так и развития «промыслов и ремесл», а гражданства — с пользой и защитой сообществ. Далее, рассуждая, что «никакое сообщество без начальства, а начальства без преимущества и власти быть не может», Татищев указывал, что «потому и в гражданстве явилась нужда для распорядка правления и повеления иметь начальство». При этом «начальство» появилось, когда «должно и нужно было для всякого совета, суда или разсуждения всем сходиться и общчим согласиём решить и определять, которое в малых селениях весьма общчим согласиём». Уже после этого, когда «частое собиране хозяевам стало быть в их домодводстве и промыслах препятствие, а разные умы и намерения скорому решению превреждали, особливо как селения многолюдны стали,

⁴⁶ Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 1. С. 361. Показательно, что С.Л. Пештич, комментируя татищевские взгляды на возникновение городов, на первое место выставлял «не ремесло, а, применяя современную терминологию, социальное обстоятельство», т.е. «злость» как «начало градов» (Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 150–151), хотя сам Татищев не проводил такой четкой градации, и обе причины возникновения городов у него были движимы стремлением человека к пользе.

<...> принудило оное правление пременить, а выбрав неколико способнейших, к правлению определить». Это привело к появлению «аристократии», второго типа из трех «правительств» (третий — монархия), которые «почитаются за порядочные и к сохранению общчей пользы по состоянию областей удобнейшия»⁴⁷. Очевидно, что такие рассуждения как Вольфа, так и Татищева отличались от суждений С. Пуфендорфа, который связывал появление государства исключительно с необходимостью пресечения насилия: «Видится же яко оные (домовладельцы. — М.К.) оставивше житие уединенное, в великия содружества сего ради наипаче совокупишася: егда познаху, яко различныя между сожителю распри начаша раждатися, и ко умирению и разсуждению оружия и силы употребляти, и отсюду аки от источника безчисленныя зла в человецех умножатися. Сохранения убо ради мира и покоя, за благо изобретено, да бы оныя распри к единому разумнейшему и искуснейшему человеку в недалеких местех живущему доношены бывали. Разсуждаху такожде, умножающуся еже день роду человеческому, злых людей своевольство и насилие, да бы <...> человека единого с женою его и детми <...> не возмogli утеснити, дружество между собою начаша имети людие... Еже да бы чинено и искусно творитися могло, высочайшее в содружестве началство тому вручаху, который разумом и добродетелию иных превосхождаше»⁴⁸. Писал

⁴⁷ Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 1. С. 361–362.

⁴⁸ Пуфендорф С. Введение в историю европейскую. СПб., 1718. С. 1–2.

Пуфендорф и про завоевания: когда в древности «великия и широчайшыя Государства насташа, частью яко человецы дружество владения с иными восприимаху, частью же насилно от сильнейших покорены»⁴⁹. Таким образом, возникновение государства для Татищева было связано не столько с насилем (про завоевание Татищев вообще ничего не писал), сколько с объединением людей для своего блага. В связи с этим возникает вопрос: почему Эткинд фактически априорно объявил Татищева сторонником Гоббса? Скорее всего, именно причисление Татищева к поклонникам идей Гоббса о возникновении государства позволяет Эткинду заниматься глубокомысленными размышлениями на «колониальную» тематику: «Версия (Пуфендорфа. — М.К.) гоббсовской идеи договора-завета оправдывает насилие со стороны суверена тем, что в его отсутствие подданные прибегнут к еще большему насилию. <...> Постколониальным исследователям хорошо знакома ситуация, в которой завоеватель стремится превратить захват в договор» (с. 75).

Отдельно стоит остановиться на амазонках, викингах и Рюрике. По А. Эткинду, В.Н. Татищев писал об амазонках, которые были народом женщин-воительниц. Прежде всего, следует отметить, что Татищев писал не о амазонках, а о амазонках, и эта разница в одну букву для понимания татищевских взглядов немаловажна. В известном «Лексиконе» Татищев дал следующее

⁴⁹ Там же. С. 3.

определение: «Амазоны, народ был славенский и весьма славной у всех древних, но иногда с примножением баснословей воспоминаем. Они перво жили в Африке, потом в Сирию и Финикию перешли... Оной после в Европу через Днепр перешед, имя оное оставили»⁵⁰. В «Истории» он отмечал, что, «о амазонах все, что ни есть у древних сказывателей, многими баснями наполнено»⁵¹. Саму же идею, что под именем амазонов скрывались славяне, согласно Татищеву, выдвинул Феофан Прокопович: «Он о амазонах, что были славяне, со многими от древних доводы книжицу сочинил и <...> Петру Великому в 1724-м поднес, в которой <...> положил, что как за недостатком мужескаго наследия царствовали над ними жены или дочери государей, а по словенскому древнему наречию имянованы сама жена. Из сего греки по их обычаю, оставя букву начальную С, а в конце, не имея буквы Ж, вместо оное положили Z и зделали амазона и всех подданных амазони назвали. Но греки, сие имя разумея за согласное в их языке жена бес титьки и весь народ женами быть разумели». Вполне возможно, что Прокопович поднес Петру I такую книгу с определенными политическими мотивами: чтобы дать историческое обоснование права женщин на наследование престола. Татищеву исторические рассуждения Прокоповича понравились и были использованы в «Истории Российской». При этом Татищев относил к «басням» следующие ут-

⁵⁰ Татищев В.Н. Избранные произведения. С. 161.

⁵¹ Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 1. С. 149.

верждения: «1) будто бы для удобнейшего из луков стреляния титьку прижигали; 2) с соседями единою в год любодействуя, чреватели... 3) рожденных мужеск пол побивали, а женск воспитывали и пр.»⁵². Как видно из вышеизложенного, для Татищева амазоны не были народом женщин-воительниц, и, конечно же, он нигде не пишет о некоем браке викингов и амазонок. Более того, к моменту прибытия Рюрика это имя уже стало достоянием истории. Что же касается Рюрика, то важно отметить, что Татищев не связывал с ним возникновение государства у славян. Согласно «Истории Российской» славяне «всегда имели самовластных государей, как Геродот и Страбон воспоминают. И сие по состоянию их для приобретения общей пользы и славы, и сохранении спокойности и безопасности весьма им было нужное и лучшее правительство, которое чрез много сот лет ненарушимо сохранили... По пришествии славян в Русь из Вандалии были славенские государи; когда же оное колено мужеска рода пресеколось, то по женскому варяжский Рюрик, наследственно и по завещанию престол русский прияв, наипаче самовластие утвердил»⁵³. Таким образом, для Татищева появление Рюрика – наследника Гостомысла, а не наемника, положило начало новой династии, а отнюдь не государству.

Приходится констатировать, что взгляды В. Н. Татищева, изложенные им в «Истории Российской», имеют мало общего с взглядами

Татищева в изложении А. Эткинда. Факты биографии, идейные предпочтения и представления первого в монографии последнего подверглись существенным искажениям. Впрочем, как показывает рецензия А. Н. Круглова, такая участь у Эткинда постигла не одного Татищева⁵⁴. В связи с этим будет вполне уместно вспомнить отклик М. Г. Ярошевского на статью Эткинда о Л. С. Выготском, опубликованный еще в 1993 г.: «При всем богатстве эрудиции и оригинальности возникающих у автора аллюзий, при всем многоцветье мелькающей перед взором читателя исторической ткани всё это богатство оказывается подчиненным предвзятой гипотезе, не выдерживающей испытания фактами»⁵⁵. Таким образом, вполне возможно, что дело не в трудности понимания текстов Татищева или И. Канта, а в изначальных исследовательских установках, наличествующих у Эткинда.

Подводя итог, вслед за А. Н. Кругловым следует сказать, что «такой систематической недобросовестности и откровенной халтуры мне уже давно не встречалось»⁵⁶. При этом такая «систематическая недобросовестность» отнюдь не обусловлена тем, что автор затрагивает сюжеты, которые никем прежде не рассматривались. О биографии и взглядах

⁵⁴ Круглов А. Н. Кант и «внутренняя колонизация России» (рецензия на книгу Эткинда А. М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. перевод с англ. В. Макарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.) // Кантовский сборник. 2013. № 4 (46).

⁵⁵ Ярошевский М. Г. Л. С. Выготский – жертва «оптического обмана» // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 56.

⁵⁶ Круглов А. Н. Указ. соч. С. 98.

⁵² Там же. С. 315–316.

⁵³ Там же. С. 366.

В.Н. Татищева, И. Канта, о социально-экономическом развитии и прямых и косвенных налогах Московского царства, о колонизации Сибири написаны десятки, если не сотни специальных работ. «Систематическая недобросовестность» обусловлена тем, что автор благополучно игнорирует такие работы, не говоря об обращении к источникам. Для профессионального историка данный подход представляется недопустимым. В то же время при чтении монографии А. Эткинда складывается устойчивое ощущение, что для автора неважно, что он пишет, а важно, как пишет. Использование правильных понятий из арсенала постколониальных исследований создает положительную репутацию в глазах коллег по дискурсу, а поверхностные аналогии с современ-

ной Россией обеспечивают интерес околонушной публики. Такая ситуация наводит на определенные размышления о том, чему посвящена эта книга. Она посвящена не истории России, а пространству изучения истории России, которое колонизируется самим Эткиндом, и в ходе этой колонизации ему не особо интересно знать мнение аборигенов. Что же до получившегося у Эткинда результата, то для него вполне подойдет формула «наука минус наука», с помощью которой А.Г. Козинцев охарактеризовал работу М. Могильнер⁵⁷, коллеги Эткинда по дискурсу.

⁵⁷ Козинцев А.Г. Рец. на: Могильнер М. Homo impregii. История физической антропологии в России. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с. // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 429.

М. С. Фабрикант

Рецензия: *Jankowski T.* Eastern Europe! Williamstown, MA: New Europe Books, 2013. 624 p.

В последние десятилетия скептическое отношение к «большим нарративам» существенно потеснило макроисторию как жанр с прежних позиций в академической историографии. В то же время растущий массовый интерес к прошлому как источнику причин, ролевых моделей и просто занимательных сюжетов создал повышенный спрос на популяризацию истории отдельных периодов, стран, регионов, массовых движений и сфер повседневной жизни. К числу таких тематических повествований с высоты птичьего полета, рассчитанных на широкую, преимущественно непрофессиональную аудиторию, однако написанных профессиональными историками, относится рецензируемая книга.

Иллюстрация на обложке одновременно вызывает интерес и кажется недостаточно серьезной для шестисотстраничной книги: улыбающаяся ярко-красная матрешка с почему-то зелеными пятиконечными звездочками вместо глаз верхом то ли на зубре, то ли на корове зависла в прыжке или в шагаловском полете. Сзади под ней – стилизованный пейзаж восточноевропейского местечка, спереди – высотные дома современного космополитического города. Однако, несмотря на эту символику, история Восточной Европы в представлении автора – это не история модернизации или, тем более, вестернизации. В отличие

от многих национальных историй восточноевропейских стран, а также некоторых международных историй этого региона (среди наиболее широко обсуждавшихся в последнее время – «Кровавые земли» Тимоти Снайдера), рецензируемая книга не выстраивается вокруг какой бы то ни было обобщенной идеи, сущности или обобщающей метафоры Восточной Европы. Вместо этого автор подчеркивает исключительное многообразие предмета своего повествования. Ставя себя на место неподготовленного читателя, автор вначале изображает Восточную Европу такой, какой она представляется извне, – как скопление и подчас смешение множества этнонациональных образований, языков, труднопроизносимых имен собственных, переплетение постоянно меняющихся границ и, при всем этом, неизменная включенность региона в общеевропейскую и общемировую логику событий. Многообразие, сложность предмета и неадекватность простых обобщений – очевидные препятствия на пути к любого рода популяризации – автор отказывается воспринимать как препятствия и вместо этого превращает их в катализаторы интереса к выбранной теме и обоснования ее значимости. Вместо объяснимого, особенно для инсайдера, намерения донести до читательской аудитории определенное видение Восточной Европы – например, саму не столь

беспорную идею ее «европейскости», — Томек Янковский ставит общую просветительскую задачу — и в целом с этой задачей справляется блестяще.

Одна из ключевых составляющих успешной реализации авторского замысла — нетипичный для популярной исторической литературы эксплицитный и последовательный отказ от анахронизмов. Прежде всего это проявляется в отказе автора идти на поводу у национальных историографических канонов, с их неизбежным, пусть даже «банальным» (в терминологии М. Биллига) национализмом. Изначально обозначая свою историю как историю государств — наиболее универсальных, по мнению автора, исторических образований — Янковский указывает на изменчивость не только государственных границ, но и смысла государственности в разные эпохи и, правда, не вдаваясь в теорию, специально отмечает относительно недавнее появление национальных государств современного типа. Рождение Восточной Европы в рецензируемой книге отсчитывается с падения Западной Римской империи, которое эффектно подается как крушение цивилизации, и заканчивается 1992 г. В освещении событий этого впечатляющего по своей продолжительности временного отрезка главы воспроизводят конвенциональную периодизацию европейской (не специфически восточноевропейской) истории, а разделы внутри глав — государственные образования, различные для исторических реалий каждого периода. Впечатление многообразия тем самым усиливается — от раннесредне-

вековых племенных образований до стран, возникших после распада Советского Союза, Чехословакии и Югославии. Избегание анахронизма настолько последовательно, что подчас побуждает автора посвящать специальные разделы не только реально или потенциально существовавшим, но и воображаемым государствам: например в главе, посвященной долгому (по выражению автора «очень-очень долгому») XIX в., пангерманизму и панславизму посвящено ненамного меньше внимания, чем Германской или Российской империи. Вместе с тем рассказ о трансформациях восточноевропейских государств остается пестрым и не превращается в историю восточноевропейской государственности.

Еще одна успешно решенная автором рецензируемой книги задача — пожалуй, даже более сложная, чем избежание анахронизмов, — сохранение паритета в освещении истории различных восточноевропейских государств. Нежелание отдавать предпочтение одним государствам за счет других приводит к тому, что внутри каждой главы разделы имеют примерно одинаковый объем независимо от величины государственных образований, о которых идет речь в конкретном разделе. Стремление к беспристрастности в сочетании с отказом от националистических анахронизмов периодически побуждает автора дополнительно усложнять повествование сопоставлением различных современных трактовок оспариваемых исторических реалий. Например, Янковский — поляк по национальности — детально разбирает претензии различных

современных стран на культурное наследие Адама Мицкевича и предлагает соломоново решение на основании неправомерности экстраполяции на начало XIX в. современного представления о национальной принадлежности. Создается впечатление, что автор перестраховывается. Даже самые бескомпромиссные модернисты из числа теоретиков национализма признают, что в XIX в. националистическая идеология в одной из ее современных версий была распространена по всей Европе, по крайней мере среди представителей элиты. Мицкевич в их числе, особенно в поздний, эмигрантский период своей работы многое сделал для формирования мессианского этнонационалистического образа польской идеи. Возможно, делая эту оговорку, Янковский своей как бы чрезмерной осторожностью намеренно дистанцируется от макроисторических канонов отдельных восточноевропейских стран. Неудивительно, что лучше всего ему это удастся там, где читатель стереотипно ожидает наибольшей осведомленности и наибольшей предвзятости.

Сохранить равную дистанцию от национальных исторических нарративов автору удастся не всегда. Это навряд ли возможно для книги, сконструированной методом ножиц, пусть даже фигурных, и клея, и не предлагающей собственного большого нарратива. Например, Великое княжество Литовское последовательно и неререфлексивно преподносится как литовское государство — версия, принятая в советской и, разумеется, современной литовской историографии, но решительно, если не агрессивно отвергаемая

большинством белорусских историков. Наиболее вероятная причина этого предпочтения одного из национальных исторических нарративов относительно другого — неодинаковая осведомленность автора о нюансах истории и культуры различных восточноевропейских стран (так, в некоторых сербских именах ударения указаны неверно). Разумеется, неправомерно обвинять автора в том, то он отважился написать популярную макроисторию Восточной Европы, не получив предварительно одинаково глубокого инсайдерского знания всех ее стран и регионов. История Восточной Европы, отвечающая таким требованиям, навряд ли может быть написана.

Написанная Янковским история Восточной Европы — явно не энциклопедия, и едва ли предполагается воспринимать буквально ее подзаголовки «все, что вам нужно знать об истории (и не только) региона, который сформировал и продолжает формировать наш мир». Больше всего рецензируемая книга напоминает «Историю Европы» Нормана Дэвиса: та же энергичная, идиоматическая манера подачи материала, то же чередование базовых исторических фактов с малоизвестными и часто контринтуитивными занимательными деталями, то же схематичное стилистическое решение географических карт. Основное различие заложено в целевой аудитории. Дэвис стремится написать историю Европы, адресованную прежде всего европейскому читателю или по крайней мере знакомому с предметом по школьным и университетским курсам. Основная

задача — подвергнуть сомнению стереотипы, напомнить о подзабытых деталях и, главное, раздвинуть ментальные границы Европы за пределы «западной цивилизации». В отличие от Дэвиса, Янковский не подвергает сомнению устоявшиеся представления, а открывает незнакомый мир: его история Восточной Европы адресована прежде всего западному читателю. Интересно, что выбранная обоими авторами форма одинаково хорошо позволяет решить обе задачи.

Подходит ли эта форма для написания современной, по возможности дистанцированной от националистических нарративов истории отдельных государств? Истории занимательной, информативной, доступной... В этом году на ежегодной конвенции Ассоциации исследований национальностей в Нью-Йорке участники секции, посвященной современному российскому патриотизму, неожиданно вышли на вопрос о том, почему отсутствует популярная макроистория России, которая, в отличие от «Истории российского государства» Акунина, не вызывала бы обоснованной разгромной критики профессио-

нальных историков, но при этом, в отличие от «Истории России» Александра Ахиезера, Игоря Клямкина и Игоря Яковенко, была бы доступна не только интеллектуалам-гуманитариям, но и более широкой аудитории. Готового ответа, разумеется, предложено не было, но не случайно сам вопрос возник на фоне обсуждения первоначально заданной, более сложной и болезненной темы — балансирования идентичности и связанных с ней внешне наблюдаемых реалий современной России между образами империи и национального государства. Успех книги Янковского, не говоря о более ранней и уже более признанной «Истории Европы» Дэвиса предлагает один из вариантов решения: современная популярная макроистория — история многообразия. Для современной России это означает, казалось бы, далекую от популяризаторства задачу осмысления прошлого как предьстории не нации и не империи, но федерации. Проблемы современной Европы, отнюдь не только Восточной, свидетельствуют о том, что единство в многообразии — идея, трудность реализации которой склонны недооценивать даже историки.

В. Н. Сергеев

В ПОИСКАХ ПОДЛИННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Рецензия: *Кагарлицкий Б. Ю.* От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010. 528 с.

В теперь уже далеком 2004 г. была издана монография Б. Ю. Кагарлицкого «Периферийная империя: Россия и миросистема»¹. Эта книга была подлинной инновацией для российских общественных наук. Ее новизна была простой и гениальной. Автор отказался от попытки описать историю Руси и России через конструирование отдельной цивилизации, отдельного и неповторимого пути. Кагарлицкий талантливо вписал Россию в мировую историю, используя методологию М. Н. Покровского, И. Валлерстайна и многих других². Даже сам подзаголовок книги настраивал на новый лад и использование миросистемного анализа. В «Периферийной империи» автору удалось легко ответить на многие сложные вопросы и ликвидировать белые пятна в отечественной истории.

В 2010 г. вышла в свет другая историческая работа Кагарлицкого

¹ *Кагарлицкий Б. Ю.* Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ультра.Культура, 2004.

² См. «Введение: история как политика». *Кагарлицкий Б. Ю.* Периферийная империя. С. 5–42.

«От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации»³. На этот раз Борис Юльевич **попытался описать историю** уже всей «европейской цивилизации» (от финикийцев до американцев). Первой и главной целью работы стало раскрытие процесса становления современного государства и его роли в формировании капитализма. Второй — стремление разобраться, какие империи были, какие есть сейчас и будут ли они в будущем. Сама книга «От империй — к империализму» очень большая — 680 страниц (55,15 усл. печ. л.), и подробно ее пересказывать нет смысла. Вниманию стоит сосредоточить на трудных местах.

Одной из главных проблем книги является невнятная методология. Кагарлицкий позиционирует себя в качестве марксиста, что видно из его критики отдельных предста-

³ *Кагарлицкий Б. Ю.* От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010.

вителей школы миросистемного анализа. Он ставит задачу показать историю как классовую борьбу и социальную эволюцию, а не просто как процесс глобальной конкуренции⁴. В итоге всё повествование сводится к череде объяснений, как было на самом деле в каждой конкретной ситуации. Приятно, что хоть кто-то читает книги других авторов и делает замечания по содержанию. Например, Кагарлицкий несколько раз раскритиковал творчество Н. И. Басовской за слабую теоретическую базу и за фактические ошибки⁵. Но от видного левого интеллектуала ожидаешь большего (новых методологических, теоретических идей), а не простой бесконечной дискуссии о конкретных исторических моментах. Возможно, автор просто не справился с лавиной новой для него информации.

С проблемой методологии напрямую связана подача материала. Весь текст структурирован по проблемно-хронологическому принципу. Главы расположены в хронологическом порядке, а уже параграфы описывают конкретную проблему. Но из-за того, что автор сосредоточился на правильном описании слишком большого количества событий (войны, сражения, восстания, революции и т. д.), теоретические выводы становятся совершенно незаметными. Иногда складывается впечатление, что Кагарлицкий хотел разобраться в военной тактике и стратегии различных европейских армий, а попут-

но, случайно написал несколько интересных теоретических мыслей о характере гегемонии в капиталистической миросистеме. Сам автор заявляет, что он «превратил сухой историко-экономический анализ в последовательное повествование, охватывающее события нескольких столетий»⁶. В реальности получилось обратное. Историко-экономический анализ теряется в потоке второстепенных фактов. Конечно, эти факты поданы очень красиво и в отдельности были бы интересны.

Правда, тут возникает другой вопрос. Может быть, книга «От империй – к империализму» не строгая научная монография, а научно-популярное издание, главная цель которого донести до широкого круга читателей передовые научные мысли? Но и тут возникают большие сомнения. Если это так, то зачем огромное число страниц посвящать критике других научных работ и участвовать в научной дискуссии? Ведь отличие научно-популярной и учебной литературы заключается в ее дидактическом и просветительском характере. Кагарлицкий же очень редко вспоминает об этом. Практически с первых страниц своего труда он начинает участвовать в научной дискуссии, объясняя как должно быть правильно. Для научно-популярной книги здесь не хватает объяснения природы многих дискуссий. В качестве позитивного примера научно-популярной книги, которая затрагивала бы схожие вопросы, можно привести работу Г. М. Дерлугьяна «Как устроен этот

⁴ Кагарлицкий Б. Ю. От империй – к империализму. С. 8.

⁵ Там же. С. 111–112.

⁶ Там же. С. 7.

мир. Наброски на макросоциологические темы»⁷. Георгий Мартиросович, как человек с богатым научным и научно-педагогическим стажем, не боится подолгу останавливаться на изложении природы важных научных дискуссий.

В случае с данной работой Кагарлицкого получается, что это не научно-популярная книга, а научная монография, в которой есть две линии. Первая – идеографическая история, когда автор занимается собирательством и описанием интересных фактов и событий, но при этом они между собой очень плохо связаны. Вторая – единая наука об обществе, когда вслед за Ф. Броделем, И. Валлерстайном, Дж. Арриги и другими исследователями преодолевается противоречие между идеографическим и номотетическим подходом. К сожалению, вторая линия по ходу текста теряется и ее сложнее всего разглядеть.

Несмотря на все трудности с изложением материала, у Кагарлицкого есть очень важное и интересное дополнение миросистемной теории. Оно заключается в рассмотрении Британской империи как классической державы-гегемона. Кагарлицкий правильно и аргументированно критикует позицию Дж. Арриги, который начинает размывать идею гегемонии в капиталистической мир-экономике. Включение в современную миросистему итальянского Возрождения, которое осуществил Арриги в своей работе «Долгий

двадцатый век»⁸, позволило и в более древней истории постоянно находить примеры гегемонии и продлить историю современной миросистемы на 5000 лет (отдельные российские исследователи даже этот порог отодвинули⁹). Такая интерпретация миросистемного анализа действительно подрывает его основы и убирает из него весь критический потенциал.

Кагарлицкий очень верно заметил, что классической державой-гегемоном была только Британская империя. Республика Соединенных провинций не могла претендовать на гегемонию в полной мере. Гегемония Нидерландов – это рождение идеи гегемонии. В свою очередь, гегемония США – это пост-гегемония, которая основана на империализме без империи. Следовательно, только Британия является обладателем подлинной гегемонии, основанной на военном, техническом, финансовом и территориальном доминировании. Исходя из этого можно попытаться ответить на вопрос – какая миросистема нас ждет уже в середине XXI в.? Капиталистическая мир-экономика, которая пройдет очередную перезагрузку с новой державой-гегемоном, или новая система, которая будет лишь отдаленно напоминать современную миросистему?

⁸ *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.

⁹ *Коротаев А.В., Халтурина Д.А., Божевольнов Ю.В.* Законы истории: Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. Изд. 3, испр. и доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.

В конце хотелось бы озвучить небольшое пожелание. Оно связано с тем, что еще в 2013 г. одним из московских издательств было анонсировано второе издание «От империи — к империализму». Возможно, стоит разделить данную книгу на несколько. В одной оставить интересные теоретические моменты и со-

держательную критику отдельных сторон миросистемного анализа и исторической макросоциологии в целом. В другую — собрать критику работ по военно-политической истории. С уверенностью можно сказать, что у Бориса Юльевича хватит сил и таланта на оба этих проекта.

Т. В. Костина

Рецензия: *Гуркина Н.К.* История образовательных учреждений в России (X–XX в.). СПб.: Полторак, 2012. 78 с.

Данное учебное пособие выбрано объектом рецензии прежде всего потому, что в нем нашли отражение все основные проблемы этого вида изданий в России последнего десятилетия.

Первый вопрос, который встает при ознакомлении с книгой, — ее оригинальность относительно изданного в 2001 г. учебного пособия того же автора: «История образования в России (X–XX в.)». При ближайшем рассмотрении выяснилось, что фактически весь текст пособия 2001 г. перекочевал буква в букву в пособие 2012 г. Представляется, что для такого переиздания есть традиционная форма, описываемая библиографами как издание исправленное и дополненное. Впрочем, анализ показал, что пособие не подходит и под данное определение.

Что касается дополнений, то они действительно сделаны. Куски нового текста появились в главах 6: «Школьная политика и система образования в советский период» и 7: «Образование в 90-е гг.: достижения, потери и проблемы»; переписана заключительная часть, названная «На пороге нового тысячелетия. Вместо заключения»; добавлены 16 рекомендованных тем докладов и рефератов и расширена библиография. Отмечу, что сделанные вставки не привели к переработке существовавшего текста, который сохранен

дословно. В результате, например, на с. 54 добавлен отрывок: «с 1943 г. началось восстановление системы высшего образования...». А через 2 абзаца почти в тех же выражениях констатируется, что «в послевоенный период началось восстановление и дальнейшее развитие всей системы образования».

По духу эти дополнения, если, конечно, они сделаны не только для механического увеличения объема пособия, свидетельствуют о переоценке автором советского периода в развитии образования, что действительно избавило соответствующие главы от некоторой однобокости.

Косметической правке подвергся раздел «Образование в 90-е гг.: достижения, потери и проблемы». Добавлена информация об основных законах, вышедших в 1990-е гг. При этом вызывает недоумение, как автор смог избежать упоминания о них в первом издании. То же можно сказать и о протестах преподавателей середины 1990-х.

Удивительными следует признать дополнения, сделанные в раздел библиографии. В нем всё равно отсутствуют основополагающие работы Н.Н. Булича¹,

¹ *Булич Н.Н.* Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX в. 2-е изд. СПб., 1912.

Ф. А. Петрова², С. В. Рождественского³, П. И. Ферлюдина⁴, Г. И. Щетиной⁵. Странно, что не использованы, казалось бы, удобные для целей составления учебного пособия статья Б. Б. Глинского⁶ и коллективный очерк по истории высшего образования в России под редакцией В. Г. Кинелева⁷.

Не то чтобы без перечисленных книг совсем нельзя было обойтись, но, полагаю, они помогли бы не совершить грубых ошибок. Например, на с. 26 появление «Общего университетского устава 1884 г.» отнесено к 1882 г. На с. 28 среди преподавателей Бестужевских курсов упомянут «историк права Грановский». Видимо, в процессе подготовки второго издания А. Д. Градовский (1841–1889), который фигурирует в первом издании без инициалов, превратился в Т. Н. Грановского (1813–1855). На с. 34 студенты видят имя неизвестного науке министра народного просвещения — П. С. Ванникова, в которого превратился Петр Семенович Ванновский, быв-

ший министром в 1901–1902 гг. Раздумывая об этих ошибках, невольно задаешься вопросом — а владеет ли автор учебного пособия материалом?

Приведенные фактические ошибки несовместимы с целями учебных изданий, даже малотиражных, но особенную остроту проблеме придает то, что издание 2001 г. выставлено в интернете⁸. Пользуясь авторитетом у студентов, оно множится на разных сайтах и становится одним из основных источников для написания курсовых, дипломных и просто учебных работ по теме. В данном случае студентов можно понять. Почему бы им не доверять найденному в интернете авторскому тексту, принадлежащему профессору, доктору исторических наук? Более того, никто из них, как и я, начиная писать рецензию, не подозревали, что грубейшие ошибки будут сделаны в изображении периода, близкого к тому, по которому специализируется автор пособия⁹.

К сожалению, исправление упомянутых ошибок и неупомянутых опечаток, а также переработка списка литературы не сделает пособие не только хорошим, но даже и приемлемым. Проблема в том, что оно

² Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002–2003. Т. 1–4.

³ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902.

⁴ Ферлюдин П. И. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1: Академия наук и университеты. Саратов, 1894.

⁵ Щетина Г. И. Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976.

⁶ Глинский Б. Б. Университетские уставы (1755–1884 гг.) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1900. Т. 79, январь. С. 324–351.

⁷ Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года / Под ред. В. Г. Кинелева. М., 1995.

⁸ См. например здесь: http://multidollar.ru/history/gurkina_n_k__istorija_obrazovanija_v_rossii_X_-XX_veka_uchebnoe_posobie__spb__spbguap__2001.html (дата посещения: 10.02.1014).

⁹ Гуркина Н. К. 1) Материалы периодической печати о карательной политике царизма как источник по истории РСДРП 1907–1910 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990; 2) Интеллигенция Европейского Севера России в конце XIX — начале XX веков. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1999.

выхолощено до схематичности в подаче материала и, по сути, представляет собой набор фактов и устоявшихся в историографии клише.

Автор оперирует таким сложным понятием, как «автономия университетов», не давая ему определения. В результате читатель, а подразумевается, что это неподготовленный читатель, получает только набор штампов: «по новому уставу 1835 г. были ограничены права и автономия университетов»; в 1863 г. «университеты получили более значительные права на автономию, чем по уставу 1804 г.»; «Толстой урезал автономию университетов». Эти штампы сами по себе уже пересматриваются в историографии на протяжении всего последнего десятилетия, а тем более не представляют ценности, будучи лишены всякого содержания.

Представляется также, что должен быть предел в стремлении дать сжато большой объем информации, иначе на свет появляется текст, противоречащий действительности. Так, на с. 21 указывается, что «в 1816 г. был открыт Харьковский агрономический институт». Указанное учебное заведение ведет историю от основания в 1816 г. агрономического института в Марымонте (близ Варшавы)¹⁰. Только в 1914 г. учебное заведение было эвакуировано в Харьков и в 1921 г. восстановлено как Харьковский сельскохозяйственный институт. На с. 23

образованный в 1845 г. «Московский комитет для всенародного распространения грамотности на религиозно-нравственном основании», видимо, для краткости назван «Московским комитетом грамотности». Такие сокращения противоречат принципу историзма и вряд ли способствуют адекватному восприятию процесса становления образования.

А ведь в случае со студентами нужно быть особенно осторожными. Можно ввести в заблуждение и просто неловким текстом. Полагаю, что, прочитав на с. 29, что «во второй половине XIX в. <...> в Петербурге значительную известность приобрела мужская гимназия К. И. Мая, в которой в разные годы учились А. Н. Бенуа и Д. С. Лихачев» читатель, плохо знакомый с именем Дмитрия Сергеевича Лихачева, вряд ли представит себе современника своих родителей (1906–1999). Хотя формально оборот «в разные годы» снимает с автора ответственность за возникающие в голове у читателя аберрации.

Также неудачны в пособии «зоны умолчания». Гуркина пишет: «Последний в истории дореволюционной России проект о введении всеобщего обучения, повторявший многие положения проекта 1911 г., был внесен в Думу министром просвещения П. Н. Игнатьевым, однако его обсуждение не было доведено до конца в связи с революционными событиями». Учитывая, что современные студенты и так затрудняются подчас назвать даты трех русских революций, не указать дату внесения проекта – 27 августа 1916 г. – представляется не очень удачной идеей. Рассказывая про советскую школу, автор

¹⁰ В 1840 г. был преобразован в институт сельского хозяйства и лесоводства, а в 1863 – переведен в Новоалександрию (ныне Пулавы, Польша), где стал называться Новоалександрийским институтом сельского хозяйства и лесоводства.

упоминает на с. 55, что в 1958 г. «срок обучения в средней школе увеличился с 10 до 11 лет в связи с введением в программу профессионального обучения». После этого до конца пособия речи о сроке учебы в школе не идет. У студентов, заканчивающих 11-летку, создается в корне неверное представление о том, что школа такой и оставалась с 1958 г., между тем как с 1965 по 1986 г. обучение продолжалось 10 лет.

Все перечисленное вместе порождает стойкое ощущение, что автор пособия, которое имеет специально или по воле случая широкую аудиторию, совсем не думал при его создании о читателях. И даже если допустить, что целевая аудитория пособия – вполне конкретные студенты бакалавриата или магистратуры, им вполне можно посочувствовать. Ведь если бы им пришлось готовиться по этому пособию к экзамену, то всю представленную в нем информацию, в большинстве глав практически лишённую каких-либо пояснений, не говоря об эмоциональной окрашенности текста, нужно было бы каким-то образом удержать в памяти. Ни одна картинка, за исключением здания МГУ на Воробьевых горах на обложке, ни одна табличка или диаграмма не оживляют содержание книги, чтобы помочь студенту в усвоении этого массива данных.

Напоследок хочется отметить, что сам факт появления пособия по истории образования или образовательных учреждений с Х в. и почти до настоящего времени не случаен. Интерес к истории образования с 1990-х гг. неуклонно возрастает, порождая значительное число как научных, так и научно-популярных публикаций в самых разных формах. Одновременно в ответ на общественный запрос появилось большое число спецкурсов по истории образования в различных (не только педагогических) учебных заведениях. Сама по себе идея составления учебного пособия, которое охватывает всю историю отечественного образования, представляется не бессмысленной и перспективной. Однако в информационную эпоху такое пособие не должно представлять собой набор фактов, даже если они не очень доступны. Представляется, что за фактами нельзя терять главных целей такого издания: научить видеть основные тенденции в развитии, помочь овладеть понятийным аппаратом, показать этапы и специфику развития системы образования, а также получить адекватное представление о научной литературе, обращение к которой поможет расширить базовые представления и знания. Создание такого пособия представляется, однако, делом будущего.

О. В. Хаванова

Рецензия: *Karstens S. Lehrer–Schriftsteller–Staatsreformer. Die Karriere des Josef von Sonnenfels (1733–1817)*, Wien; Köln; Weimar, 2011. 508 S. (Veröffentlichungen der Kommission für neuere Geschichte Österreichs 106). *Карстенс С. Учитель–писатель–реформатор. Карьера Йозефа Зонненфельса (1733–1817)*

Жанр биографии в исторической науке – древний и вечно меняющийся. От авторов давно ждут не только фактографически точного воссоздания жизненного пути героя или его портрета на фоне эпохи, но и умения задавать источникам нетривиальные вопросы, пользоваться современными исследовательскими методиками. Тогда биографические по характеру работы становятся интересны не только относительно узкому кругу знатоков истории страны определенного периода, но адресуются всем, кто в работе сталкивается с проблемой интерпретации эго-документов, «археологии» мифов о выдающейся личности, кого волнует вопрос, как наше знание о конкретном историческом деятеле помогает понять взаимоотношенность человека и социальной среды. Немецкий историк Симон Карстенс (Трирский университет) в фундаментальном сочинении о жизни и карьере Йозефа Зонненфельса – видного представителя австрийского Просвещения и «апостола просвещенного абсолютизма» (говоря словами канадского историка Франца Сабо) – предлагает методологические подходы, способные заинтересовать специалистов по разным странам и эпохам.

Российскому читателю, в том числе специалисту по отечественной истории Нового времени, имя Зонненфельса, возможно, мало что говорит. Между тем как минимум два его ученика внесли заметный вклад в историю нашей страны. Один из наиболее способных слушателей венского профессора – серб Федор Янкович (1741–1814) – был специально приглашен в Россию, чтобы с использованием опыта Габсбургской монархии провести реформу начального образования, уже принесшую первые плоды среди православных сербов. Другой студент Зонненфельса – русин (карпаторосс) Михаил Балугьянский (1769–1847) – переехав в Россию, преподавал в Санкт-Петербургском университете и дослужился до должности ректора, заседал в Сенате и участвовал в составлении российского Свода законов. Учебник политико-камеральных наук, написанный Зонненфельсом в 1763 г. и три четверти века остававшийся обязательным во владениях Австрийского дома, был известен в России, как, возможно, и другое учебное пособие по деловому стилю, повлиявшее на немецкие письменники XIX в. и эпистолярные нормы в целом.

В австрийской истории Йозеф Зонненфельс по праву считается одним из парадигматических карьеристов XVIII в. Сын перешедшего в католичество преподавателя древнееврейского языка из моравского Никольсбурга (ныне Микулов в Чехии), он с ранних лет искал пути к славе, мечтал о близости к власти. Служба в армии научила его сходить с людьми, быстро осваиваться на новых местах, на лету схватывать новые языки. Покровительство князей Дитрихштайнов помогло пристроиться на скромную должность помощника при одном из советников Верховного суда. В последующие годы Зонненфельс — упорно прокладывавшая путь «наверх» — попробовал себя в качестве университетского преподавателя и автора учебников, журналиста и полемиста, драматурга и цензора, реформатора делопроизводственного языка, руководителя масонской ложи, разработчика основополагающих законов.

В известном смысле биография Зонненфельса отражает важные пункты из повестки дня австрийского просвещенного абсолютизма: усовершенствование практик монархической власти, воспитание поколений лояльной и профессиональной бюрократии, реформа права, ослабление цензуры и пр. Не случайно на протяжении XX в. внимание к его фигуре проявляли ведущие специалисты по истории Австрии — Роберт Канн, Карл Хайнц Остерлох, Грете Клингенштайн, Вальтрауд Хайндль, Хельмут Райнальтер. Личность Зонненфельса неизменно вызывает интерес за пределами Австрии. Достаточно сослаться на работы

немецкого историка права Штефана Вагнера о вкладе Зонненфельса в создание политического кодекса или венгерских ученых Ласло Контлера и Жолта Кёкенеша, анализирующих теории Зонненфельса о государственном патриотизме и патриотическом дворянстве. Автор данной рецензии изучала принципы и механизмы стипендиальной политики, лежавшей в основе системы преподавания политико-камеральных наук самим Зонненфельсом и его последователями в учебных центрах монархии Габсбургов.

Книга Симона Карстенса — это первая в полном смысле слова современная биография Зонненфельса. Автор обратил внимание на то, что труды и разные сферы деятельности этого экспонента австрийского Просвещения находятся в поле зрения ученых постоянно, при этом его жизненный путь никогда не становился предметом критического, беспристрастного анализа. Мало кто из биографов утруждал себя анализом соответствующих архивных источников, ограничиваясь рассмотрением написанных Зонненфельсом учебников и иных печатных работ. Карстенс показал, что все биографии этого человека восходят к нескольким, им самим сочиненным текстам, где он позиционирует себя прежде всего как успешный реформатор театра и уголовного права. Поэтому исследовательская задача сформулирована Карстенсом так: систематический анализ биографических данных, отказ от голословных спекуляций о степени влияния Зонненфельса на государственную политику и общественное мнение, реконструкция социальных

механизмов, сделавших возможной блистательную карьеру, вершиной которой стали чин государственно-го советника и орден св. Стефана.

Книга выстроена по хронологически-тематическому принципу и сюжетно следует за героем на каждом новом этапе карьеры. Карстенс рассматривает тернистый путь Зонненфельса в ряды университетской профессуры (гл. 4); представляет его как писателя и журналиста (гл. 5); рассказывает, каких усилий стоило тому позиционировать себя в самой влиятельной «социальной сети» раннего Нового времени — масонстве (гл. 6) и, наконец, детально исследует его вклад в реформу австрийского законодательства (гл. 7). Ученые сходятся во мнении, что Зонненфельс был по сути ловким и удачливым дилетантом, бравшимся за многое, но нигде не достигшим подлинной глубины и оригинальности. Автор задается вопросом, каким образом реформатор из, так сказать, второго эшелона достигал своих целей, какими средствами продвигал свою карьеру и что предпринимал, когда сталкивался с непониманием, сопротивлением, отторжением своих идей и своей личности. Ответ лежит в плоскости патронатно-клиентарных отношений.

В биографии Зонненфельса историк выделяет четыре фазы. До 1763 г. молодой человек искал свое место в жизни, заводил связи, способные помочь ему в осуществлении честолюбивых замыслов. Затем, попав в штат Венского университета, он приложил немалые усилия, чтобы позиционировать себя как органи-

затора и руководителя системы преподавания политико-камеральных наук. Одновременно Зонненфельс настойчиво отвоевывает себе место на литературном олимпе, тесня популярных авторов, чьи тиражи на ограниченном рынке печатной продукции, как следствие, падают. Уже на этом этапе, отмечает Карстенс, наблюдается расхождение между тем вниманием, которое уделяется этой фигуре в общественных дебатах, и фактическим — довольно скромным — влиянием на ход реформ. С желанным назначением на должность государственного советника в конце 60-х гг. XVIII в. наш герой получил возможность участвовать в разработке проектов в сфере полицейского законодательства, государственного управления, народного просвещения. Тогда всё меньше времени остается на педагогическую и литературную деятельность. В конце жизни Зонненфельс сконцентрировался на работе в правительственных комиссиях, что сопровождалось ростом его публичного веса.

Широкий спектр источников, на которые опирается автор (делопроизводство, частная корреспонденция, публицистика и т.д.), позволил вычленивать несколько образов Зонненфельса, как положительных, так и отрицательных. Они сосуществовали в сознании современников — друзей, коллег, начальства, покровителей, недоброжелателей, конкурентов — дополняя друг друга или вступая в конфронтацию. Каждая новая должность служила Зонненфельсу источником пополнения контактов, своеобразным трамплином к новым карьерным высотам. На очередном

отрезке жизни круг его патронов и клиентов мог быть шире или уже, но всегда был достаточно разнообразен, чтобы обеспечить достижение поставленных целей.

Карстенс, несомненно, прав, когда привлекает внимание к связям профессора с бывшими учениками. В свое время Р. Канн, не имея под рукой полного списка тех, кто в разное время посещал лекции знаменитого венского профессора, исходя только из данных, попавших в биографические словари и лексиконы, утверждал, что никто из воспитанников Зонненфельса не стал самостоятельной, демонстрирующей оригинальность мышления фигурой австрийского Просвещения. Возможно, это и так. Но с точки зрения процессов социальных трансформаций важно отметить, что многочисленные «винтики» большой бюрократической машины Австрийского государства вышли из аудиторий, где вещал Зонненфельс, и на протяжении лет поддерживали с учителем связи (пусть поверхностные, спорадические).

Попытка позиционировать себя в масонских кругах может считаться относительным поражением Зонненфельса. На рубеже 1770–1780-х гг. он был вовлечен в работу ложи «*Zur wahren Eintracht*» («К подлинному согласию»), активно вербовал в ряды тайного общества своих знакомых из числа венской профессуры, литераторов и цензоров, столичных чиновников. Однако, по наблюдениям Карстенса, это были в большинстве своем прежние знакомцы. Рассорившись из-за претензий на верховенство с руководителем ложи уче-

ным-минералогом Игнацем Борном (1742–1791), Зонненфельс покинул ряды масонства, которое осталось эпизодом в его карьере и не пополнило копилку личных связей.

Многие исследователи сходятся во мнении, что к талантам Зонненфельса относилась способность преувеличивать свои реальные заслуги, убеждать окружающих в своем общественном, научном, политическом весе и значимости. Карстенс последовательно развенчивает многие мифы, сотворенные Зонненфельсом о себе самом. Одновременно, поскольку даже самый тщательный и аккуратный биограф такой разносторонней личности, как Зонненфельс, не может быть знатоком всех сфер деятельности (в особенности если тот или иной вопрос еще недостаточно разработан в исторической науке), Карстенс сталкивается с проблемой, как оценить роль своего героя в той или иной области. Например, автор пишет, что публичные экзамены на немецком языке в привилегированных дворянских учебных заведениях «прежде в Вене не практиковались» и «проводились обычно в присутствии узкого круга лиц на латинском языке» (с. 152–153). На самом деле так называемые публичные (торжественно обставленные) экзамены на немецком языке, например по имперскому праву, стали обычным делом еще до Зонненфельса. С другой стороны, судя по придворной газете *Wienerisches Diarium*, те иностранные воспитанники, кому было трудно держать экзамен по политико-камеральным наукам на немецком языке, пользовались исключительным правом отвечать на экзамене по-французски

или по-итальянски. Также остается не до конца ясно, в какой мере ученики Зонненфельса (в противовес остальным воспитанникам) отвечали на вопросы спонтанно, не зная заранее, какой вопрос из списка им достанется, если учесть, что публичные экзамены в дворянских академиях австрийской столицы до Зонненфельса и при нем были действием с заранее известным сценарием.

Итак, Карстенсу удалось предложить убедительную методику реконструкции биографии государственного деятеля, чиновника, публичной фигуры с помощью комплексного

анализа архивных документов и опубликованных источников. Историк не идеализирует своего героя и не сбрасывает его с пьедестала, но аккуратно верифицирует все сведения о нем, соотносит друг с другом созданные о нем представления. Предпринятый Карстенсом анализ имплицитных и эксплицитных признаков интегрированности в одну или несколько патронатных сетей представляется продуктивной исследовательской стратегией, позволяющей оценить степень влияния, общественный вес и секрет успеха фигур, подобных Зонненфельсу (в том числе в истории других стран).

А. А. Киселев

Рецензия: *Лабутина Т.Л.* Британцы в России в XVIII веке. СПб.: Алетей, 2013. 352 с.

Специалисты знают, что в постсоветской России об англо-русских отношениях было написано и опубликовано немного работ. Еще меньшее их число было посвящено XVIII в. До сих пор самыми авторитетными работами в этой тематике являются книга ярославского историка А.Б. Соколова и переводы трудов британского исследователя Энтони Кросса¹. Но в 2013 г. этот список пополнился монографией известного московского историка Татьяны Леонидовны Лабутиной «Британцы в России в XVIII веке».

Т.Л. Лабутина является признанным специалистом в области британской истории раннего Нового времени. Ее книги о политической борьбе ранних партий в эпоху Реставрации Стюартов, об английском Просвещении, а также о гендерном аспекте британской истории давно считаются классикой отечественного англоведения². В последние годы

творчество Татьяны Леонидовны посвящено истории англо-русских отношений. Первые сюжеты о посещении Петром I Англии в составе «Великого посольства» и об англomanии в России Екатерины II появились еще в 2005 г.³ Но первой крупной работой Т.Л. Лабутиной об англо-русских отношениях стала монография «Англичане в допетровской Руси», опубликованная в 2011 г.⁴ В отличие от книги А.Б. Соколова она посвящена не только, и даже не столько дипломатическим проблемам, сколько судьбам жителей Великобритании, оказавшихся в Московском государстве XVI–XVII вв. Монография «Британцы в России XVIII века» является продолжением этой книги и результатом многолетней работы автора над многоплановым и сложным проек-

1982; 2) У истоков современной демократии. Политическая мысль раннего английского просвещения (1688–1714). М., 1994; 3) Воспитание и образование англичанки в XVII в.. СПб., 2001; *Лабутина Т.Л., Ильин Д.В.* Английское Просвещение. Общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012.

³ *Лабутина Т.Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005.

⁴ *Лабутина Т.Л.* Англичане в допетровской Руси. СПб., 2011.

¹ *Соколов А.Б.* Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль, 1992; *Кросс Э.* 1) У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996; 2) Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб., 2005.

² *Лабутина Т.Л.* 1) Политическая борьба в период реставрации Стюартов (1660–1681). М.,

том «Британская культура в России в XVI–XVIII веках: Восприятие, заимствования и отторжение».

Как известно, правители Московской Руси благосклонно относились к англичанам, шотландцам, валлийцам и ирландцам, приезжавшим в нашу страну. Московская торговая компания имела привилегии и льготы, что обеспечило ей превосходство на русских рынках. Визит Петра I в Англию в 1698 г. стал отправной точкой нового этапа в развитии отношений двух государств. Стремление царя-реформатора превратить Московию в цивилизованное европейское государство привело к найму западных военных, моряков, купцов, инженеров, профессоров университетов, которые согласились поехать в далекую Россию. По подсчетам историков количество приглашенных иностранцев колеблется от 800 до 1060 чел. Многие из них (около 500 иммигрантов) были выходцами с Британских островов. Их записки, дневники, мемуары и книги послужили главными источниками исследования Т. Л. Лабутиной.

Начинается монография с сюжета о знакомстве Петра I с британцами и их культурой. И здесь автор сразу обращает внимание читателя на свою позицию, которую она отстаивала в предыдущей книге: «вестернизацию» России начал не Петр Великий и даже не его отец. Этот процесс начался с XVI в. и продолжался всё последующее столетие. Иван Грозный, Борис Годунов, Михаил Романов – все эти русские правители в большей или меньшей степени проводили политику

«вестернизации» в Московском государстве. «Во второй половине XVII, в правление царя Алексея Михайловича Романова (1645–1676), Россия широко распахнула двери для всех иностранцев. Итальянцы, немцы, голландцы и англичане встречали самый радушный прием при дворе, – утверждает Т. Л. Лабутина. – В наибольшем фаворе среди западноевропейских стран у царя Алексея Михайловича оставалась Англия. Британия сделалась во многом эталоном для подражания и для его сына – Петра I» (с. 10, 13).

Петровским реформам и их восприятию российским обществом в монографии отведено значительное место. Но это и неудивительно, поскольку именно в первой четверти XVIII в. «вестернизация» нашей страны оказалась невероятно радикальной, ломавшей традиции и устои прежней Московии. Что из британского опыта позаимствовал русский царь? Какую роль в модернизации страны в этот важный исторический период сыграли англичане, шотландцы и ирландцы? Т. Л. Лабутина детально исследовала петровскую эпоху, чтобы ответить на эти вопросы.

Как отмечает Т. Л. Лабутина, английское влияние на петровские реформы в России конца XVII – начала XVIII в. было значительным. Несмотря на то что армейская реформа проводилась по немецкому образцу, строительство флота оказалось прямым следствием британского опыта царя. Вернувшись в Россию из зарубежной поездки, Петр I заменил на воронежских верфях голландских мастеров

английскими, и впоследствии именно они проектировали корабли, одержавшие победы при Гангуте и Гренгаме. Автор монографии обращает внимание, что идею административной реформы (замену приказов коллегиями) впервые царю подсказал именно английский богослов Ф. Ли (с. 57). Церковная реформа Петра I (создание Синода, фактическое подчинение церкви государству) во многом повторяла англиканскую церковную систему. А финансовая реформа (открытие монетных дворов) опиралась на передовой опыт английской «Великой перечеки» конца XVII в., которую проводил И. Ньютон (с. 63). Ну и, конечно, строительство огромного количества мануфактур осуществлялось с учетом британского опыта. Но самое заметное влияние британцы оказали на развитие российской торговли. Т.Л. Лабутина аргументированно утверждает: «Наиболее активными партнерами русских купцов являлись англичане» (с. 68).

Автор обращает внимание на заимствование британского опыта в «вестернизации» русской культуры первой четверти XVIII в. Здесь, конечно, значительное место занимают вопросы образования: отправка российских дворян-студентов («главным “университетом” для русской молодежи, отправлявшейся на обучение в Европу, по праву считалась Англия» (с. 85)), открытие шотландцем Г. Фаркенсоном по приказу царя Навигацкой школы в Москве и Морской академии в Санкт-Петербурге, планирование женских образовательных учреждений (Петр I видел подобные в Англии), появле-

ние первой еженедельной прессы («по примеру англичан»), перевод английской литературы на русский язык. Правда, автор делает оговорку, что английский язык не был популярен в это время в России, как и английская политическая литература (Т. Гоббс, Дж. Локк), появившаяся в переводе в 1720-х гг. А наряду с чуждым русскому человеку иноземным платьем и бритьем бород в Россию пришли такие вредные привычки, как курение и алкоголизм не только среди мужчин, но и среди женщин, породив, по словам М.М. Щербатова, «повреждение нравов в России». Стоит напомнить, что монополистами в продаже табака на русском рынке были как раз британские купцы.

Весьма интересной представляется третья глава монографии, посвященная проблеме ксенофобии в англо-русских отношениях в первой трети XVIII в. Прежде эта тема не затрагивалась отечественными историками. Т.Л. Лабутина убедительно доказывает, что неприятие иностранцев в русском обществе прослеживается еще с XVI–XVII вв. (автор ссылается, например, на Ю. Крижанича), но реформы Петра I, стремившегося коренным образом изменить общество, привели к негативному восприятию иноземных порядков и самих иностранцев. Бунты в Башкирии, Астраханской губернии, на Дону и на Украине, прокатившиеся в первое десятилетие XVIII в., сопровождались нападениями на иностранцев и борьбой с культурными нововведениями. И англичане не были здесь исключением. Впрочем, отмечает историк, в британском обществе также по-

степенно формировалось негативное отношение к России и русским. Делалось это через книги и прессу. Основной причиной были имперские амбиции Петра I, которые привели к ухудшению англо-русских отношений, а после его смерти — даже к их обострению в течение нескольких лет. Т.Л. Лабутина убеждена, что «если в России ксенофобия возникла как естественный протест народа против чужеземного влияния и чрезмерного засилья “немцев” в высших властных структурах общества, то в Великобритании русофобия, напротив, моделировалась искусственно и дирижировалась политической элитой, создававшей из России образ врага с единственной целью — добиться устранения своего экономического и политического конкурента в Европе» (с. 134).

Четвертая глава монографии посвящена исследованию проблемы англофобии и англофильства в правление Екатерины II. Автор оспаривает утверждения зарубежных и некоторых отечественных историков, что англофобия в России зародилась именно во второй половине XVIII в. Несмотря на то что англо-русские политические, экономические и культурные связи в этот период упрочились, российское дворянство всё же находилось под мощным влиянием французской, а вовсе не британской культуры. Высший свет почти не говорил на английском языке, а британская литература попадала в Россию во французских переводах. «Ни особого преклонения перед всем английским, ни стремления какой-либо части общества поддерживать во всем английские интересы (ан-

гломания и англофильство, по Ожегову), и уж тем более никакого перенесения элементов английского стиля жизни на русскую почву... в правление Екатерины II в России нам обнаружить не удалось», — приходит к выводу Т.Л. Лабутина (с. 163), подтверждая концепцию отечественного историка Н.А. Ерофеева, связывавшего зарождение англофобии в российском обществе с Отечественной войной 1812 г. Небесспорной, но интересной мыслью завершает Т.Л. Лабутина эту главу, утверждая, что «вестернизация» российского дворянства привела к культурному расколу общества, когда «европейский» высший свет противопоставлял себя русскому народу и его традициям, «что и послужило в конечном счете одной из причин, приведших к событиям 1917 года. Так усилия власти, направленные на навязывание своему народу чуждой его традициям, духу и вере западной культуры, завершились национальной трагедией» (с. 164).

Вторая часть книги посвящена судьбам британцев, живших и работавших в России в XVIII в. Читатель откроет для себя биографии инженера Джона Перри, дипломата и разведчика Чарльза Уитворта, морского офицера Джона Дена, супруги посланника Элизабет Рондо и жены врача Элизабет Димсдейл. Они жили в разные эпохи, но всех их объединяет то, что они посещали Россию и писали о ней. Иностранцы с удивлением описывали природу, культуру и быт русских людей. Их восхищали петербургские дворцы и русская старина и отталкивали такие явления, как алкоголизм или коррупция. Во многом из-за

этого Россия представлялась иностранцам еще «варварской», а не «цивилизованной» страной. К слову, Т.Л. Лабутина отмечает, что и в Великобритании XVIII в. увлечение крепкими спиртными напитками еще было присуще народной культуре, а коррупция была частью политической системы страны, что даже стало темой популярных карикатур У. Хогарта. Однако, естественно, британские авторы умалчивали в своих трудах о таких проблемах своей страны, подчеркивая русское «варварство».

Важно отметить, что хотя все они бывали при дворе и лично встречались с императорами и императрицами, британцев интересовал и быт простых крепостных крестьян, который они с удовольствием описывали. Это неудивительно, поскольку, во-первых, в Британии XVIII в. уже не было крепостничества, и, во-вторых, к концу столетия сельская Англия уходила в прошлое под растущим влиянием промышленной революции. Поэтому сельская жизнь в России представлялась иностранцам экзотикой, которую хотелось увидеть и описать. Правда, оценки русских крестьян различались. Одни авторы называли их «ленивыми» (Ч. Уитворт), другие — «бедными» (Э. Димсдейл), но все отмечали ужасающую нищету русского крепостного крестьянства. Представляется, что их оценка была объективной, а во все не являлась намеренно сконструированным негативным представлением о России, как об этом писал американский историк Л. Вульф⁵.

⁵ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.

Вклад британских специалистов в российскую действительность XVIII в. Т.Л. Лабутина оценивает по-разному. Так, в эпоху Петра I «именно благодаря британским кораблестроителям, морским офицерам и матросам русский флот смог одержать немало побед на Балтийском море, — утверждает историк. — Заметно присутствие британских специалистов сказалось в промышленности, строительстве военных укреплений и каналов, а также в сфере образования». Спустя полвека, в период правления Екатерины II, британские специалисты уже «не всегда исполняли свои обязанности согласно условиям заключенного контракта, а нередко свою профессиональную деятельность совмещали с разведывательной. Помимо прочего, именно британские специалисты и путешественники, приезжавшие в нашу страну, формировали из России тот самый стереотип “варварской страны”, а из ее народа — “варварского народа”, который во многом сохранился на протяжении последующих столетий» (с. 349).

Пожалуй, главным выводом Т.Л. Лабутиной является идея, что «вестернизация» российской политической элиты, начавшаяся еще в XVI в., тогда же породила и ее отторжение (ксенофобию). «Одним из важных результатов процесса отторжения западной культуры со стороны одной части российского общества, и приверженности к европейским “ценностям” — другой, явилось зарождение в общественной мысли России идейных течений “славянофильства” и “западничества”», — утверждает историк (с. 350). Нам представляется,

что исследование деятельности и культурного наследия сторонников и противников «вестернизации» России в XVI–XVIII вв. является весьма актуальным научным направлением, в который новая монография Т. Л. Лабутиной внесла

свой важный вклад. Также можно сказать, что российское англоведение пополнилось еще одним блестящим исследованием о британцах в России, которому суждено стать настольной книгой всех исследователей англо-русских отношений.

И. В. Кучумов

Рецензия: *Natalizi M. La rivolta degli orfani: la vicenda del ribelle Pugačëv. Roma: Donzelli, 2011. 247 p.*

Книга преподавателя истории Восточной Европы университета Сиены (Италия) Марко Натализи, автора работ по российской истории XVIII в. и об Н. Г. Чернышевском, «Восстание сирот: история пугачевского бунта» — первая за долгие годы как в нашей стране, так и за рубежом обобщающая монография по истории Крестьянской войны 1773–1775 гг. Впрочем, в Италии обращение к этой теме не является чем-то неожиданным. Достаточно вспомнить, что в этой стране четырежды экранизировалась повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» — в 1947 г. одноименный фильм снял Марио Камерини, в 1958 г. вышла картина «Буря» Альберто Латтуада, в 1965 г. осуществлена телевизионная постановка, а 2012 г. — телесериал Джакомо Кампиотти. Однако в отличие от этих достаточно вольных интерпретаций произведения А. С. Пушкина и событий 1773–1775 гг. монография М. Натализи впервые дает итальянскому читателю возможность познакомиться как с подлинной историей пугачевского восстания, так и с имеющимися монографическими исследованиями и публикациями источников о нем. Книга представляет ценность в первую очередь для западного читателя, который получает новейшую информацию о существующих в России работах на эту тему, особенно выпущенных в последние годы в Поволжье и на Урале.

Работа достаточно подробно освещает все эпизоды этого события: от причин возникновения восстания до его подавления. Она состоит из введения, пяти глав, подразделяющихся на параграфы, и приложения. Источниковедческую базу книги составили публикации как дореволюционных русских, так и советских историков, а также немногочисленные постсоветские исследования, причем автор довольно широко привлекает работы, изданные в Среднем Поволжье (в Казани, Саранске и Ижевске) вплоть до 2010 г. М. Натализи также были изучены фонды Российского государственного архива древних актов, материалы которого использованы в работе. Монография снабжена картами области, охваченной восстанием, и схематическим изображением его этапов, небольшим словарем терминов (разъяснение слов «атаман», «дорога», «кафтан», «кнут», «злодей» и т. д.) и именным указателем.

Автор назвал свою книгу «Восстание сирот», имея в виду, что нерусские народы, участвовавшие в восстании, были брошены государством, изначально выполнявшим по отношению к ним покровительственные, «отцовские» функции, на произвол судьбы и попали в руки деспотической аристократии. Поэтому значительная часть книги М. Натализи посвящена участию на-

селения Южного Урала в событиях 1773–1775 гг., хотя автор не обозначает этот раздел своей работы, как принято в отечественных изданиях, «Башкирией». Им дана краткая характеристика этнического состава и истории данной области, сообщаются сведения о башкирских волнениях XVII–XVIII вв., предшествовавших пугачевщине, промышленном освоении края и т.д. С привлечением разнообразного материала, извлеченного из опубликованных и архивных источников, автор показывает, что участие населения Башкирии в восстании Пугачева было вызвано социальным и национальным гнетом, политикой, проводившейся тогдашним российским правительством. Отдельные параграфы книги посвящены подробному анализу осады Оренбурга, Уфы, лагерям повстанцев в Берде и Чесноковке.

В книге на основании исследований и документов достаточно подробно описан ход восстания на территории Башкирии, упоминаются наиболее крупные повстанческие военачальники – Алибай Мурзагулов, Миндей Типеев, Каранай Муратов, Юлай Азналин, Бахтияр Канкаев, Чика Зарубин, Хлопуша, Иван Грязнов, а также каратели – Кулый Балтачев и т.д. Конечно, для нас и само восстание, и его действующие лица хорошо знакомы по многочисленным работам XIX–XX вв., но не будем забывать, что М. Натализи писал свой труд для итальянского читателя, который впервые получает на своем родном языке достоверную информацию о пугачевском восстании, основанную не на вольных экранных трактовках, а на из-

влеченных из источников и научной литературы фактах.

Гораздо меньше внимания, чем в башкирской историографии, автор уделяет Салавату Юлаеву, повышенный интерес к которому в СССР он объясняет романтическим отношением советской науки к революционным вождям. Напротив, для итальянского исследователя главным вождем восстания в Башкирии является Кинзя Арсланов, которому посвящено немало страниц книги и воинская биография которого реконструируется на основе исследований, публикаций источников и документов, извлеченных из фондов РГАДА.

Вызывает, однако, удивление, что история пугачевского восстания на территории Башкирии воссоздается с привлечением довольно ограниченного круга материалов. Широко используя работы казанских, йошкар-олинских и самарских авторов, М. Натализи почему-то совершенно игнорирует многочисленные работы И.М. Гвоздиковой и других уфимских историков. Фактически период восстания в Башкирии описан автором на основе нескольких документальных публикаций советского времени и давней статьи А.Н. Усманова (1962 г.) о Кинзе Арсланове.

Работа М. Натализи сочетает как традиционные оценки и интерпретации событий 1773–1775 гг., так и элементы новых подходов к трактовке символики народных представлений о самозванчестве (хотя итальянский автор и не использует исследования российского

историка В.Я. Мауля на эту тему). Тем не менее, книга М. Натализи свидетельствует, что на Западе традиция изучения событий, связанных с пугачевщиной¹, в отличие от нашей страны, практически не прерывается, и наряду с недавними общими работами Э.-К. Керстен² и А. Плате³ его труд продолжает

¹ Подробнее см.: Паскаль П. Пугачевский бунт / Пер. с франц. под ред. И.В. Кучумова. Уфа: ИП Галиуллин Д. А., 2010. С. 7–9.

² Kersten E.-C. Pugatschow-Aufstand 1773–1775 – Beteiligte und Motive. München: GRIN Verlag, 2007.

³ Plate A. Der Pugacev-Aufstand: Kosakenherrschaft oder sozialer Protest // Löwe H.-D.

изучение этого крупного события в истории России. Благодаря монографии М. Натализи история Урала периода феодализма стала лучше известна на Западе и, несомненно, будет включена в исследовательские стратегии зарубежной историографии.

(ed.). Volksaufstände in Rußland. Von der Zeit der Wirren bis zur «Grünen Revolution» gegen die Sowjetherrschaft. Wiesbaden, 2006.-

Н. А. Мининков

Рецензия: *Александр Дж.Т.* Российская власть и восстание под предводительством Емельяна Пугачева / Авторизованный перевод с английского, вступительная статья и примечания канд. ист. наук И. В. Кучумова; отв. ред. д-р ист. наук В. Я. Мауль. Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2012. 240 с.

Новое издание в серии «Башкортостан в зарубежных исследованиях», вышедшее в свет в Уфе в 2012 г., представляет собой книгу современного американского историка России XVIII в. Дж.Т. Александра, посвященную проблеме реакции властей Российской империи на восстание под предводительством Е.И. Пугачева. Книга вышла в авторизованном переводе уфимского историка И.В. Кучумова, занимающегося ознакомлением отечественных читателей с трудами зарубежных исследователей, в которых ставятся и рассматриваются актуальные проблемы прошлого России.

Выбор И.В. Кучумовым этого труда, впервые вышедшего в США еще в 1969 г., едва ли был случаен. В нем ставятся проблемы, в общем традиционные для отечественной историографии. Однако американский историк подал их под весьма нетрадиционным для отечественной исторической мысли углом зрения. Особенности его работы заключаются, во-первых, в синтезе двух исключительно значимых проблем российской истории, которые составляли государственная власть и внутренняя политика власти с одной стороны и массовое народное движение с другой. Во-вторых, в том, что проблема Пугачевского восстания в этом труде,

первостепенная сама по себе для отечественной историографии, оказалась в книге Дж.Т. Александра подана и проанализирована на фоне исследования реакции государственной власти на это восстание. Таким образом, интерес американского историка был лишь отчасти сосредоточен на самом восстании. В центре его внимания оказалась способность екатерининской абсолютистской власти реагировать на этот сильнейший вызов со стороны народа, на угрозу порядкам, которые установились в империи и которые она призвана была охранять. В-третьих, в том, что поставленная проблема не позволяла исследователю остановиться в оценке предпосылок только на анализе социальной ситуации в стране и положения крестьянства, казачества и народов юго-восточной окраины государства, принимавших участие в восстании. Не ограничиваясь подобным анализом, американский историк выявил формирование предпосылок этого крупнейшего народного движения в международном положении страны, во внешней политике государства, в системе и состоянии внутреннего управления в центре и на местах. В-четвертых, в анализе того, как сама императрица и вся правящая верхушка России осознавала причины

восстания и в каком направлении изменялись взгляды российских властей на предпосылки массового выступления под предводительством Пугачева. В-пятых, автором представлены личностные черты и особенности не столько предводителей восстания, сколько представителей высшего и среднего звена российской власти, которые участвовали в подавлении восстания. Более того, сам предводитель восставшего народа и другие видные руководители восстания оказались в данном исследовании в тени представителей гражданской и военной власти, занятых борьбой с развернувшимся на востоке империи массовым народным движением. Для российских историков, привыкших к тому, что в исследованиях, посвященных народным восстаниям, в центре внимания историков оказывались прежде всего предводители таких восстаний, такой подход также весьма необычен. Все это, как представляется, делает книгу Дж.Т. Александра интересной для российских историков. В то же время литературный стиль, выдержанный автором и переводчиком, делает ее также увлекательной для интересующегося проблемами отечественной истории екатерининского времени массового читателя.

Представляется очень удачным и интересным комплексный подход автора к анализу предпосылок этого крупнейшего социального взрыва в екатерининской России. Поставив в центре своего внимания реакцию власти на восстание, свое расследование общего состояния государства, которое привело к такому взрыву, Дж.Т. Александр на-

чал с характеристики важнейшего органа, принимавшего решения государственного значения, которым являлся Императорский совет при Екатерине II. Он дал живую картину его заседания от 15 октября 1773 г., когда впервые было озвучено известие о бунте казаков на Яике. Заявив о том, что с этого момента начался первый этап борьбы правительства с восстанием, который он назвал этапом «неорганизованной борьбы» (с. 25), историк подчеркивал, что развернулись эти события в то время, когда положение государства было, по его оценке, «тяжелым». Это ему вполне удалось обосновать, причем одну из главных причин такого тяжелого положения он связывал с внешней политикой и с военными действиями в ходе русско-турецкой войны. В этой связи еще В.О. Ключевский указывал на очевидное «несоответственное отношение внешней политики государства к внутреннему росту народа: народные силы в своем развитии отставали от задач, ставившихся перед государством вследствие его ускоренного внешнего роста»¹. Дж.Т. Александр привел несколько исключительно ярких деталей, конкретизировавших это общее положение. Это, во-первых, очень сложное финансовое положение государства, когда потребности на ведение войны превышали возможности населения по выплате подушного оклада и других казенных сборов. Во-вторых, состояние самой армии. По существу, историк наглядно продемонстрировал кризис рекрутской системы, когда

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 3 // Ключевский В.О. Сочинения в 8-ми т. М.: Госполитиздат, 1957. С. 13.

новобранцев по пути в армию вели под конвоем, нередко заковывали в кандалы, причем не все даже могли дойти до места службы. Поэтому, писал историк, и это подчеркивал князь М. М. Щербатов, такие новобранцы «заразят остальную часть армии недисциплинированностью, трусостью и приведут ее к концу» (с. 33). Отсюда убедительность вывода Александра о том, что ко времени Пугачевского восстания «тяжелая внешнеполитическая ситуация привела Российскую империю к глубокому кризису» (с. 36).

Вместе с тем Дж.Т. Александр совершенно справедливо подчеркивает самую тесную связь между положением крестьянского населения и политической ситуацией в стране после вступления на престол Екатерины II. Обращая внимание на обстоятельства прихода императрицы к власти, он отмечает, что «нелегитимное нахождение Екатерины на российском престоле делало ее крайне уязвимой» (с. 46). В последнее время принято обращать внимание на то, что она выступала против рабства, о чем прямо заявляла в своем наказе 1767 г. Уложенной комиссии². Это верно. Однако она хорошо понимала, что в случае, если ее политика затронет интересы дворянства, незаконность ее вступления на престол может стать поводом к ее свержению. Отсюда, указывал историк, слухи о предстоящем освобождении крестьян, для которых сама Екатерина давала определенные основания, не оправдались, а «крепостные фактически

стали рабами» (с. 50). Дж.Т. Александр при этом не считает необходимым подчеркивать несомненное наличие в сознании Екатерины II просветительских идеалов свободы. Но он столь же несомненно в первую очередь обращает внимание на разрыв с реальными результатами ее политики в отношении крестьянства. В этом отношении он следует, скорее, другой традиции российской исторической мысли в отношении императрицы, видевшей в ней, по словам А. С. Пушкина, «Тартюфа в юбке и в короне»³.

Что касается реакции на восстание, интерпретации и характеристики его причин, то в этом проявляется одна из наиболее интересных и примечательных особенностей труда американского историка. По-видимому, в этом отношении ему удалось проследить очень важную особенность взглядов высшей российской власти и властных структур страны вообще на народный протест, на массовое протестное движение, что с исключительной яркостью проявилось в реакции и в оценках самой Екатерины II и ее окружения на Пугачевское восстание. Императрица видела причины бунта в происках внешних врагов, в действиях зарубежных противников России, но не во внутреннем состоянии страны и не в результатах внутренней политики государства. Как верно подчеркивал Дж.Т. Александр, генерал-аншеф А.И. Бибиков уже вскоре после прибытия в район восстания понял, что дело

² См.: Рахматуллин М.А. Непокколебимая Екатерина // Отечественная история. 1996. № 6. С. 22–24.

³ Пушкин А.С. О русской истории XVIII века // Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1976. С. 165.

вовсе не в происках внешних врагов России, но «причины бунта и его успех вызваны широким социальным недовольством» (с. 99). Но между тем в отдаленном от оренбургских степей, горных уральских заводов и Башкирии Петербурге долго не могли усвоить этой истины. Сама императрица упорно искала в восстании следы заговора и особенно надеялась найти влияние раскольников (с. 191), а также «французов, турок, польских конфедератов» (с. 188). Вообще стремление выявить причины народных восстаний не было чуждо монархам. Так, еще В.И. Буганов проанализировал перечень вопросов к С. Разину, которые намеревался выяснить царь Алексей Михайлович в ходе следствия. Общий вывод его, согласно которому царские вопросы были «свидетельством жгучего интереса к личности и делам Разина верховной власти в лице самого монарха»⁴, представляется справедливым. Вместе с тем перечень царских вопросов, которые следствие должно было задать Разину, показывает, что царь Алексей не понимал причин и характера восстания. Таким же образом выглядит понимание причин Пугачевского восстания Екатериной II в характеристике Дж.Т. Александра. Глубиной оно также не отличалось. И только после изучения материалов Секретной комиссии она, как подчеркивал американский историк, «постепенно убеждалась, что чей-то заговор здесь ни при чем» (с. 187).

⁴ Буганов В.И. «Розыскное дело» Степана Разина // Отечественная история. 1994. № 1. С. 37.

Не меньший интерес вызывает характеристика Дж.Т. Александром состояния управленческих структур страны, военных сил и администрации периода восстания. Отечественные исследователи неоднократно отмечали низкое качество управления, некомпетентность и коррумпированность административного аппарата империи. Некоторые детали, на которые обратил внимание американский историк, дают тем не менее более глубокое и точное представление о степени некомпетентности внутреннего управления в империи и по существу о негодности ее для действий в исключительно сложных условиях массового народного движения. «Ненадежность местных гарнизонов, легко переходивших на сторону Пугачева, привела Бибикова в ужас» (с. 96), и ему «пришлось применить к служащим гарнизонов особые меры устрашения» (с. 99) – подчеркивал он. Помимо ненадежности гарнизонов успехам восставших, как справедливо отмечает Дж.Т. Александер, способствовало вообще «и отсутствие твердой власти на местах, и бегство дворян из мест восстания» (с. 94). Поэтому неудивительно, что после подавления восстания правительство уделило самое серьезное внимание укреплению местного управления и губернской реформе, что отметил историк. Вместе с тем он совершенно прав, когда указывает, что восстание заставило власти уделить внимание и дворянству. Восстание привело к укреплению «диархии» правительства и дворянства, а губернская реформа расширяла возможности участия провинциального дворянства в делах местного управления, давала им до-

ступ «к прибыльным и престижным должностям» (с. 233).

Еще одной интересной особенностью труда Дж.Т. Александра является поставленный им вопрос о том, «как русскому правительству удалось выжить в условиях, когда на него сразу обрушилось столько проблем: изнурительная война с турками, события в Польше, угроза со стороны Швеции, крупное восстание внутри» (с. 232). Вопрос совершенно правомерный. Американский историк немало сделал для объяснения причин конечного успеха русского правительства в войне с Османской империей, в борьбе с Пугачевским восстанием. Вместе с тем едва ли можно сказать, что ему удалось полностью дать ответ на этот вопрос. Скорее всего, содержание книги свидетельствует о том, что в таком тяжелом состоянии, в котором находилось государство, выполнение всех ставившихся российскими властями задач, осложненное Пугачевским восстанием, составля-

ло крайне сложную задачу. Но тут кроется проблема для дальнейшего комплексного исследования внутреннего и международного состояния Российской империи во второй половине XVIII в.

Книга Дж.Т. Александра, наконец-то выпущенная на русском языке, представляет интерес не только своим нетрадиционным подходом к выделявшейся ранее в отечественной историографии проблематике политической истории страны и Пугачевского восстания. Она также дает наглядное представление о состоянии американской историографии истории России екатерининского времени и этого крупнейшего народного движения. Будучи глубоко научным исследованием, эта работа в то же время благодаря своим литературным достоинствам способна привлечь не только историков, но и массового российского читателя, интересующегося этой эпохой российского прошлого и особенно восстанием под предводительством Е. И. Пугачева.

Е. П. Емельянов

Рецензия: *Олейников Д. И.* Николай I. М.: Молодая гвардия, 2012. 339 с. (Жизнь замечательных людей: Малая серия)

За восемь десятилетий, прошедших с момента возобновления М. Горьким дореволюционной серии «Жизнь замечательных людей», ее выпуски превратились в образцы биографического жанра, а аббревиатура ЖЗЛ стала известна подавляющему большинству читателей нашей страны. Несмотря на солидный возраст, последние годы стали для нее временем бурного расцвета, проявившегося как в рекордном количестве выпусков, так и в появлении Малой серии ЖЗЛ и серии «ЖЗЛ. Биография продолжается». Закономерным следствием такого массового издания новых выпусков стало появление нескольких биографий одних и тех же людей, вышедших в ЖЗЛ. Героем сразу нескольких биографий стал и Николай I, которому посвящены две работы: Л. В. Выскочкова, изданная в 2004 г. в основной серии ЖЗЛ, и Д. И. Олейникова, изданная уже в Малой серии в 2012 г.

Жанр биографии правителей имеет свои особенности, одной из которых является опасность подмены истории человека историей государства. Но авторы обоих изданий в серии «ЖЗЛ» смогли избежать этой опасности. Правда, на наш взгляд, в меньшей степени это удалось петербургскому историку Леониду Владимировичу Выскочкову, стремившемуся показать государя на фоне его империи. Опираясь

преимущественно на источники личного происхождения (письма, дневники и воспоминания) он обрисовал отношение Николая I к религии, просвещению, государственному управлению и командованию армией. Однако при таком подходе, выгодно отличающемся широтой контекста, растворилась в отступлениях личность самого императора. В частности, из книги Выскочкова мы узнаём об отношении Л. Н. Толстого к казни декабристов¹, величине естественного прироста численности башкир в первой половине XIX в.², и названия двадцати пяти городов, в которых побывал Николай во время своего путешествия по России в 1816 г.³ Но при этом мы ничего не узнаём о том, что интересовало его во время этого путешествия и какие записи о нем оставил он в своих журналах⁴. Кроме того, обилие подробностей делает стиль этой работы тяжелым для восприятия неспециалиста.

Заметный контраст с книгой Выскочкова представляет биография Николая I, написанная доцентом РГГУ Дмитрием Ивановичем Олейниковым, автором одного из лучших выпусков серии ЖЗЛ — жиз-

¹ *Выскочков Л. В.* Николай I. М., 2003. С. 129.

² Там же. С. 318.

³ Там же. С. 38–39.

⁴ Журналы путешествия Николая I по России опубликованы в Сборнике РИО (СПб., 1896. Т. 98).

неописания А.Х. Бенкендорфа, вышедшего в 2009 г. И хотя она уступает труду петербургского историка в широте и фундаментальности, ее девятнадцать глав содержат увлекательный рассказ о судьбе российского императора, свободный от излишних подробностей и длинных отступлений. Внимание автора не только к правлению, но и к личности самого Николая I демонстрирует уже обложка книги, на которой наряду с гравюрой, изображающей Царскосельскую железную дорогу, помещена картина Каспара Давида Фридриха «На паруснике». Причины ее размещения раскрываются на страницах книги, где Олейников называет эту картину, приобретенную Николаем и его супругой в Германии в 1820 г., окном в душевный мир великокняжеской четы (с. 58, в дальнейшем ссылки на рецензируемое издание идут в круглых скобках внутри текста).

Интерес к книге возникает с первых же страниц, на которых, мастерски выстраивая завязку своего повествования, автор разбирает вопрос о происхождении Николая I (с. 5–9). Не доказав, но и не опровергнув легенду о внебрачном происхождении будущего императора, Олейников продолжает рассказ о судьбе Николая I, излагая в хронологической последовательности события его жизни и правления. Как и Высокочков, он строит свою работу опираясь в основном на источники личного происхождения, оставленные самим государем, членами его семьи и придворными. При этом Олейников добивается очень важного для популярной работы сочетания обширной источниковой

базы с легким и образным языком. Примером последнего может служить описание кончины Николая I: «Едва в дворцовой церкви закончилась молитва о здравии императора, из комнаты Николая в большой вестибюль со сводами — место ожидания, заполненное придворными, — вышел генерал-адъютант Огарёв и возвестил “Всё кончено”».

Повисла тишина, прерываемая глухими рыданиями — многозначительная пауза между двумя царствованиями. Затем двери императорских покоев распахнулись. Придворных пригласили проститься с государем» (с. 330).

В основе авторского подхода к событиям николаевского царствования лежит теория модернизации, хотя и не декларируемая открыто, но реконструируемая из текста книги. Согласно ей николаевская Россия являлась традиционным аграрным обществом, только начавшим переход к обществу индустриальному. По мнению автора, постепенность николаевских реформ была во многом обусловлена менталитетом данного общества, ориентированным на сохранение, а не на изменение, вследствие чего император «действовал так неторопливо, будто время застыло, как Нева зимой» (с. 225). Вместе с этим Олейников признаёт, что темпы николаевских преобразований вполне соответствовали возможностям России, которая не могла резко перейти от традиционного общества к индустриальному (с. 206).

Вообще на страницах книги ярко продемонстрировано положительное

отношение автора к Николаю I и его политике. Говоря о юности Николая, прославившегося в эти годы своей строгостью и придирчивостью по отношению к гвардейским офицерам, он отмечает, что претензии и взыскания великого князя трудно назвать обоснованными (с. 65). Олейников описывает мужественное поведение Николая во время восстания декабристов и эпидемии холеры 1830 г. (с. 90–104, 170–173, 179–183) и рисует его заботу о здоровье императрицы Александры Федоровны (с. 238–244) и воспитании наследника (с. 207–215). Говоря о внутренней политике императора, он подчеркивает, что именно в правление Николая I был наведен порядок в законодательстве и стабилизирован государственный бюджет, что заложило основу для Великих реформ Александра II (с. 190, 202).

Несмотря на общую положительную оценку личности и политики Николая I, Олейников отмечает и некоторые отрицательные стороны его правления. Говоря о реформе государственной деревни П. Д. Киселёва, он пишет о том, что в результате ее проведения резко возрос бюрократический аппарат, финансирование которого легло тяжелым бременем на самих крестьян (с. 224). Рассматривая внешнеполитический курс императора после революций 1848 г., он указывает, что его следствием стала враждебность к России со стороны всех ведущих европейских держав, а говоря о внутренней политике в годы «мрачного семилетия», пишет, что государь, опасаясь революционной угрозы, доходил иногда до чрезмерности, и приводит в качестве примера цир-

куляр МВД о запрете спичечных фабрик в губерниях и торговли спичками вразнос (с. 284–285, 289–290).

Вместе с тем, несмотря на эти отдельные упоминания, на страницах книги отчетливо прослеживается авторское стремление к ретушированию отрицательных моментов николаевского правления и положительных черт представителей революционного движения. Говоря о восстании декабристов, Олейников акцентирует внимание исключительно на жестокости составивших солдат и личном мужестве и решительности нового императора (с. 90–105). При этом в числе составивших частей упомянуты только лейб-гвардии Московский и лейб-гвардии Гренадёрский полк, а упоминание об участии в восстании Гвардейского морского экипажа отсутствует⁵. Затем, рассматривая приговор по делу декабристов, автор подчеркивает его относительную мягкость, приводя для сравнения приговоры участникам антиправительственных заговоров в Англии и США (с. 117–118). Но он не упоминает о том, что это был первый смертный приговор, вынесенный русским дворянам со времен Елизаветы Петровны, без чего непонятно отрицательное восприятие казни декабристов в обществе⁶.

Говоря о правительственной политике в правление Николая I, Олей-

⁵ О действиях Гвардейского морского экипажа 14 декабря 1825 г. см.: *Габаев Г. С.* Гвардия в декабрьские дни 1825 года: Военно-историческая справка // Пресняков А. Е. 14 декабря 1825. М.–Л., 1926. С. 153–206.

⁶ См. в частности: *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 245.

ников пишет, что император работал в окружении людей, которых трудно назвать консерваторами и ретроgrадами, и отмечает в числе прочих министра народного просвещения С. С. Уварова (с. 206). Однако несколькими страницами ранее он подробно разбирает знаменитую триаду «православие, самодержавие, народность» и подчеркивает, что университетский устав 1835 г. был направлен на закрепление сословности образования (с. 192–195). Эти проявления деятельности Уварова вполне соответствуют идеологии консерватизма, строящегося на признании религии основой социума, стремлении к сохранению общественного неравенства и отказе от радикальных социальных изменений⁷. В дальнейшем, рассматривая правительственную политику в период «мрачного семилетия», автор ни слова не говорит

⁷ О деятельности С. С. Уварова см.: Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и политика. М., 2000. С. 120–141.

об отставке Уварова, вызванной его выступлением в защиту университетов и императорской резолюцией «Должно повиноваться, а рассуждения свои держать про себя»⁸.

Подобного рода умолчания создают у читателя искаженный образ Николая I, что следует признать главным недостатком книги. И хотя авторская оценка деятельности императора полностью противоположна взглядам советских историков, в работе видна та же идеологизированность и односторонность, как и произведениях представителей советской историографии. Последнее представляется наиболее печальным, так как объективное рассмотрение положительных и отрицательных сторон николаевского царствования с его бюрократизацией и жестким контролем над общественной активностью сегодня особенно актуально.

⁸ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1896. Кн. 10. С. 538.

А. С. Стыкалин

Рецензия: Н. В. Гоголь и славянские литературы / Отв. редактор Л. Н. Будагова. М.: Индрик, 2012. 568 с.

Сборник, подготовленный по материалам представительной международной конференции Института славяноведения РАН, посвящен роли Н. В. Гоголя в судьбе славянских литератур, восприятию его творчества в славянской культурной среде. В представленных статьях выявляется влияние творчества Н. В. Гоголя на формирование художественных направлений и жанров в славянских литературах, на рост художественного мастерства писателей. Введены в научный оборот некоторые малоизвестные детали, касающиеся рецепции творчества Гоголя в славянских странах. Как показывает приведенный в книге материал, уже в XIX в. освоение славянскими литературами творческого опыта великого писателя шло очень интенсивно, что подтверждает большое значение этого опыта для развития национальных литератур, большинство из которых переживало тогда эпоху национального возрождения. Однако в то время всемирное значение творчества Гоголя раскрылось еще далеко не полностью. Некоторые художественные находки писателя нашли отклик позже, в XX в., совсем в другом культурном контексте (см. статью Л. Н. Будаговой).

Другой тематический пласт статей — представления самого Н. В. Гоголя о славянстве, исторических судьбах и характере отдельных славянских

народов, об их взаимоотношениях, а также отношение писателя к устному и письменному творчеству славян, отражение в его творчестве славянских мотивов, всей многогранной славянской темы.

Авторы многих статей сборника не обошли стороной дискуссионный вопрос о национальной самоидентификации писателя. Трудно, конечно, поставить под сомнение право Гоголя называться прежде всего великим русским писателем. Крупный чешский филолог Я. Мукаржовский справедливо писал о нем в свое время как об основателе языковой традиции великорусской поэтической прозы. Открытым, однако, остается вопрос о месте Гоголя в контексте украинской культуры. Можно ли, скажем, согласиться с бывшим президентом Украины Л. Кучмой, который в своей программной книге «Украина — не Россия» писал о Гоголе как общем достоянии российской и украинской культур, иными словами, о частичном праве украинской культуры и литературы на Гоголя? В статьях недавно скончавшейся выдающейся исследовательницы славянских культур Л. А. Софроновой, В. В. Мочаловой и др. хорошо показано влияние на творчество Гоголя культуры украинского барокко. Не меньшим было влияние на него украинского фольклора, собранного и систематизированного другим писателем М. А. Максимовичем. При

этом отношении к фольклору и вообще к украинской культуре было у Гоголя своеобразным. Образ Малороссии, как справедливо отмечается в некоторых статьях, выполнял у Гоголя важную функцию, служил воссоединению современной ему России с ее народно-поэтическим прошлым.

Известно, что самосознание писателя не менее важно, чем язык, на котором он пишет. Великие латиноамериканские писатели писали и пишут на испанском языке, оставаясь колумбийцами, аргентинцами, чилийцами, перуанцами. Целая плеяда великих шотландских и ирландских писателей создавала свои произведения на английском языке. Когда в 1931 г. Бернард Шоу отмечал в Москве (!) свое 75-летие, советские функционеры на торжественном собрании приветствовали в его лице «выдающегося представителя прогрессивной английской литературы», но автор бессмертного «Пигмалиона» сразу поставил их на место, со всей категоричностью заявив с высокой трибуны, что считает себя не английским, а ирландским писателем и вообще после подавления ирландского восстания 1916 г. терпеть не может англичан. На русском языке написаны многие выдающиеся произведения представителей национальных литератур, в числе которых можно назвать киргиза Ч. Айтматова, белоруса В. Быкова, чуваша Г. Айги, молдаванина И. Друцэ. Таким образом, они внесли свой неповторимый вклад не только в национальные, но и в русскую культуру. Но главный источник их творчества — в национальной духовной стихии, даже

если предметом их повествований и рефлексий не всегда была жизнь их родины. Поэтому в художественном мире XX в. они представляют прежде всего свои национальные литературы. Вышесказанное отчасти применимо и к Н. В. Гоголю. Наличие в нем малороссийского самосознания (рассматриваемого как определенный исторический этап на пути формирования украинского самосознания) позволяет говорить о его причастности к украинской литературе и культуре. Возможно, есть основания указывать на «мерцающую» и не вполне определенную национальную идентичность Гоголя, нередко сознательно ускользавшего от определенности в этом отношении (см. статью В. В. Мочаловой). Верно и то, что малороссийская идентичность не противоречила в то время общему русскому самосознанию (в отличие от более поздней украинской идентичности). Как бы то ни было, понять Гоголя вне контекста Украины и ее культуры невозможно, невозможно также отлучить его от украинской культуры, что, конечно же, отнюдь не оправдывает использование его имени и его наследия в конъюнктурно-политических целях отдельными политиками из Киева и Львова. Существуют, как нам кажется, все основания говорить о Н. В. Гоголе как о посреднике между русским и украинским народами и их культурами. Причем через национальное в своем творчестве Гоголь выходил на универсальные ценности. Можно согласиться с одним из авторов книги, А. В. Липатовым: «Гоголь принадлежит к тем представителям культуры, чей гений продолжает сближать Украину и Россию в общем для них круге

европейской цивилизации, возникшей и существующей на универсальной — вне- и надэтничной почве».

Другая тема, привлекавшая и прежде большое внимание исследователей — отношение Гоголя к Польше и полякам и соответственно восприятие его творчества в польском контексте (к ней обратились в своих статьях В. А. Хорев, В. В. Мочалова и др.). Глубокое изучение темы дает возможность подняться над устойчивыми стереотипами о полонофобии Гоголя, проявившейся в частности в «Тарасе Бульбе», сделать вывод о более сложном отношении Гоголя к Польше, полякам и польской культуре. Это отношение опиралось на определенные познания исторического прошлого взаимосвязей польского и украинского народов. Известно, что в молодости Н. В. Гоголь отдал дань историческим исследованиям, одно время даже (не слишком успешно) преподавал историю с университетской кафедры. Историческая повесть «Тарас Бульба» справедливо рассматривается исследователями в контексте его исторических концепций и изысканий, а те задачи, которые автор поначалу ставил перед собой как историк, стремясь по летописям и песням воссоздать облик народа и его подвиги, он (как справедливо отмечается в частности в статье В. В. Мочаловой) в полной мере разрешил как художник.

Авторы сборника касаются и вопроса об отношении Гоголя к современному ему славянофильству, не столь однозначного, как это может показаться на первый взгляд. Вопреки широко распространенным пред-

ставлениям о его принадлежности к славянофильскому лагерю, его отношения с этим лагерем были в общем непростыми. Так же как, впрочем, и западники, «покамест они (славянофилы. — А. С.) мне кажутся только карикатуры на то, чем хотят быть», писал Гоголь, а по кичливости они даже превосходят западников. Вообще же, по мнению Гоголя, каждая из позиций отличалась в той или иной мере односторонностью. Если западники говорят о стене, стоящей перед их глазами, не видя «верхушки всего строения, то есть главы, купола и все, что ни есть в вышине», то славянофил отошел от здания «слишком далеко, так что видит весь фасад, но по частям не видит». Между тем, славянофилы и западники, заключал Гоголь, говорят о двух разных сторонах одного и того же предмета.

В заключение хотелось бы высказать ряд небесспорных соображений относительно самого предмета исследования. Включение в сборник статей, касающихся восприятия Гоголя только в славянских литературах, вызывает вопрос: насколько правомерна фетишизация и абсолютизация критерия языкового родства при обращении ко всемирному литературному процессу? Как бы отреагировали иные из авторов этого коллективного труда, если бы им дали в руки сборник статей о восприятии одного из классиков немецкой литературы, написанных только на материале литератур, созданных на языках германской языковой группы (немецкой, английской, голландской, скандинавских)? Не было бы появление подобного сборника расценено ими

как проявление пангерманистских тенденций в культуре, попытка конъюнктурного обслуживания литературоведением пангерманистских политических амбиций и проектов? И не складывается ли в неславянских странах впечатление о панславистской подоплеке наших литературоведческих проектов, подобных нынешнему гоголевскому? Развивая ту же мысль: не показалась бы кое-какому из авторов нашего сборника нелепой идея объединить в единой книге статьи о восприятии творчества того или иного писателя только лишь литераторами, писавшими на языках романской языковой группы (т.е. представителями литератур — французской, итальянской, испанской, португальской, латиноамериканских, а также румынской; речь идет в данном случае о литературах, развивавшихся в принципиально разных условиях; так, румынская литература резко отличалась по ряду своих типологических параметров от других романских литератур, обладала выраженной восточноевропейской спецификой)? Никто, разумеется, не ставит под сомнение право говорить о славянских литературах как об определенной литературной общности, но это особенно плодотворно применительно к тем эпохам, когда на первый план (как в эпоху славянского возрождения) выходили задачи славянской общности и литература была тесно связана с общественными движениями, поднимавшими на щит идею славянской взаимности, славянского единения. Причем даже в эту эпоху русская и польская литературы развивались по совершенно иным законам, нежели литературы

других славянских народов. Это сказывалось, кстати говоря, и на восприятии Гоголя. Как отмечается в статье Л. Н. Будаговой, среди народов, страдавших от османского или австрийского владычества, повесть «Тарас Бульба» имела успех, воспринималась как историко-патриотическое произведение, быстро переводилась и издавалась. Поляки же, многие из которых читали повесть в русском оригинале, долго медлили с ее переводом на родной язык, считая произведение полонофобским. Кроме того, даже при изучении эпохи славянского возрождения (первая половина XIX в.) следовало бы лучше учитывать внеславянский региональный литературный, культурный контекст — словацкие литераторы работали в Вене и Пеште, болгарские — в румынских Дунайских княжествах и т.д. Применительно же ко второй половине XX — началу XXI в. говорить о какой-либо внеязыковой, идейной общности славянских литератур (например польской и македонской) едва ли приходится, на первый план выходят принципиальные различия, иногда даже литераторы, в сущности пишущие на одном языке (сербские и хорватские, болгарские и македонские), сознательно конструируют разновекторность развития своих и соседних литератур. О какой славянской литературной общности может здесь идти речь? Эта общность существует только в схемах некоторых литературоведов и в головах ангажированных публицистов неославянофильского толка. С другой стороны, даже самый поверхностный профессионально-литературоведческий взгляд обнаружит гораздо большую типологическую общность (по многим

параметрам) польской литературы с венгерской, чем с македонской или даже сербской литературой (если говорить о многовековом процессе их развития), а болгарской литературы – с румынской, нежели с чешской. Не обрекает ли литературоведение на застойные явления чрезмерное заикливание на языковом родстве при сравнительно-историческом изучении литературных явлений, а также вырывание славянских литератур из более широкого, не в последнюю очередь регионального (а также – применительно к землям монархии Габсбургов – имперского) контекста? Не является ли всё это тормозом, отвечает ли всё это магистральным тенденциям развития современной науки? И если даже не выходить на далеко идущие обобщения, стоит заметить: сборник бы только выиграл, если бы в него (даже при неизбежности некоторой концептуальной корректировки) был включен материал о восприятии Гоголя в неславянских литературах Центральной и Юго-Восточной Европы, типологически близких некоторым славянским литературам. На наш взгляд, это только обогатило бы

содержание рассматриваемого труда. Между тем, попытка автора этих строк предложить в рецензируемый сборник добротную статью известного венгерского историка Л. Мольнара о Яноше Орлаи (по представлению автора, венгре, а на самом деле закарпатском русине, карпатороссе с достаточно развитым венгерским самосознанием), учителе Гоголя по нежинскому лицей, оказавшем большое влияние на его формирование в юности, была по сугубо формальным мотивам отвергнута членами редколлегии (венгр не есть славянин). В любом случае нам представляется бесспорным следующее: изучение восприятия Гоголя в славянских литературах не компенсирует необходимости изучения более широкой темы – рецепции его творчества в славянских и неславянских литературах народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

Высказанные принципиальные соображения не меняют, однако, общей высокой оценки рассматриваемого труда. Сборник, несомненно, состоялся и как единое в концептуальном отношении целое.

НЕДАВНИЕ РАБОТЫ НОВОСИБИРСКИХ И ТОМСКИХ ИСТОРИКОВ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ ЮРИСТОВ СИБИРИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.

Изучение переломных эпох замечательно тем, что оно всегда актуально, интересно, каждое поколение исследователей прошлого имеет шанс по-своему прочесть вроде бы уже известное. В последние годы важнейшим событиям сибирской истории времен умирающей Российской империи посвящен ряд трудов о носителях юридического знания и практиковавших деятелях, авторами которых являются как маститые, так и начинающие ученые.

Продолжая заложенные предшественниками традиции изысканий в истории местной юстиции¹, молодой историк из Ново-

сибирска И.Г. Адоньева в своей работе (*Адоньева И.Г.* «Великая полуреформа»: преобразования судебной власти Западной Сибири в оценках местной юридической интеллигенции (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. 224 с.) обратилась к «действующим лицам» судебной системы края в поворотный для той момент — в несколько этапов в крае проводилась судебная реформа 1864 г. — событие, которое современники называли даже «началом новой эры в жизни Сибири»², а день открытия 2 июля 1897 г. «новых» судов — «одним из самых радостных и светлых в истории Сибири»³.

В монографии западносибирское юридическое сообщество характеризуется как территориальная и социально-профессиональная группа, выявляются ее численный состав, определяются ключевые статусные признаки юристов, раскрываются

¹ См. например: *Бтিকেева М.А.* Судебные учреждения Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. (По материалам округа Омской судебной палаты). Омск, 2008; *Глазунов Д.А.* Деятельность судебных учреждений Томской губернии (конец XIX — начало XX в.). Барнаул, 2006; *Крестьянников Е.А.* Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень, 2009. Подробно о монографиях М.А. Бтিকেевой и Д.А. Глазунова: *Крестьянников Е.А.* Последние исследования по истории юстиции Западной Сибири конца XIX — начала XX в. // Вестник Тюменского государственного университета. История. 2011. № 2. С. 193–195.

² Иркутские губернские ведомости. 1897. 9 июля.

³ Томский листок. 1897. 1 июля.

особенности их взаимоотношений с местным населением, а также между собой. «Оживить» историю судебной организации в Сибири призвано обращение, в лучших традициях антропологического подхода, к отдельным персонажам — судьям, адвокатам и т. д., определяющим в то время развитие юстиции. Исследовано отношение представителей западносибирского юридического сообщества к преобразованиям на основе Судебных уставов, изучены их мнения о деятельности реформированной системы правосудия. Историк пришел к убеждению, что западносибирские специалисты-правоведы были склонны идеализировать судебные порядки, которые Россия получила в результате осуществления судебной реформы 1864 г. и отрицательно относились к ограничениям норм уставов Александра II при их применении к сибирскому краю. Формирование «юридической интеллигенции» Западной Сибири и развитие ее деятельности, считает автор, происходили одновременно с главными этапами политики царизма по реформированию судебной системы региона.

Как многие труды новаторского характера, работа И.Г. Адоньевой не лишена несовершенств и содержит дискуссионные суждения. Так, ключевая дефиниция «юридическая интеллигенция» недостаточно определена. Вызывает вопросы и опасения попытка ограничить круг лиц, производящих умственную (духовную) продукцию юридического свойства только теми, кто имеет юридическое образование, занят в судебных органах и т. д. Не-

понятно, почему, к примеру, тобольский губернатор Л.М. Князев, имевший опыт деятельности в системе правосудия в течение нескольких десятков лет, неоднократно высказывавший мнения относительно устройства западносибирского суда, бывший членом судебных учреждений в качестве почетного мирового судьи Тобольской губернии, не заслужил включения в разряд «юридической интеллигенции». Или как отделить от данного сообщества тех, кто никогда не работал в юстиции и не имел соответствующего образования, однако активно пропагандировал идею необходимости судебных преобразований в Сибири, либо принимал активное участие в жизни судебной организации (в летописях сибирской истории известны такие случаи). Некоторые сюжеты имеют крен к рассмотрению только одного из отрядов ведомства Министерства юстиции — адвокатуры, которая, как следует из отдельных частей работ, прежде всего, и является «юридической интеллигенцией». Кроме того, читатель вряд ли поймет, какое место занимали представители юридического сообщества Западной Сибири в составе региональной и российской интеллигенции, каково их участие и членство в рядах общероссийской юридической интеллектуальной элиты, чем выделяются их оценки судебных преобразований из совокупности представлений о совершенствовании правосудия юристов других местностей.

Неотъемлемой частью «юридической интеллигенции» должны были стать профессора и выпускники юридического факультета, о неко-

торых аспектах развития которого пишет томич Д.В. Хаминов (*Хаминов Д.В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX — начале XXI в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 270 с.*). Это подразделение Императорского Томского университета учреждалось 29 декабря 1897 г.⁴ Для современников связь такого акта и тогдашней судебной реформы была очевидна. «Сибирская жизнь» писала: «Ход правительственных начинаний на пользу Сибири обнаружил крайнюю необходимость иметь подготовленных на месте, близко знакомых с местными условиями деятелей с юридическим образованием. Введение в Сибири новых Судебных уставов подтвердило указанную необходимость»⁵. В адресе Томской городской думы также указывалось на такую обусловленность полученного регионом очередного блага: «Текущая жизнь края, в особенности с введением в нем уставов императора Александра II, показала, что если для Сибири нужны врачи, то в видах интересов правосудия не менее нужны и юристы, близко знакомые с местными условиями жизни, нравами и обычаями населения, и в этом отношении тот же университет, по воле монарха, открывает сегодня в своих стенах юридический факультет»⁶.

Д.В. Хаминов также признает решающую роль судебной реформы в распространении высшего юридического образования: «Откры-

тие юридического факультета было ускорено распространением на Сибирь с 1897 г. действия Судебных уставов 1864 г., что потребовало усовершенствования системы судопроизводства. Местные судебные учреждения нуждались в профессиональных юристах (адвокатах, прокурорах, делопроизводителях и др.), а администрации губерний и регионов — в экономистах и статистах. Приезжие специалисты уже не могли обеспечивать всё возрастающих потребностей, поэтому самым разумным было готовить юристов и экономистов на месте, в Сибири»⁷.

Историк убедительно доказывает, что учреждение факультета послужило толчком к развитию исторической науки еще до появления при университете собственно исторического факультета (правильнее, историко-филологического в 1917 г.): проведение археологических и конкретно-исторических исследований действительно были важной составляющей деятельности профессоров и студентов юридического подразделения. Вместе с тем установление последнего подхлестнуло сибирскую жизнь во многих ее областях. В частности, большую роль в местных отношениях играло Томское юридическое общество⁸, о введении которого при единственном в Сибири университете и упоминает Д.В. Хаминов, правда, неверно указывая 1899 г.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 17. № 14841.

⁵ Сибирская жизнь. 1897. 31 декабря.

⁶ Государственный архив Томской области. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2446. Л. 3.

⁷ Хаминов Д.В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX — начале XXI в. Томск, 2011. С. 15–16.

⁸ Про него см.: *Крестьянников Е. А.* Юридическое общество при Императорском Томском университете // Журнал российского права. 2013. № 9. С. 85–94.

датой его основания⁹ (на самом деле тогда шел 1901 г.¹⁰).

О деятельности данного общества не могла не упомянуть в силу своей тематики книжка известных историков, томичей В.П. Зиновьева и О.А. Харусь (*Зиновьев В.П., Харусь О.А. Общественно-политическая жизнь в Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. Хроника. Т. 1. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 398 с.*). Авторам союз томских юристов представляется «своеобразным хранителем кадетских традиций, духа либерального реформаторства в Томске», который принял активнейшее участие в разработке проектов государственных преобразований в революционном 1905 г. В хроникальной части книги говорится об акте учреждения указанного содружества, его заседаниях, где выступали юристы-теоретики (профессора) и юристы-практики, установлении томской юридической консультации для оказания правовой помощи сибирякам¹¹, где совместно трудились адвокаты всех категорий (присяжные поверенные, их помощники и частные поверенные) и в качестве делопроизводителей – студенты-юристы местного университета, что было уникальным для дореволюционной России явлением¹².

⁹ Хамянов Д. В. Указ. соч. С. 18.

¹⁰ Крестьянников Е. А. Юридическое общество... С. 86–87.

¹¹ Зиновьев В. П., Харусь О. А. Общественно-политическая жизнь в Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. Хроника. Т. 1. Томск, 2013. С. 26, 40, 78, 88, 111, 122–124, 126–127, 144–145, 213, 269–270, 274, 283, 354–356.

¹² См.: Крестьянников Е. А. Юридические консультации в дореволюционной России и консультация г. Томска // Вестник Тюменского

Несколько страниц труда В.П. Зиновьева и О.А. Харусь посвящены деятельности и главным вехам развития юридического общества. Из текста читатель может узнать о составе организации: членами являлись профессора И.А. Машиновский, П.С. Климентов, М.И. Боголепов, М.Н. Соболев, И.А. Базанов, С.П. Мокринский, Г.Г. Тельберг, Н.Я. Новомбергский, практикующие юристы П.В. Вологодский, А.В. Витте, М.Р. Бейлин, А.М. Головачев, В.И. Анучин, знаменитый ученый и общественный деятель Г.Н. Потанин и др. – это были те люди, которых можно назвать сибирской интеллектуальной элитой, социально активные, неспособные уклоняться от решения острых вопросов, поставленных той исторической минутой перед Россией и ее окраинами. При непосредственном участии общества был подготовлен «Проект основных начал положения о земских учреждениях в Сибири», предполагавший создание наряду с волостными, уездными и губернскими земскими учреждениями областного (регионального) земского самоуправления, провозгласивший принцип всеобщего избирательного права. Также рассказывается и о праздновании пятидесятилетнего юбилея Судебных уставов 1864 г., способствовавшем «реанимации» занятий союза юристов после некоторого застоя.

государственного университета. 2007. № 1. С. 201–205; Крестьянников Е. А. «Подпольная адвокатура» и консультации поверенных в дореволюционной России: из сибирского опыта // Российская история. 2010. № 4. С. 167–176.

Однако томские ученые в своей книге не отразили некоторые грандиозные мероприятия общества, которые привлекали немалые человеческие ресурсы, отличаясь широтой, и, безусловно, значимые для местного социума. Например, организация реализовывала масштабную программу исследования маслоделия в регионе с привлечением студентов и сторонних специалистов, что вылилось в издание весомого научного труда¹³. При многочисленных недостатках судебной системы края важно было решить задачу усовершенствования правосудия: разработкой проектов улучшения юстиции, само собой, занимались томские юристы¹⁴.

Общая рецензия на работу В. П. Зиновьева и О. А. Харусь уже представлена именитым новосибирским ученым М. В. Шиловским, и оценена им книга как «заслуживающая самой высокой оценки с точки зрения вклада в изучение дореволюционной истории значительной части Западной Сибири»¹⁵. В свою очередь М. В. Шиловский, являясь признанным знатоком сибирских общественно-политических отношений рассматриваемого периода, не так давно ис-

следовал нашумевший в свое время на всю страну миг взаимного «избывательства», накаливания революционных страстей в единственном университетском центре Сибири (Шиловский М. В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 150 с.). Фигурантами события были юристы, студенты, простые томики – все, кто в той непростой ситуации находился в Томске. Глубокое погружение в исследуемую проблему позволило М. В. Шиловскому всесторонне исследовать события тех напряженных дней и оценить их. Гонения на евреев, студенческое беспокойство, неверные действия администраторов и правоохранительных органов, попытки остановить разгулявшийся «беспредел» судебными деятелями – об этом рассказывается в книге историка.

В ходе погрома перенес побои присяжный поверенный П. В. Вологодский, впоследствии, уже после падения царского режима, возглавлявший Временное Сибирское правительство, а в годы Гражданской войны ставший премьер-министром Временного Всероссийского правительства. До того, как стать «самым, наверное, авторитетным в Западной Сибири юристом»¹⁶, «заковать себе репутацию одного из лучших адвокатов»¹⁷, задолго до «величайшего момента своей жизни, когда судьба поставила его на первое место» в сибирском

¹³ Экономическое исследование маслоделия в Сибири. Харьков, 1906.

¹⁴ См.: Реформа местного суда в Сибири // Труды Томского юридического общества. Вып. 2. Томск, 1911.

¹⁵ Шиловский М. В. Рецензия. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. [Хроника общественно-политической жизни Томской губернии в 1880–1919 гг.: В 3 т.]. Т. 1: 1880 – февраль 1917 г. / Сост.: В. П. Зиновьев, О. А. Харусь. Томск, 2013 // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 202–204.

¹⁶ Адоньева И. Г. Указ. соч. С. 172.

¹⁷ Казакова Е. А. П. В. Вологодский: личность и общественно-политическая деятельность (1863–1920 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. С. 60.

регионе¹⁸, этот выдающийся судебный деятель в тогдашних неурядицах встал на защиту томичей от произвола властей. Накануне погрома, когда казаки с применением силы разогнали томскую молодежь на площади вблизи здания окружного суда, оттуда выбежал Петр Васильевич и «обратился к казачьему офицеру, командовавшему этой полусотней казаков, с просьбой прекратить дальнейшее бессмысленное избивание детей, на него напали два казака и начали бить нагайками. Казаки рассекли Вологодскому лицо и сильно его избили»¹⁹.

Одним из действующих лиц погрома был томский губернатор, юрист по образованию В.Н. Азанчевский-Азанчев, которого судьба заставила покинуть пост после происшедшего в Томске. Недавно вышло исследование, проливающее свет на сибирскую губернаторскую власть и ее деятельность (*Яковенко А.В., Гахов В.Д.* Томские губернаторы: биобиблиографический указатель. Томск: Изд-во «Ветер», 2012. 224 с.). Авторы работы по крупницам собрали литературу, посвященную управленцам края, создали задел, позволяющий продвинуть изучение властных институтов. В имперский период возглавляли Томскую губернию разные руководители: от самых отъявленных негодяев (к таким относили иногда

и В.Н. Азанчевского-Азанчевева)²⁰ до лучших местных просветителей (В.И. Мерцалов, ранее тобольский губернатор Н.Л. Гондатти, в честь которого даже названа улица в Тюмени).

Томским губернатором был, к примеру, А.И. Лакс, когда-то высокопоставленный жандарм, выделявшийся неподкупностью и трудолюбием²¹, являвшийся поклонником немецкой философии²², всегда «неуклонно стремившийся к законности и правде»²³. В нем видели «умного и вдумчивого администратора»²⁴; заботы же губернатора о правосудии Сибири могли послужить достойным образцом службы Фемиде всем судебным деятелям. Так, во всеподданнейшем отчете за 1886 г. этот руководитель указывал на необходимость «введения судебной реформы, если не во всем объеме, то, по крайней мере, мирового института вместе с увеличени-

²⁰ Напоминаем слова великого сибиряка, областного Г.Н. Потанина: «Дефектные экземпляры нередко встречались и между губернаторами, сживали на губернаторских местах и подолгу сошедшие с ума генералы». См.: *Потанин Г. Н.* Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 274.

²¹ *Яковенко А.В., Гахов В.Д.* Томские губернаторы: биобиблиографический указатель. Томск, 2012. С. 126–128.

²² До поступления на жандармскую службу был издателем журнала с философской направленностью «Московское обозрение». См.: Антон Иванович Лакс (из воспоминаний А. Таборовского) // Русская старина. 1890. Т. 65. № 2. С. 584–585.

²³ А.И. Лакс. (Некролог) // Сибирская газета. 1888. 3 апреля.

²⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 299. Л. 5.

¹⁸ *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Пекин, 1921. Т. 1. Ч. 1. С. 106.

¹⁹ Октябрьские дни в Томске. Описание кровавых событий 20–23 октября. Томск, 1905. С. 10.

ем числа судебных следователей»²⁵, а когда узнал от министра юстиции Н.А. Манасеина, что установление мирового суда «неожиданно встретило препятствия», «был сильно огорчен этим и расстроен»²⁶.

Рассмотренные работы объединяет стремление углубить знание

²⁵ Российский государственный исторический архив. Коллекция печатных записок. № 102. Отчет о состоянии Томской губернии за 1886 г. Л. 11 об.

²⁶ Томич. А.И. Лакс. (Из воспоминаний) // Восточное обозрение. 1888. 29 мая.

о сибирской жизни и местных юристах, найти оригинальную нишу для исследования, не раствориться в большом, заполнить лауну неизведанного. Вроде бы слабо связанные между собой труды сибирских ученых говорят об одном и том же: окраина империи переживала общероссийские процессы периода кризиса страны, обнаруживают симптомы этого трагического момента, несмотря на попытки самодержавия сохранить status quo.

А. Ю. Суслов

Рецензия: *Мартов Ю. О.* Письма и документы. 1917–1922. Сборник / Сост. д-р ист. наук Ю. Г. Фельштинский; вступ. статья, примеч. и указатель д-ров ист. наук Ю. Г. Фельштинского, Г. И. Чернявского. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. 543 с.

Проживающий в США историк Ю. Г. Фельштинский хорошо известен в России как автор ряда книг по истории XX в. и публикатор документов. В последние годы в творческом содружестве с Г. И. Чернявским им были изданы работы о Б. И. Николаевском и Л. Д. Троцком, опубликованы воспоминания К. фон Ботмера «С графом Мирбахом в Москве», сборники документов «Был ли Сталин агентом Охранки?» «Германия и революция в России. 1915–1918», и др. Эти публикации различаются по степени научной значимости, на что уже обращали внимание в печати.

В сборник писем и документов Ю. О. Мартова, как отмечается в аннотации, включены издающиеся впервые в России материалы, относящиеся к периоду революции и Гражданской войны (1917–1922), извлеченные из известной коллекции Б. И. Николаевского в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (США). Всего в разделе «Письма» опубликовано 82 письма Мартова, а в разделе «Документы» — материалы меньшевистских газет 1917–1920 гг., посвященные

Экстренному съезду РСДРП, партийной конференции 1918 г. и другим аспектам истории меньшевизма в различных интервью, заявлениях, статьях и обращениях Мартова, последнее из которых датируется декабрем 1920 г.

Фактически рецензируемый сборник представляет собой переиздание сборника 1990 г.¹, вышедшего под редакцией всё того же Ю. Г. Фельштинского, однако в тексте это никак не упоминается. Сам факт переиздания в нашей стране не может вызвать возражений, так как предыдущий сборник стал библиографической редкостью, не распространялся в СССР/России и слабо представлен в отечественных библиотеках.

В то же время ряд особенностей нового издания бросается в глаза. Никак не отражен во введении и в тексте тот факт, что целый ряд писем за прошедшие годы был опубликован в российских изданиях, в частности, письма Мартова П. Б. Аксельроду от 19 ноября, 1 и 30 декабря

¹ *Мартов Ю. О.* Письма 1916–1922 / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. Benson: Chalidze Publications, 1990.

1917 г., Н.С. Кристи от 30 декабря 1917 г.² (впервые это письмо было опубликовано еще в 1959 г.³). То же касается писем 1918–1922 гг.⁴ Более того, российскими историками выявлены и опубликованы другие письма Ю.О. Мартова, не попавшие ни в сборник 1990 г., ни в сборник 2014 г. (например письмо А.Н. Штейну в Берлин от 16 июня 1918 г., П.Л. Лапинскому от 17 июня 1919 г., К. Каутскому от 28 января 1920 г. и др.).

Тем не менее, в публикации писем Мартова есть и новации. Чем же отличается сборник 2014 г. от аналогичного издания 1990 г.?

Во-первых, это объем вступительной статьи. Введение к сборнику существенно расширено, биография Мартова представлена более подробно, сделана попытка проанализировать его взгляды. Во-вторых, в сборнике появились подробные примечания, что не может не радовать. Тем не менее, историографическая часть введения оставляет желать лучшего. Современная российская литература охарактеризована очень кратко. Чего добилась отечественная и мировая наука за последние двадцать лет в изучении истории меньшевизма — непонятно. Во введении лишь упоминаются

работы И.Х. Урилова, А.П. Ненарокова и др. с эпитетами «крупные» и «фундаментальные», но не более того.

Весьма дискуссионна и общая оценка личности Мартова и его деятельности, справедливо связываемая авторами вступительной статьи с «демократическим социализмом» (с. 31). Ю.Г. Фельштинский и Г.И. Чернявский полагают, что демократический социализм, как и всякий другой, утопичен, и он рассматривается авторами в качестве определенного этапа развития общества (с. 31–32). Более того, по мнению публикаторов, планы демократических социалистов были не только утопичны, но и неизбежно вырождались в «тоталитарное чудовище». Эта точка зрения, безусловно, нуждается в дополнительной аргументации, однако вполне имеет право на существование. Однако следующий тезис авторов, провозглашающий Мартова одним из «виднейших представителей» того направления, которое готовило поворот социал-демократии в принципиально «новое русло», связанное с отказом от марксистских догматов и превращению социалистической доктрины в идеологию левого фланга современной демократии в рамках новой фазы общественного прогресса, «никакого отношения к социализму не имеющей» (с. 32) — принять трудно. Соглашаясь по существу с данной характеристикой эволюции социал-демократии, сложно принять утверждение о том, что именно Мартов был идеологом этой эволюции. Напротив, принципиальные изменения в позиции части российских и европейских социал-демократов

² Меньшевики в 1917 г. В 3 т. / Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. М., 1997. Т. 3. Ч. 2. С. 336–346, 528–531, 583–588.

³ Мартов и его близкие: сб. Нью-Йорк, 1959. С. 48–50.

⁴ См.: Меньшевики в 1918 г. / отв. ред. З. Галили, А. Ненароков; отв. сост. Д. Павлов. М., 1999. С. 644–649; Меньшевики в 1919–1920 гг. / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков; отв. сост. Д. Павлов. М., 2000. С. 209–210, 330–338 и др.

были связаны с именами оппонентов Ю.О. Мартова — П.Б. Аксельрода, А.Н. Потресова и др., условно называемых «правых» меньшевиков⁵. Что касается Мартова, то в своей программной статье «Наша платформа»⁶ (незадолго до смерти) он занял довольно противоречивую и двойственную позицию, не позволяющую с уверенностью говорить об отказе от «марксистских догматов». В связи с этим анализ дискуссий в отечественной и зарубежной историографии по поводу взглядов

⁵ Подробнее об этом см.: *Ненафкоков А. П.* Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии. М., 2012.

⁶ Социалистический вестник. 1922. № 19 (41). С. 3–8.

Мартова в этот период был бы весьма уместен во вступительной статье.

В целом издание материалов Ю.О. Мартова, предпринятое довольно приличным по современным меркам тиражом можно только приветствовать. Оно будет способствовать дальнейшему изучению творчества видного лидера российской социал-демократии в весьма сложный период отечественной истории. В то же время сборник только выиграл бы от анализа той немалой работы, которая проделана за последние годы целым рядом российских и зарубежных исследователей в области истории социал-демократии.

В. А. Токарев

Рецензия на книгу: *Коньшева Е.В., Меерович М.Г.* Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). М.: ЛЕНАНД, 2011. 224 с.

На память приходит совершенно забытая комедия Николая Адуева «Как ее зовут» (1935)¹. По сюжету талантливый французский архитектор Пардессу приезжает в СССР, где увлекается обворожительной дамой Ириной, женой бывшего политкаторжанина, а ныне высокопоставленного чина из Наркомздрава. Обаятельный француз увязывает свое согласие на проектирование санатория с обещанием Ирины принять его ухаживания, иначе — он вернется на родину. Забавная ситуация, в конце концов, разрешается к удовольствию всех персонажей: Ирина сохраняет верность мужу, а Пардессу влюбляется в комсомолку Женю, практикантку из «Курортстроя». Все обретают личное счастье, а страна социализма — санаторий.

Действительно, не менее полутора сотен иностранных архитекторов, именитых и не очень, были завербованы на службу сталинской революции сверху. В отличие от героя комедии Пардессу, развязка их романа с «отечеством всех трудящихся» оказалась не такой полюбовной, а для отдельных зарубежных инженеров и зодчих попросту трагической. Так или иначе, историческая среда многих российских городов материально удостоверяет весомое

участие иноспециалистов в переоборудовании советской страны на современный лад. Разумеется, опыт и квалификация иностранных специалистов нуждаются в новейшей экспертизе, утраченное и сохранившееся наследие — в инвентаризации, частные и совокупные усилия иноязычных волонтеров — в калькуляции, а их судьбы — в жизнеописании, а в ряде случаев — в мартирологе. За последние годы отечественная историография приросла небезынтересными работами по данной теме. Одно из достойных мест между ними занимает монография Е. В. Коньшевой и М. Г. Мееровича «Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток». Предыдущие книги М. Г. Мееровича и Е. В. Коньшевой, включая «Наказание жилищем» (2008) и «Кладбище соцгородов» (2011), сполна подтвердили аналитические таланты ученых, а также их умение ставить и компетентно разрешать нестандартные задачи.

Монография «Эрнст Май и проектирование соцгородов...» посвящена изучению, как выразились соавторы, многосюжетной эпопеи вокруг проектирования соцгорода Магнитогорск в годы первой пятилетки и участию в ней иностранных специалистов. Номинально ее центральным персонажем является немецкий архитектор Эрнст Май (1886–1970), фигура довольно-таки

¹ Адуев Н. А. Как ее зовут. Комедия в стихах. М., 1935.

известная в профессиональных кругах и, разумеется, не обделенная вниманием научного сообщества. Советская традиция изучения творчества Э. Мая преимущественно была представлена одномерными «репликами» по части малопримлемых замыслов и практики немецкого архитектора в СССР. Гораздо чаще и, надо сказать, непредубежденнее о нем писали германоязычные и англосаксонские эксперты в области архитектуры. С одной стороны, такой солидный литературный задел, созданный зарубежными коллегами, значительно облегчил миссию российских исследователей. Благополучная историографическая среда, с другой стороны, не всегда и не для каждого бывает плодотворной. Порою она чревата рисками контрафакции или сочинения «ложной новизны». Авторам рецензируемого труда удалось найти свою целину и на собственный манер возделывать ее. Название книги намекает на биографическую модель исследования с уклоном в «производственный жанр», однако ее оглавление не вполне точно отражает содержание монографии. О нешаблонности исследования можно судить по следующим параметрам.

Во-первых, монография построена на незнакомых и малоизвестных фактах. В этом плане отдельного комплимента заслуживает документальный хребет монографии, тщательно скомпонованный из архивных и опубликованных источников. Провинциальные ученые, лишённые полноценных условий и времени для поисковой работы, смогли извлечь из недр ГАРФа, об-

ластных и городских архивохранилищ и музеев правительственные постановления и стенограммы столичных совещаний, ведомственные инструкции и проектную документацию, фотодокументы и картографические источники. Ряд ценных документов из фондов Германского национального музея (Нюрнберг) российским исследователям предоставил историк архитектуры Томас Флирль. Соразмерно представлены центральные, ведомственные и региональные журналы и газеты, чей информационный потенциал, как следует из монографии, не следует недооценивать.

Во-вторых, авторы преднамеренно не стали отслеживать всю жизнь Э. Мая в Советском Союзе, ограничившись её магнитогорским этапом. В истории проектирования Магнитогорска, резонно предположили ученые, до сих пор остается множество неясного. К тому же уральская стройплощадка была типична для понимания общесоюзного процесса проектирования соцгородов и роли в нем иностранных архитекторов. Такая фрагментарность предопределила процедуру исследования. Мысль исследователей не скользит по поверхности проблемы, а проникает «вглубь» ее. За счет скрупулезного и детального изучения обособленного объекта происходит индуктивное восхождение от локального казуса к нормативному порядку вещей.

В-третьих, в монографии методом осмысления и обобщения стали административные «рифмы» и «подводные течения» теоретического свойства, которые напрямую

или опосредованно воздействовали на архитектурное творчество. Как известно, на годы первых пятилеток приходится дальнейшая трансформация советского политического режима. Утверждение сталинской автократии сопровождается усилением этатизма во всех сферах советской действительности. Происходит превращение архитектурной профессии в государственную службу, а градостроительного ремесла — в проектное «производство». Предназначение архитекторов сводится к оперативному обеспечению государства проектной документацией для размещения человеческих «винтиков» (с. 217–218). В монографии конкретизируется влияние *общественно-политического* контекста на архитектурно-градостроительное проектирование. Именно на данном аспекте научного труда будет сфокусировано внимание в предлагаемой рецензии.

В послевоенные годы Веймарская Германия выдвинулась на ведущие позиции в деле организации стройиндустрии и в разработке социального жилища. Одним из полигонов, где нашли свое воплощение технологии ускоренного поточно-конвейерного строительства жилых районов и поселков, был Франкфурт-на-Майне. Главный городской архитектор Эрнст Май разделял демократическое кредо части немецких архитекторов о доступном и комфортном жилье для большинства горожан. Оптимальный тип жилища связывался ими с благоустроенной квартирой для отдельной семьи. Кухня, кладовые, встроенная мебель, санузел и центральное отопление считались неперенными

атрибутами современной квартиры «эконом-класса». Эрнст Май рассмотрел свою клиентуру в малообеспеченных немцах. Ради них во Франкфурте-на-Майне в 1920-е гг. развернулось широкое строительство дешевого и удобного жилья. В идеале жилищная программа Э. Мая предусматривала многокомнатную квартиру с обязательной уборной и ванной для среднестатистической семьи. При обустройстве квартиры соблюдались принципы общего и частного жилого пространства, функционального комфорта, экологии и рационального использования солнечного света. Планировка квартир максимально учитывала процесс домашнего хозяйства, а не его минимизацию. Немецкий архитектор отшлифовал проектную методику «сборки» городских комплексов из готовых планировочных модулей, состоящих из стандартизированных зданий и кварталов. Побочным следствием такого метода авторы монографии называют геометричность и художественную незатейливость планировочной структуры (с. 44).

В разгар первой пятилетки на франкфуртского архитектора обратили внимание советские подрядчики. Живой интерес к Э. Маю проявил управляющий Центральным банком финансирования коммунального хозяйства и жилищного строительства СССР (Цекомбанк) Эммануил Викторович Лугановский (1885–1940), чья фигура нуждается в отдельной характеристике. Он принадлежал к старшему поколению большевиков и по натуре был человеком волевым, напористым. Служебная взыскательность

и придирчивость уживалась в нем с редкостной предприимчивостью. Не менее важным был его партийный вес. Со Сталиным и его ближайшими сподвижниками Лугановский знался задолго до революции 1917 г. Разветвленные личные связи в аппарате ЦК и в правительственных кругах позволяли ему решать вопросы «по-свойски» и, конечно, в пользу своей конторы и ее контрагентов. В годы первой пятилетки притязательный руководитель Цекомбанка вознамерился поставить под свой хозяйственный контроль жилищное и гражданское строительство по всей стране. При банке действовало Проектно-Планировочное бюро по строительству новых городов и поселков. Чтобы обеспечить бюро квалифицированными кадрами руководство Цекомбанка обращается за содействием к архитектору Э. Маю, чей опыт поточного производства архитектурно-проектной и планировочной документации казался наиболее перспективным. Мировой экономический кризис, перечеркнувший планы Э. Мая на родине, заставил прагматичного архитектора, по выражению Бруно Ясенского, экспортировать себя в другую страну, где не было перепроизводства технической интеллигенции. В 1930 г. Э. Май вместе с группой отобранных им сотрудников переехал в Москву, как планировалось, на 5-летний срок. О размахе и долгосрочности замыслов «банкира» Лугановского, чьим указанием Э. Май должен был «точно следовать» (с. 174), свидетельствует программа, которой должен был руководствоваться немецкий консультант. Помимо проектирования поселений, экспертизы

градостроительных планов и архитектурного надзора на местах строительства Э. Май обязывался позаботиться о подготовке советских специалистов.

По прибытии в Москву Э. Май столкнулся с парадоксами советской урбанизации, о чем идет речь в самых первых разделах монографии: «Промышленные приоритеты» и «На подступах к социалистическому городу». В прологе поясняются те обстоятельства советской градостроительной практики, без учета которых непросто объяснить, почему разносторонний опыт и навыки Э. Мая не дали того результата, на который рассчитывали все участники советско-германского партнерства: и сам архитектор, и его московские работодатели.

Во-первых, в соответствии с большевистской социологией город трактовался исключительно как «пролетарский центр», что, разумеется, не совпадало с представлениями Э. Мая о городе как муниципальном сообществе. Политически советская урбанизация представляла собой «пролетарскую» колонизацию провинции (к таковым относились также бывшие территории Оренбургского казачьего войска, где намечалось строительство металлургического завода у горы Магнитной). Новый город как средоточие промышленных предприятий и рабочего класса, обращался в бастион советской власти в осваиваемой мелкособственнической среде. Вопросы рентабельности нового строительства, допустим, возведения дорогостоящего металлургического завода и города при нем или ме-

нее затратного рудника с рабочим поселком, были вторичными, если учитывать политическую целесообразность урбанизации.

Во-вторых, в чужой ему стране Э. Май обнаружил преобладание производственных приоритетов над коммунальными. Проектирование и возведение селитбы происходило в предпоследнюю очередь, когда все вопросы размещения и пуска промышленных предприятий были урегулированы. Непосредственно на Магнитострое Э. Маю пришлось создавать генплан соцгорода между котлованами и корпусами будущего металлургического комплекса. Мало того, ему порекомендовали зарезервировать дополнительные территории для размещения предприятий легкой промышленности. Неравноправие города усугублял статистически небезупречный «метод трудового баланса», которым пользовался Госплан СССР при расчете перспективной численности городских жителей. При неоднократном пересмотре директивных цифр по черной металлургии механически наращивалась проектная численность магнитогорцев (от исходных 20 тыс. до 200–300 тыс. человек) и, как следствие, нарастала демографическая погрешность. Никому, в том числе Э. Маю, не дозволялось обсуждать официальный прогноз численности населения, и все архитекторы, независимо от подданства, послушно оперировали малодостоверными цифрами. Побочный характер градостроительства уподоблял архитектурное проектирование бесконечному решению уравнения со множеством неизвестных...

В-третьих, императивы форсированной индустриализации вызвали абсолютное сокращение всех непроизводственных расходов. Из-за примата заводских корпусов гражданское строительство обеспечивалось по остаточному принципу. К тому же осуществлялось оно в самых примитивных и ретроградных формах. На советских новостройках на момент прибытия Э. Мая повсеместно господствовал «баракстрой». И хотя немецкий специалист выступал против временного и «облегченного» строительства, считая таковое непозволительной растратой времени и ресурсов, ему также приходилось учитывать при проектировании соцгородов верховенство промышленно-производственных интересов над потребностями людей.

Иллюстрацией к диспропорции индустриальных и социальных приоритетов служит тщательно реконструированный в книге эпизод, касающийся выбора городской площадки на Магнитострое. На разных этажах советской системы обсуждались два варианта строительства Магнитогорска: право- и левобережный. Первый из них был более удовлетворительным в санитарном и топографическом отношении. За него выступали местные власти и эксперты регионального звена. Правобережная площадка, однако, предполагала дополнительные капиталовложения на развитие транспортной инфраструктуры и возведение дамбы через реку Урал. Второй вариант (город подле завода), как наименее затратный по времени и финансам, отстаивали технократы из управления Магнитостроя и ВСНХ, т.е.

лица, отвечавшие за своевременную реализацию производственной программы. В настоящей дискуссии Цekomбанк в лице Э. В. Лугановского поддержал, правда, с некоторыми оговорками, позицию наиболее влиятельной стороны — ВСНХ. Архитектор Э. Май, в принципе, резервировавший правобережный вариант к исполнению, дисциплинированно разработал левобережный проект застройки, по которому селитьба располагалась поблизости от вредного производства.

Когда немецкий архитектор уже не мог повлиять на ситуацию, Совет Труда и Оборона СССР (1933 г.) и Совнарком СССР (1934 г.) приняли постановления о перенесении дальнейшего строительства города Магнитогорск на правый берег. Спустя тридцать лет Э. Май тоже признал обоснованность именно правобережного размещения города.

В-четвертых, огосударствление архитектурной отрасли и процессы центрирования внутри нее не устранили элементы бессистемности и запутанную юрисдикцию в деле проектирования и строительства соцгородов. В течение первой пятилетки к проектированию Магнитогорска имели отношение с десятком проектных организаций. Вокруг Магнитогорска успели провести Всесоюзный конкурс на составление эскизных проектов соцгорода, в котором приняли участие лидеры архитектурного дизайна, многообещающая молодежь и просто воодушевленные дилетанты, например будущий контр-адмирал Я. Я. Лапушкин (с. 37). Когда в 1930 г. Цekomбанк вклинился в ситуацию, ему

пришлось буквально расталкивать остальных игроков, чтобы заполнить магнитогорский заказ. С этого времени Проектно-Планировочное бюро Цekomбанка несколько раз меняло свою ведомственную прописку, тем самым «самоутверждаясь» на «рынке» гражданского строительства. В течение 1931 г. Цekomбанк обслуживал магнитогорский заказ под формализованным патронажем Главного управления коммунального хозяйства РСФСР, а затем Стандартгорпроекта ВСНХ СССР.

В монографии впервые во всех подробностях прописано, как на проектно-планировочную сутолоку вокруг Магнитостроя повлияли внешнеэкономические факторы, которые, скорее всего, были малоочевидны для иностранца Э. Мая и которыми виртуозно пользовалось руководство Цekomбанка. Претенденты на магнитогорский заказ радикально устранились Э. В. Лугановским и его попечителями. Достаточно упомянуть единственный эпизод из истории этого соперничества.

В декабре 1930 г. Правительственная комиссия во главе с заместителем председателя Госплана СССР С. М. Кузнецовым рассмотрела магнитогорские проекты Цekomбанка и Гипрогора (НКВД РСФСР). В обсуждении обоих проектов участвовали представители Магнитостроя, Магнитогорского горсовета и Совнаркома РСФСР, к примеру нарком НКВД РСФСР В. Н. Толмачев, который предсказуемо поддержал своего протеже — Гипрогор. В результате Правительственная комиссия отклонила проект Э. Мая, с чем никак не мог примириться его опекун —

Э.В. Лугановский. Чтобы повлиять на ситуацию, он воспользовался текущим ослаблением позиций республиканских органов власти и настроениями в кремлевских верхах. Только-только из Совнаркома РСФСР и Политбюро ЦК ВКП(б) выпроводили С.И. Сырцова, который усомнился в сталинских методах осуществления пятилетки. Благодаря настойчивости Лугановского и его покровителей ровно через неделю Правительственная комиссия пересматривает свое решение в пользу Цekomбанка (еще через пару недель В.Н. Толмачев лишается своей должности). Весной 1931 г. республиканские власти попытались взять реванш за прошлогоднюю неудачу. Они воспользовались инициативой свердловского Института государственных сооружений (филиал Всесоюзного государственного научно-экспериментального института гражданских, промышленных и инженерных сооружений). Уральские инженеры выдвинули собственный проект магнитогорского строительства. По итогам обсуждения свердловского варианта Совнарком РСФСР постановил передать проектные работы заново Гипрогору и волонтерам из Института государственных сооружений. Протестуя против такого решения, Э.В. Лугановский обратился за помощью к зампредам СНК РСФСР Т.Р. Рыскулову и Д.З. Лебедеву (с ним Лугановский был знаком еще по екатеринославскому подполью). Первый из зампредов неожиданно выступил с публичной критикой Э. Мая. К тому же Рыскулов поддержал предложение наркома Рабоче-Крестьянской инспекции СССР А.А. Андреева о сосредото-

чении всего проектного дела в гипрогорах и в коммунальных службах союзных республик, что могло разом перечеркнуть все амбициозные начинания Цekomбанка. Своих высокопоставленных оппонентов Лугановский одолел благодаря поддержке со стороны руководства ВСНХ СССР. Скорее всего, именно Г.К. Орджоникидзе добился отмены постановления российского правительства. Попутно была создана специальная комиссия, уполномоченная принять окончательное решение о местоположении Магнитогорска. Комиссию возглавил член ЦКК ВКП(б) А.К. Копьев — заведомая креатура Г.К. Орджоникидзе. Комиссия Копьева, естественно, приняла решение с учетом интересов Цekomбанка. Вчерашние недоброжелатели, в том числе Рыскулов, сразу же пошли на попятный, а Институт государственных сооружений был перепрофилирован в 1932 г. под промышленное строительство.

В-пятых, деятельность Э. Мая в Советском Союзе началась в момент пересменки и кардинального обновления градостроительных доктрин, что нашло свое отражение в служебных инструкциях и технических нормативах, которыми руководствовались архитекторы. На заре первой пятилетки в СССР популяризировались идеи «коммунистической» организации социума. Как следствие, архитектурная наука пережила приступ «утопического фантазерства». Распространение получили «уравнительные» принципы проектирования «социалистического» жилища и соцгородов. Пафос обобществления быта вдохновил

архитекторов на проектирование домов-коммун и многоэтажных жилых комбинатов с обслуживающими помещениями. С 1931 г., когда власти нацелили зодчих на создание жилища «переходного типа», в идеологию советского градостроения постепенно проникают элементы иерархичности и монументальной патетики. Согласно концепции «города-ансамбля», новые города должны были эстетически и эмоционально увековечить триумф социализма. В архитектуре акцент смещается с «потребительского равенства» на идейно-художественные мотивы и ранжированный комфорт. Обе градостроительные доктрины мало совпадали с профессиональным кредо Э. Мая, тем не менее немецкий архитектор безропотно принял к исполнению чуждые теоретические установки.

Магнитогорская одиссея Э. Мая и его сотрудников началась осенью 1930 г. Она растянулась в общей сложности на три года. За это время немецкие архитекторы разработали несколько проектов Магнитогорска, каждый из которых учитывал новые идеологические константы и капризы заказчиков. Изначально Э. Май сделал ставку на квартал из так называемой строчной застройки (с 1927 г. ее практиковали в Германии при массовом строительстве жилья для рабочих). Строчная застройка была удобна композиционно и выгодна экономически. Другое ее достоинство заключалось в создании равных жилищных условий для всего населения. Аналогичную нагрузку несли типовые кварталы. Их стандартность, по мысли Э. Мая, позволяла унифицировать условия

обитания горожан в противовес имущественной дифференциации селитбы в буржуазных странах. Капитальная застройка соцгорода представляла собой комбинацию из домов-коммун, зданий для «индивидуально-семейного» проживания и общежитий, причем последний тип жилища численно преобладал. Как предположили авторы монографии, Эрнст Май, зная советскую практику коммунального заселения квартир, преднамеренно спроектировал жилые помещения таких габаритов, чтобы вынудить местные власти выделять целую квартиру на одну семью (с. 175). Первые два проекта Магнитогорска, разработанные в бюро Э. Мая, были адаптированы к «социалистическому» образу жизни. Немецкие архитекторы предусмотрели возможность трансформации каждого квартала и поквартирных зданий в дома-коммуны. В связи с этим из планировки были исключены индивидуальные кухни. Элементарные потребности населения планировалось удовлетворить через систему бытового обслуживания. В соцгороде предусматривались столовые-распределители и универмаги, центральный пищевой комбинат и фабрики-кухни, бани и механизированные прачечные. Культурный ландшафт разнообразили центральный клуб и кино, общегородской стадион и парк отдыха. Детские учреждения рассчитывались на полное и, при необходимости, круглосуточное содержание детей. Первые магнитогорские проекты Э. Мая, если соизмерить их с тогдашними увлечениями иных советских архитекторов, были далеки от коллективистского максимализма. Последний проект Магни-

тогорска (1932 г.) отличался своей умеренностью и практичностью, а запланированные объемы строительства были нацелены на минимизацию жилищного кризиса на Магнитке. Некоторыми техническими параметрами генплан напоминал советские стандарты эпохи «оттепели».

Несмотря на свою квалификацию, деловые качества и умение приспособиться к требованиям заказчика, Эрнст Май оказался не ко двору в деле сталинского градостроения. В монографии дается взвешенный ответ на вопрос, почему специалист с рационализаторской жилкой Генри Форда и утилитаризмом тургеневского Базарова вынужден был досрочно покинуть СССР и чем была мотивирована последовавшая критика «наследия Мая» в стране «победившего социализма».

Прежде всего, сказалась малосовместимость созидательной программы Э. Мая с теми макроэкономическими задачами, которые поставила перед страной сталинская элита. Приоритеты индустриализации и связанный с ними режим тотальной экономии на нуждах общества сделали невозможными реализацию градостроительных проектов Э. Мая в полноценном формате и в установленные сроки. Ведомственные интересы были сопряжены в первую очередь с промышленным строительством, ради чего в жертву приносились социальные обязательства государства, в том числе планы по созданию современной городской среды. Из-за ограниченности ресурсов повсеместно приходилось мини-

мизировать, приостанавливать и консервировать капитальное жилищное строительство. На магнитогорской площадке архитектурные замыслы Э. Мая были реализованы фрагментарно. Нередко «завершенные» объекты соцгорода сдавались недоукомплектованными и с явным браком. В каждом конкретном случае страдала репутация немецкого архитектора. Дефицит валютных средств вынудил советское правительство пересмотреть свои финансовые обязательства перед иностранными специалистами. В нарушение подписанного контракта принимающая сторона пошла на ощутимое снижение оплаты труда Э. Мая в валюте, с чем немецкий архитектор все-таки смирился, дабы завершить начатое. Фатальным, однако, оказался диктат государства при выборе предпочтительного архитектурного направления. Концепция «функционального города», которую отстаивал Э. Май, постепенно замещалась официальной доктриной «города-ансамбля». Пока экономичный функционалистский подход сосуществовал с дорогостоящим «ансамблевым», пока энтузиазм не сменился апатией, Э. Май не порывал с социалистическим экспериментом. С грядущим торжеством «города-ансамбля», отдалявшим решение жилищного вопроса в СССР, Э. Май утрачивал всякие шансы на воплощение собственных принципов городской планировки и оборудования квартир. Быть же пассивным исполнителем и растрачивать свое время ради реализации малопродуктивного подхода он считал нерентабельным.

Помимо прочего, Э. Май натолкнулся на отторжение части советских коллег по архитектурному цеху. Творцы и приверженцы эстетики «города-ансамбля» не без основания упрекали однотипные проекты Э. Мая в однообразии, а в строчном характере застройки не видели ничего, кроме аскетизма и «казарменного вида». Город, начертанный Э. Маем, по мнению авторитетного зодчего А. В. Щусева, утрачивал свою архитектурную физиономию. Схематичные решения немецкого архитектора критики связывали с методом стандартизированного проектирования, который, в свою очередь, настораживал перспективой обмирщения архитектурной профессии. Корпоративная оппозиция, таким образом, была вызвана композиционными и технологическими расхождениями, а также опасением, что бюро Э. Мая монополизует градостроительный «рынок» и лишит остальных мастеров престижных заказов. Организационная консолидация оппозиции произошла на базе Академии архитектуры и строительства, созданной в 1932 г. Именно с этого времени компрометация немецкого зодчего, сперва деперсонифицированная и корректная, а потом адресная и беспардонная, велась многоголосо и скоординированно. Критика осуществлялась также по линии политической дискредитации — так было принято в идеократическом государстве. Применительно к эпохе Э. Май стал заложником распри между социалистами (II Интернационал) и большевиками (Коминтерн). Атмосфера конфронтации позволяла противникам Э. Мая рас-

сматривать своего соперника в качестве «главы капиталистической конторы». Следовательно, в его профессиональных решениях заинтересованные лица обнаруживали политическую инородность. Градостроительные проекты Э. Мая осуждались за «капиталистический характер» и противоположность коммунистическому воспитанию масс. Особо бдительные эксперты трактовали строчную застройку, практикуемую Э. Маем, как духовную диверсию против советского человека. В итоге немецкий архитектор был аттестован в «буржуазные филистеры», а к его творческому почерку приписали уничижительный ярлык «маевщина».

Провал миссии Э. Мая, таким образом, был во многом обусловлен советской действительностью, которую приходится трактовать в категориях государственного самоуправления, межведомственной чехарды, теоретической дезориентации, социального разлада, одним словом, кризиса. Вместе со своими сотрудниками Э. Май проектировал первые «реальные» соцгорода, включая Магнитогорск, с учетом базовых положений советской градостроительной доктрины и проходящих модных тенденций. Возводить же намеченные города приходилось из «кирпичиков будущего». Кардинальные решения принимала власть, а не архитекторы, что, тем не менее, не избавляло отрасль от жесткой административной и внутриведомственной конкуренции с участием промышленно-финансовых лобби. Решающими оказывались не профессионализм зодчих, а политический статус чи-

новников всесоюзного и республиканского звена, их революционные заслуги, партийный стаж и личные связи в кремлевских верхах. Зачастую в качестве арбитра выступал Высший совет народного хозяйства СССР, ставивший превыше всего узкопроизводственные задачи. Председатель ВСНХ Г.К. Орджоникидзе вместе со своими агентами сыграл в истории с Э. Маем роль коварного Мефистофеля, который сначала обольстил архитектора заманчивыми перспективами, поощрял его деятельность, а потом, сочтя такое сотрудничество обременительным и неактуальным, охладил к немецкому зодчему и бесцеремонно опорочил его репутацию. В такой системе взаимоотношений государства и высококвалифицированных специалистов ответственность за просчеты перекладывалась на тех, кого власть принуждала осуществлять свои решения, в частности на архитекторов.

Признаюсь, когда книга была прочитана, у рецензента накопилось достаточно вопросов и рекомендаций к авторам научного труда. При всех своих достоинствах монография оставляет впечатление «недорисованного портрета» Эрнста Мая. Большинство замечаний, однако, аннулировали последние

тексты М.Г. Мееровича и Е.В. Коньшевой² (добавлю к ним еще исследования Клаудии Квириг и Томаса Флирля), где содержится большой массив сюжетов, фактов и выводов. С поправкой на перечисленные и находящиеся в печати работы можно было бы только приветствовать расширенное переиздание монографии, разумеется, с нарастающим документальным цоколем (фонды РГАСПИ, журнал «Бюллетень Цескомбанка» и т.п.). Тем не менее, даже в изкомом виде рецензируемый труд займет почетное место среди важнейших научных работ о роли и вкладе иностранных специалистов в сталинскую революцию сверху. Разбирая часики с маркировкой «зодчество», исследователи обнаружили за отраслевыми и ведомственными шестернями политические пружинки механизма советской урбанизации, которые, в свою очередь, уточняют степень зрелости сталинского авторитаризма на рубеже 1920/1930-х гг.

² Меерович М.Г., Коньшева Е.В., Флирль Т. Эрнст Май в истории советской индустриализации // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. Т. 54. № 7. С. 230–238; Меерович М.Г. Эрнст Май: Рациональное жилье для России // Архитектон: известия вузов. 2011. № 36; Меерович М.Г., Коньшева Е.В., Флирль Т. Критика деятельности Эрнста Мая в СССР // Архитектон: известия вузов. 2012. № 37; Меерович М.Г. Раздробленное проектирование (письмо Эрнста Мая Иосифу Сталину) // Архитектон: известия вузов. 2012. № 38.

А. Н. Кабацков

Рецензия: *Лейбович О. Л.* Без черновиков. Иван Прокофьевич Шарапов и его корреспонденты. 1932, 1953–1957 гг. Пермь, 2009.

Книга историка Олега Лейбовича представляет собой необычное исследование. В основе работы 52 письма из переписки Ивана Прокофьевича Шарапова с советскими литераторами и редакторами литературных журналов.

И. П. Шарапов (1907–1996) — ученый-геолог, заведующий кафедрой поисков и разведки Пермского государственного университета, был арестован в феврале 1958 г. и осенью осужден по статье 58–10. Основанием для обвинения послужили рукописи и дневники, в которых Иван Прокофьевич излагал критические суждения по отношению к советской власти. В автобиографической книге «Одна из тайн КГБ (К истории инакомыслия в советской России)» И. Шарапов упоминает о большом массиве рукописных и печатных материалов, изъятых у него при обыске¹. В рецензируемую книгу вошли только письма из переписки Ивана Прокофьевича с советскими литераторами.

Первое письмо датировано 1932 г. Это ответ М. Горького на «письмо читателя» — И. П. Шарапова. Известный писатель дает суровую отповедь 25-летнему адресату за «весь-

ма странный рецидив интеллигентской болезни, той болезни, которая заставила огромное количество интеллигенции бежать от жизни, от возрождения нашего народа в эмиграцию, где она позорно и отвратительно загнивает»².

Остальная переписка датирована 1953–1957 гг. и можно увидеть, что спустя два десятилетия И. Шарапову повезло больше, его корреспонденты стали активнее откликаться на обращения «неизвестного читателя».

О. Лейбович предлагает рассматривать подборку писем в качестве особого источника о социальных процессах, протекавших в недрах общественной жизни: «Перед нами срез общественного сознания, сложившегося в позднюю сталинскую эпоху, а в 50-е гг. переживавшего процесс эрозии. Старые механизмы восприятия действительности подерживаются всей силой и власти, и традиции, однако рядом с ними — на той же основе — создаются иные инструменты понимания и объяснения социального мира»³.

Благодаря подробному введению, замысел автора становится прозрачен и ясен читателю. Литераторы,

¹ *Шарапов И. П.* Одна из тайн КГБ (К истории инакомыслия в советской России). М., 1990. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=1728>.

² *Лейбович О. Л.* Без черновиков. Иван Прокофьевич Шарапов и его корреспонденты. 1932, 1953–1957 гг. Пермь, 2009. С. 22.

³ Там же. С. 19.

работники редколлегий советских журналов и газет входили в группу людей, которые одними из первых почувствовали изменения в атмосфере жизни. В силу исторических обстоятельств главный герой книги «Без черновиков...» И. П. Шарапов оказался «лакмусовой бумажкой», индикатором новой ситуации, в которой оказалось советское общество в 1953–1957 гг.

В развернутом введении автор подробно проясняет свою методологическую позицию: «Язык, применяемый для обсуждения литературных проблем, заимствован из газет, это калька языка власти».

Все сюжеты, которые с самых критических позиций обсуждаются в письмах, взяты из газет: это и освоение целины, и запуск спутников, и даже тема культа личности. Так что и в этом отношении «частная переписка одомашнивает официальный дискурс»⁴.

Олег Лейбович рассматривает проблемы литературы, которых Иван Прокофьевич обсуждает со своими корреспондентами, в качестве особой формы социальной критики, своеобразного инструмента, при помощи которого конструируется, и, одновременно, сокращается социальная дистанция между участниками переписки и реалиями повседневной жизни. Отмечается, что воссоздаваемый литературный дискурс обладает особой конфигурацией: «Обсуждаются только литературные новинки: сейчас бы сказали, актуальное искусство. <...>

Пропущена литература о войне <...> писатели советского прошлого как будто бы не существовали вовсе <...>. Великие имена XIX в. взяты из школьных учебников: Гоголь, Тургенев, Толстой. В общем, книга это какая-то особая газета, по-другому переплетенная и многостраничная. И жить ей положено столько же. <...> Все участники переписки были горячими приверженцами реалистического искусства»⁵.

В книге использован хронологический принцип группировки писем. Такой подход позволяет читателям проследить эволюцию в тематике и стилистике общения И. П. Шарапова со своими корреспондентами.

Автор использует введение, чтобы определить стержневой сюжет коммуникации Шарапова с литераторами. О. Лейбович выделяет в качестве основы переписки, развернувшейся в 1953–1957 гг., отношения, которые складываются между Шараповым и Лифшицем. Портрет последнего выписан с особой тщательностью: «В 30-е гг. М. А. Лифшиц дерзко претендовал на роль главного партийного искусствоведа, командарма эстетическим фронтом. <...> В 30-е годы сомнения ему в голову не приходили. Лифшиц делал ставку на Сталина. <...> Лифшиц мыслил литературный процесс в категориях, разработанных для анализа истории философии. <...> М. Лифшиц был заметной фигурой в советском литературоведении, пока не потерпел сокрушительного поражения в аппаратной схватке со своими соперниками

⁴ Лейбович О. Л. Указ. соч. С. 8–9.

⁵ Там же. С. 6–7.

из руководства Союза советских писателей. <...> Прерогатива быть первым марксистом в области эстетики, как, впрочем, и в иных областях принадлежала только вождю...»⁶.

Поддержка именитого литератора помогает провинциальному геологу поверить в себя, и даже познакомиться с кругом московской интеллигенции: «Они встречались, беседовали. М. А. Лифшиц даже познакомил доцента из г. Сталино (там жил и работал И. П. Шарапов до переезда в г. Молотов) с московскими литераторами. И. П. Шарапов расширяет круг своих корреспондентов» — отмечает О. Лейбович⁷.

В сборник вошло девять писем, которыми обменялись главные герои, и критическая рецензия, написанная Шараповым на одну из статей М. Лифшица в «Новом мире». Эта рецензия привела к разрыву отношений между ними. Один не смог удержаться в рамках, которые следует соблюдать в иерархических коммуникациях, так как стремился действовать так же, как заявлял в письмах своему именитому адресату: «Писать надо правду, долой приспособленчество, пошлость»⁸. Другой не допускал и мысли, что может стать объектом критики со стороны того, кому он оказал доверие. Обида М. Лифшица положила конец отношениям. Это произошло в период, когда активность заведующего кафедрой Молотовского госуниверситета уже привлекла внимание

областного Управления КГБ и его корреспонденция стала регулярно задерживаться и досматриваться⁹.

Леонид Баткин отмечал: «Исследование есть попытка встречного перевода»¹⁰. Книга О. Лейбовича только формально может быть воспринята как сборник писем. Перед нами исследование, автор которого осознанно усложнил решаемую задачу. Он предложил читателю проследовать по дороге «исследовательского перевода», используя введение как путеводитель, а комментарии в качестве инструмента, дешифрующего социальный и исторический контекст письма. Комментарии, которыми сопровождаются письма, показывают, что автор сознает сложность аутентичного прочтения этих текстов в качестве исторического источника даже подготовленными читателями.

Обширные и детальные комментарии сопровождают почти каждое письмо, очерчивая портреты действующих персонажей: «В среде литераторов, группирующихся вокруг А. Т. Твардовского, сложилось пренебрежительное отношение к Константину Симонову, едва ли не ежегодному лауреату сталинских премий...»¹¹. Следует заметить, что автор часто привлекает дополнительные источники информации.

⁹ № 335. Из постановления УКГБ при СМ СССР по Молотовской области о производстве выемки почтово-телеграфной корреспонденции у И. П. Шарапова // Политические репрессии в Прикамье 1918–1980-е гг. Сборник документов и материалов. Пермь, 2004. С. 454.

¹⁰ Баткин Л. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. М., 1994. С. 5.

¹¹ Лейбович О. Л. Указ. соч. С. 47.

⁶ Лейбович О. Л. Указ. соч. С. 12–14.

⁷ Там же. С. 16.

⁸ Там же. С. 34.

Воспоминания участника событий или процитированная характеристика из монографического исследования позволяют объемно и в деталях решить проблему «реконструкции» смысловых контекстов эпохи. Как и в остальном, в комментариях проявляется высокий профессионализм автора и его широкая эрудиция, на которую опирается исследование.

Современный читатель книги способен почувствовать себя на месте участников переписки, так как распознавание исторического контекста он сможет производить не хуже их. Вместе с тем следует отметить, что общность символического языка, которая обнаруживается у провинциального геолога и писателей, публикующихся в журналах с миллионными тиражами, удивляет. Ведь их социальные позиции, если их измерять по шкале социальных капиталов П. Бурдье, несопоставимы. Общность габитуса, мыслительных схем, алгоритмов и шаблонов суждений, которую выявляют перед нами письма, говорит о прошлом гораздо больше, чем схемы теоретико-методологических построений теории тоталитаризма. О. Лейбовича сложно отнести к тем, кто рассматривает данную эпоху, как и сталинское время, с позиций утилитарного тоталитаризма. Он сторонник методологических интерпретаций концепта повседневности. Сам автор остается в стороне от дискуссии о методологии истории сталинизма, видимо подразумевая, что интересующиеся его авторской позицией в этом вопросе знакомы с его трудами¹².

Учитывая методологические предпочтения О. Лейбовича — использовать в качестве «исследовательского ключа» концепцию повседневности, уместно предположить, что представленные письма рассматриваются в качестве документального свидетельства состоявшегося диалога между «читателем Шараповым» и «писателями». В сталинские годы опасения высказывать суждения, оценки, выходящие за рамки официально обозначенной политической позиции, сужали круг общения людей. Репрессивный стиль сталинской политики разрывал первичные социальные связи и препятствовал формированию на их основе социальных сетей и коммуникаций. Тем интереснее, что письма Шарапова находят отклик и позволяют начаться обмену мнениями, оценками, суждениями между малознакомыми людьми, — намного более открытому, чем это принято было в сталинскую эпоху.

Коммуникация Шарапов–литераторы показывает процесс разрушения социальных барьеров сталинской эпохи. Десталинизация, таким образом, предстает в виде реконструкции социальных практик формирования сообществ, социальных групп на основе индивидуализированных интересов. То, что в эпоху Сталина называлось «групповщина», заполняет собой вакуум социальных коммуникаций, когда властный контроль ослабевает.

рецензируемой книге: Лейбович О. Л. 1) Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993; 2) В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. М., 2008.

¹² Упомянем лишь две работы, ключевые для интерпретации методологических подходов автора применительно к

Завершение переписки И. П. Шаропова с советскими литераторами, как уже упоминалось, было трагично. Арест и приговор в 1958 г. по статье 58–10 продемонстрировали, что властные институты восстанавливают свои права на контроль публичного пространства. Образ мышления Ивана Прокофьевича был слишком радикален, чтобы он мог почувствовать альтернативу в виде ухода в приватность, и отчуждения от практики публичного обличения недостатков. Иван Прокофьевич был искренним в своих текстах: «Наши достижения неизбежно сопровождаются недостатками. Эта борьба будет более успешной только тогда, когда народ поймет природу. Никакими юридическими актами не уничтожить лживость, пьянство, зазнайство, произвол»¹³. И эта искренность расорила его с М. Лифшицем и сделала объектом политических репрессий со стороны власти.

Противоречивая и «колючая», по выражению одной из его корреспонденток¹⁴, фигура провинциаль-

¹³ Лейбович О. Л. Указ. соч. С. 155.

¹⁴ Там же. С. 72.

ного геолога проявляет перед нами малоизвестную и практически неисследованную сторону жизни советского общества, находившегося на развилке внезапно открывшихся вариантов жизни после сталинской эпохи. Вопросы выбора будущего, перспективы, которые будоражили умы советских людей в 1950-е гг. — этот круг вопросов проблематизируется в исследовании Олега Лейбовича. И в этом качестве книга будет полезна историкам, социальным исследователям, пытающимся понять советское общество и людей, которые жили немногим более полувека назад.

Вместе с тем данное исследование не претендует на полноту описания эпохи. Оно приоткрывает перед читателем занавес, который отделяет мир повседневности от мира больших теорий и методологических схем. Для историка, стремящегося освоить технологии и методы изучения повседневности, работа с источниками, представленными под обложкой рецензируемого издания, может стать отправной точкой для освоения увлекательной и интересной профессии.

С. В. Смирнов

БЫЛИ ЛИ РУССКИЕ СОЛДАТЫ В КВАНТУНСКОЙ АРМИИ?

Рецензия: *Яковкин Е. В.* Русские солдаты Квантунской армии. М.: Вече, 2014. 320 с.

В последние годы на волне формирующегося нового российского патриотизма, подкрепляемого официальной версией отечественной истории, вновь актуализировалась проблема службы выходцев с территории России (не только русских по национальности) в армиях воевавших с Советским Союзом в годы Второй мировой войны государств, нередко узко понимаемая как проблема коллаборационизма.

Данная проблема была порождена целым комплексом причин, связанных с революцией 1917 г., расколовшей страну и ввергнувшей Россию в пучину радикальных социальных перемен. Многоаспектность, неоднозначность и по-прежнему острая актуальность проблемы, с нашей точки зрения, не позволяют рассматривать ее в рамках единственного концептуального подхода в духе «анатомии предательства» или героики антибольшевистского сопротивления. Тем не менее, очень часто обращение к проблеме участия выходцев с территории России в вооруженной борьбе против СССР в составе армий государств ее противников грешит однобокостью и тенденциозностью. Ярким приме-

ром чему служит вышедшая в свет в 2014 г. в издательстве «Вече» (проект «Военные тайны XX в.») монография Е. В. Яковкина «Русские солдаты Квантунской армии».

Монография посвящена созданию и деятельности русских воинских формирований в государстве Маньчжоу-го (северо-восточный Китай) во второй половине 1930-х — 1945 г. как части антибольшевистского сопротивления, консолидированного под эгидой Японии. Задуманные как орудие в вероятной вооруженной борьбе с Советским Союзом, эти формирования не оправдали возложенных на них японским руководством надежд, не выступив на стороне Японии в военных действиях в августе 1945 г. в Маньчжурии.

Сразу хотелось бы отметить, что название монографии не более чем издательская уловка — стремление привлечь внимание читателя именем «грозного противника» СССР на Дальневосточных рубежах — Квантунской армии. Даже с чисто формальной точки зрения российские эмигранты, волей судеб оказавшиеся в северо-восточном Китае, где в 1932–1945 гг.

существовало самостоятельное государство Маньчжоу-го, служили в 1938–1945 гг. в армии этого государства, а не в японской Квантунской армии. Сам автор, отмечая, что работа посвящена сотрудничеству русской эмиграции с японскими военными, представляет предмет исследования не столь определенно, как это следует из названия. Другой уловкой стоит считать утверждение автора о том, что изучению воинских формирований из русских эмигрантов в Маньчжоу-го не уделено должного внимания. Так, в 2012 г. в Екатеринбурге была выпущена посвященная изучаемой автором проблеме монография «Отряд Асано: русские воинские формирования в Маньчжоу-го, 1938–1945 гг.», на которую сам Яковкин неоднократно ссылается¹. Но обратимся к содержанию книги.

Первая из трех глав работы посвящена русской военной эмиграции в Китае. Остановившись коротко на исходе русских в годы Гражданской войны в Китае, автор основное внимание уделяет военно-политическим организациям и идейным воззрениям русской военной эмиграции. По не совсем понятным причинам к перечню военно-политических организаций эмиграции, помимо Русского обще-воинского союза (РОВС), Корпуса императорской армии и флота (КИАФ), Братства русской правды (БРП), Яковкин относит также Всероссийскую фашистскую партию и Союз мушкетеров, которые лишь с боль-

шой натяжкой могут быть причислены к военно-политическим организациям, а также структуры совсем иного плана, как, например, Бюро российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), Антикоминтерновский комитет – эмигрантские административные органы в Маньчжоу-го и Северном Китае, и даже официальную общественную организацию Маньчжоу-го – Кюовакай.

Идейные воззрения русской военной эмиграции в Китае сведены Яковкиным к трем основным направлениям – идеология РОВС, монархизм и фашизм. Если монархизм и фашизм как идейные направления эмиграции бесспорны (хотя и здесь говорить о единой монархической идеологии нельзя), то что такое идеология РОВС вне существовавших в эмигрантской среде идейных направлений, остается совершенно непонятно.

Как указывает автор, большую роль в жизни русской эмиграции после создания в 1932 г. государства Маньчжоу-го играла сформированная на основе японской идеи «общего дома» идеология этого государства, активно внедряемая через политические и общественные организации, школу, СМИ и т. п. Тем не менее, в годы Второй мировой войны для российской эмиграции был характерен патриотический подъем, сделавший ее, несмотря на все усилия японцев, потенциальным союзником СССР. В связи с чем Яковкин сокрушенно замечает: «несмотря на все усилия японских властей, значительная часть русской эмиграции не оказала какого-либо

¹ Смирнов С. В. Отряд Асано: Русские воинские формирования в Маньчжоу-го, 1938–1945 гг. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012.

сопротивления вторгнущимся советским войскам в августе 1945 г. Более того, многие пошли по пути сотрудничества с советской властью. Это объясняется плохой работой ГБРЭМ и лидеров эмиграции в отношении пропаганды и разъяснения целей войны...» (с. 90). Для автора политический, антибольшевистский характер эмиграции задан априори, он даже не пытается разобраться в мотивах поступков эмигрантов и причинах, которые привели к «советизации» эмиграции, начавшейся задолго до 1941 г. Так же как в свое время советские историки, Яковкин совершенно однозначен, хотя и диаметрально противоположен им в своих выводах. Он легко навешивает ярлык «предательства» на эмигрантов, не выступивших на стороне Японии в военных действиях в Маньчжурии в августе 1945 г.

Во второй главе монографии Яковкин обращается к отряду Асано, первому и наиболее известному из русских воинских формирований в Маньчжоу-го, в начальный период его существования (1938–1943 гг.). Желая показать особую роль Японии в организации отряда Асано, автор в первом параграфе останавливается на очень важной проблеме — взаимоотношениях между российской эмиграцией и Японией на протяжении 1922–1945 гг. Основное внимание здесь уделяется антибольшевистскому сопротивлению в эмигрантской среде, деятельности японской разведки и созданию русских охранно-полицейских структур. При этом автор в один ряд с подразделениями, создававшимися на территории Маньчжоу-го, го-

сударства-сателлита Японии, ставит и созданный в 1927 г. в Шанхае русский отряд (в дальнейшем Русский полк) в составе Шанхайского волонтерского корпуса, охранявшего порядок на Международном сеттльменте. Это подразделение не имело никакого отношения к японцам, было создано властями Международного сеттльмента и подчинялось им. Только с началом Тихоокеанской войны сокращенный и реорганизованный в полицейское подразделение Русский полк попал под руководство японской администрации, впрочем, никакого отношения к Квантунской армии не имевшего.

Вообще поражает профессиональная небрежность автора, его жонглирование фактами при очень слабой ко всему прочему источниковой базе.

Недостаточность источниковой базы исследования особенно рельефно проявляется при описании истории отряда Асано. Автор в ходе исследования не обращался ни к одному архиву (!), где сохранились крупные массивы документов, связанные с изучаемыми автором проблемами. Здесь мы могли бы назвать Центральный архив ФСБ РФ, Архивы ФСБ по Омской области и Приморскому краю, Государственный архив Хабаровского края, Государственный архив Приморского края, Государственный архив административных органов Свердловской области. Не говоря уже о том, что некоторую интересную информацию можно почерпнуть и за рубежом — в частности в архиве Музея русской культуры в Сан-Франциско. Основные сведения об отряде Асано, которые

Яковкин приводит в своей монографии, заимствованы из работ других исследователей без использования должного критического подхода и сравнительно-сопоставительного анализа. Исследовательская манера автора как нельзя лучше характеризуется выражением: «Если факты противоречат моей теории, то тем хуже для фактов» (Гегель).

Заявив во введении, что его исследование призвано устранить существующие упущения и мифы, сложившиеся вокруг отряда Асано, автор тем не менее остается в рамках мифов, сформированных прежними десятилетиями и связанными прежде всего с именами американского историка Джона Стефана, одного из крупнейших исследователей русского фашизма, и Анатолия Кайгорода, писателя, краеведа, большого знатока казачьего Трехречья и активного антибольшевика.

Одним из главных мифов, кочующих из работы в работу и утвердившихся в виртуальных сетях, является миф об активном участии отряда Асано в открытой вооруженной борьбе против СССР и особенно в событиях 1939 г. на Халхин-Голе. Яковкин, так же как и некоторые его предшественники, выводит в бой на Халхин-Голе несуществующий эскадрон асановцев (отряд только в 1940 г. станет конным. — С.С.) под командованием забайкальского казака (на самом деле оренбургского. — С.С.), есаула (в это время всего лишь прапорщика. — С.С.) Василия Тырсина, который в жестокой и короткой схватке вырубает подразделение монгольских конников-цириков. По-видимому, именно этот

несуществующий бой автор относит к тем подвигам, которые совершили русские бойцы бригады «Асано» на Халхин-Голе (с. 135).

В реальности на Халхин-Голе было не более десятка асановцев, которые в основном работали в качестве связистов и не участвовали непосредственно в боях. Хотя даже в этом случае избежать жертв эмигрантам не удалось — при одном из налетов советской авиации погиб ефрейтор Натаров, позднее погребенный с воинскими почестями в Харбине в ограде Николаевского кафедрального собора.

Последняя глава монографии посвящена деятельности русских воинских отрядов (именно так они стали именоваться с января 1944 г.) в 1944–1945 гг. В главе сложно найти что-то новое, еще неизвестное о жизни РВО в этот период. Удивляет приводимая в исследовании сильно завышенная цифра русских военнослужащих, не подкрепленная никакими документами. Она, по-видимому, вызвана стремлением автора показать, что эмиграция до сих пор составляла грозную военную силу, которую можно было бы использовать в борьбе против СССР. Яковкин заявляет, что «в начале 1944 г. генерал-лейтенант Г.М. Семенов (!? — С.С.) возглавил объединенные русские воинские отряды на территории Маньчжоу-Ди-Го (6 тысяч человек)...» (с. 164). Оставим утверждение об атамане Семенове, якобы возглавлявшем РВО, на совести автора, но, что касается численности русских отрядников, она в совокупности личного состава всех трех РВО (Сунгарий-

ский, Ханьдаохэцзийский и Хайларский) составляла не более 700 человек. И даже вместе с резервистами их численность вряд ли бы превысила цифру в 2,5 тысячи.

В период советско-японской войны августа 1945 г., как считает Яковкин, большая часть асановцев пошла по пути предательства (с. 184). Они не поддержали японские войска в борьбе против Красной армии, а, наоборот, оказали поддержку советской стороне в ликвидации Квантунской армии. Несчастные эмигранты, зажатые между Советским Союзом и Японией, для всех оказались предателями. По мнению автора, возмездие для «предателей» наступило очень скоро. После окончательного разгрома японцев большая часть бывших асановцев были арестованы советской контрразведкой и вывезены в советские лагеря.

Нельзя не упомянуть об обширном приложении, которое имеет монография Яковкина. В качестве приложения автор поместил хорошо известные биографии крупных деятелей российской эмиграции в Маньчжурии и руководителей Японской военной миссии, которая курировала деятельность РВО. Но, к сожалению, в приложении нет ни одной биографии русских военнослужащих отряда Асано. Представленный в приложении фотоматериал также практически не содержит фотографий русских асановцев, а надписи к некоторым фотографиям либо ни о чем не говорят, либо не соответствуют действительности. Например, фотография из кол-

лекции М. Ю. Блинова, на которой якобы изображен один из командиров русских отрядов и его переводчик, не сообщает ни кто этот человек, ни командиром какого отряда он являлся. Располагая фотографиями всех офицеров русских подразделений армии Маньчжоу-го, мы можем с уверенностью сказать, что к РВО отношения он не имел. Фотография «отряда Асано» на самом деле является снимком восьмого выпуска Военно-полицейского училища на станции Ханьдаохэцзы (1940 г.), готовившего кадры для русских отрядов горно-лесной полиции Маньчжоу-го, самостоятельной от РВО структуры. Эта фотография была опубликована мной еще в 2006 г. в альманахе «Белая армия. Белое дело»². Можно и далее продолжать.

Подводя итог всему выше сказанному, хотелось бы привести слова крупного британского историка А. Тэйлора, как нельзя лучше отражающие суть исследовательской исторической практики: «историкам часто не нравится то, что произошло, и хочется, чтобы это произошло по-другому. Но делать ничего. Они должны излагать правду, как они ее видят, и не беспокоиться, разрушает ли это существующие предрассудки или укрепляет их»³.

² Смирнов С. В. Русские офицеры в военизированных и армейских подразделениях Маньчжоу-го (1932–1945 гг.) // Белая армия. Белое дело: исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 2006. № 15. С. 95–102. Вкладка.

³ Taylor A. J. P. The Origins of the Second World War. London: Penguin Books, 1964. P. 7.

Н. Р. Славнитский

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НЕСВИЖСКОГО ЗАМКА

Работы Н. А. Волкова и С. В. Юхо в трудах ВИМАИВиВС

В 2012–2013 гг. в рамках конференций Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи вышло несколько работ белорусских коллег, посвященных истории Несвижского замка¹. Причем сложилось так, что сначала исследователи подробно остановились на вооружении крепости, а затем появилась работа, где рассматривается общая история развития

фортификационных укреплений. Ценность работ от этого нисколько не пострадала, просто мы в таком случае остановимся на исследованиях в таком же порядке.

В то же время следует отметить, что Н. А. Волковым были подробно рассмотрены фортификационные особенности замка, да и С. В. Юхо уже в первой работе затронул эти аспекты. Но основное внимание Николай Александрович уделил именно артиллерийскому вооружению, при этом опирался как на документы архивов Беларуси и Польши, так и на опубликованные польские материалы. Значение того, что эти материалы введены в научный оборот, конечно, очень велико. Отдельно следует отметить, что выявленные автором материалы документального характера (так называемые «инвентари», т. е. описи вооружения) позволили установить хронологию и принципы процесса литья пушек в самом замке — это было не слишком частым явлением. При этом исследователю уда-

¹ Волков Н. А. Артиллерия Несвижского замка в конце XVI — начале XVIII века // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции. СПб., 2012. Ч. 1. С. 272–283; Юхо С. В. Инвентарь вооружения Несвижского замка 1510, 1569 годов (позднее вывезенного в Чернавицы) и другие инвентари 2-й половины XVI в.: уникальные источники для новых исследований // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции. СПб., 2012. Ч. 3. С. 445–453; Юхо С. В. Антропологический фактор в фортификационных изменениях Несвижского замка (1582–1793) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой международной научно-практической конференции. СПб., 2013. Ч. 4. С. 476–484.

лось выяснить, какие именно орудия были изготовлены непосредственно на месте, а какие (и когда) попали сюда из других мест, и при этом проследить их дальнейшую судьбу.

С. В. Юхо в первой работе тоже опирался на те же «инвентари» (и тоже привлек документы из архивов Беларуси), и его работа в большей степени источниковедческого характера. Сергей Владимирович главным образом анализирует сами документы, при этом обращает внимание не только на артиллерию, но и на другие виды вооружения (и снаряжения). Таким образом, эти две работы очень хорошо дополняют друг друга, и исследователи представили максимально полную картину вооружения несвижского замка в XVI столетии (работа С. В. Юхо охватывает только этот период, тогда как исследования Н. А. Волкова более широки хронологически).

При этом Сергей Владимирович обратил внимание на то, что большая часть вооружения закупалась за границей. И таким образом получается, что в непосредственно Несвиже изготавливали только артиллерийские орудия, а всё остальное закупали. Ничего удивительного в этом нет — литейное производство в то время было весьма сложным и трудоемким процессом и выполнялось, говоря современным языком, «узкопрофильными специалистами». И в распоряжении у владельцев замка (Радзивиллов) были только литейные мастера.

Третья из рассматриваемых работ посвящена непосредственно истории развития замка. Несколько

удивляет название работы — «Антропологический фактор». Этот же термин повторяется и в тексте, Сергей Владимирович отмечает, что «архитектурное строение не статично, оно подвергается мелким и крупным изменениям в хронологической ленте своего существования. Таким изменениям, в особенности в фортификационной части, подвергся Несвижский замок; и большую роль в этом сыграл антропологический фактор, в частности деятельность различных архитекторов после Яна Марии Бернардони». И далее он подробно разбирает эти изменения, причем обращает внимание на то, что сначала замок был построен в соответствии с «новоитальянской системой», а в конце XVII в. перестраивался по правилам «староголландской школы», которая в то время была популярна в Речи Посполитой.

Под антропологическим фактором автор подразумевает именно «различия архитекторов (в основном, кстати, иностранных) во взглядах на суть оборонительной доктрины фортеции...». На наш взгляд, было бы лучше сформулировать «различия национальных фортификационных школ», но это замечание носит дискуссионный характер, и даже если признать название не очень удачным, это ни в коей мере не умаляет значения самой работы.

В то же время хотелось бы отметить, что «староголландская школа» была популярна не только в Речи Посполитой, но и в других европейских странах. И дело тут не столько в различных взглядах на доктрины, а в развитии фортификации — «новоитальянская»

система сформировалась в XV столетии, а «староголландская» — в первой половине XVII в. А применение этих принципов во многом было связано с тем, что усилить укрепления требовалось без кардинальной перестройки самого замка (на это, скорее всего, не было ни времени, ни средств). И принципы голландской школы как раз прекрасно позволяли это сделать — насыпать новые валы — фоссебреи (это было сделано, по данным Сергея Владимировича) и, возможно, увеличить ров (об этом сведений нет) и укрепить его дополнительными сооружениями. В Нидерландах это было связано с географическими особенностями страны, но в то же время хорошо прижилось и в других государствах именно в тех случаях, когда требовалось не перестраивать, а укреплять существующие фортификационные сооружения.

В этой статье С. В. Юхно проследил все основные этапы перестроек замка, при этом им на основе ранее неизвестных документальных материалов (из белорусских архивов) выявлены не только инженеры, руководившие как серьезными перестройками, так и мелкими повседневными работами, но и установлены источники, откуда привлекались рабочие.

Кроме того, авторы обратили внимание на участие гарнизона замка в войне 1654–1667 гг. Это естественно, так как именно в ходе той войны замок подвергся наиболее сильному нападению за всю историю своего существования, и именно те события стали главными в его военной

истории. При этом, естественно, Н. А. Волков остановился на артиллерии, а С. В. Юхно — на фортификационных достоинствах укрепления. Оба автора пришли к выводам, что и сами укрепления, и их вооружение (а также и расстановка орудий, что являлось немаловажным фактором — наиболее мощные орудия были установлены на наиболее опасном участке) полностью соответствовали требованиям той эпохи. И в данном случае они полностью правы. К сожалению, не уделено внимания действиям гарнизона. Поскольку воюют не укрепления, а люди, при этом факторы материального обеспечения (под этим мы в данном случае подразумеваем не оплату, а именно обеспечение вооружением) тоже играет важную роль. Но такой задачи авторы в данных работах перед собой не ставили, так что это нельзя считать недостатком.

Подводя итоги, следует признать, что рассмотренные работы коллег являются очень ценными для науки, в том числе и с той точки зрения, что эти вопросы никогда раньше не рассматривались в отечественной историографии. При этом ими введен в научный оборот неизвестный ранее документальный материал, а сами статьи выполнены на высоком профессиональном уровне. Кроме того, авторы наметили и дальнейшие направления исследований, так что мы можем ожидать новых работ, которые позволят нам узнать еще и другие подробности и аспекты истории Несвижского замка, поэтому остается только пожелать успеха коллегам на этом пути.

А. Л. Клейтман

Рецензия: *Майорова А. С.* История культуры Саратовского края: Культура Саратовского края до начала XX века (Ч. 1. Конец XVIII — первая половина XIX века). Саратов: Изд. центр «Наука», 2013. 236 с.

Рецензируемая книга представляет собой учебное пособие для студентов-историков Саратовского государственного университета, изучающих в рамках спецкурса историю культуры Саратовского края. Кроме того, по замыслу автора, она адресована учителям школ и всем интересующимся историей Саратовского Поволжья.

Под термином «Саратовский край» автор, продолжая сформировавшуюся в историографии XIX столетия традицию, понимает территорию Саратовской губернии, к которой относилась территория современной Саратовской области и большая часть современной Волгоградской области. В тот период времени, которому посвящено учебное пособие, данная территория представляла собой единое пространство, как в административном, так во многом и в экономическом и культурном отношении.

Хронологические рамки учебного пособия охватывают конец XVIII — первую половину XIX в., т.е. период со времени создания Саратовского наместничества в 1780-х и до 1850-х гг. В середине XIX в. в результате реализации Великих реформ Александра II в Поволжье произошли важные изменения, затронувшие все сферы жизни общества, в том числе коренным обра-

зом преобразился культурный облик региона.

Работа состоит из введения, четырех разделов, выделенных по проблемному принципу, заключения, списка источников и литературы.

Во введении, как это принято в диссертациях и монографиях, посвященных историческим проблемам, А. С. Майорова обозначила теоретико-методологические основания и принципы своей работы. Развивая мысль ряда отечественных философов и методологов исторической науки, автор обосновала возможность выделения культуры Саратовского Поволжья, т.е. культурного пространства отдельной области или региона, в качестве предмета научного исследования и соответствующего учебного курса.

По аргументированному мнению автора, несмотря на то что население Саратовского Поволжья в изучаемый период было полиэтничным, роль системообразующего элемента в общем процессе культурного развития играла культура русского народа. Как отметила А. С. Майорова, иностранные поселенцы, проживавшие на территории Саратовской губернии, несмотря на свою относительно многочисленность, составляли замкнутое сообщество и за пределами мест

своего проживания не оказывали заметного влияния на культурное развитие региона. Исходя из этого, автор сделала предметом своего рассмотрения культуру русского населения региона. На наш взгляд, если бы рецензируемая работа представляла собой научный труд – диссертационное исследование или монографию, для полного раскрытия заявленной темы необходимо было бы рассматривать культурное пространство Саратовского Поволжья как мозаичное, т.е. изучать культуру региона как несколько культурных пространств, вне зависимости от того, насколько они были связаны друг с другом. В таком случае обязательно нужно было бы посвятить отдельные разделы книги культуре немецких колонистов, культуре местного мордовского, чувашского населения и т.д. В данном случае, поскольку книга, по замыслу автора, является учебным пособием по конкретному курсу, допустимо было оставить за рамками работы сюжеты, связанные с культурой других этносов Саратовского края: этот круг вопросов может быть изучен студентами в рамках других учебных предметов.

А.С. Майорова предлагает осмысливать «культурное пространство» региона с социологических позиций, т.е. рассматривать его как «синтез культурных пространств различных социальных групп». Следуя этому, сформулированному на первых страницах книги тезису, исследовательница структурировала учебное пособие: первый и второй разделы посвящены народной и дворянской культуре Саратовской губернии соответственно, в третьем разделе

рассматривается общественно-культурная среда и культурный потенциал Саратова как губернского города, четвертый раздел посвящен анализу особенностей общественно-культурной среды уездных городов Саратовской губернии.

В первом разделе книги, проанализировав особенности развития народной культуры региона в конце XVIII – первой половине XIX в., А.С. Майорова пришла к выводу, что в целом народная культура русского населения региона обладала всеми чертами, присущими этнической культуре русских, но при этом имела ряд особенностей, проявлявшихся в фольклоре, литературном творчестве, хозяйственной деятельности, быту. Причины этих особенностей были связаны со значительным процентом старообрядческого населения, а также украинцев, мордвы, татар, чувашей, проживавших в крае. В качестве основных факторов, определявших развитие народной культуры региона, исследовательница выделила постоянное увеличение населения Саратовской губернии за счет выходцев из других областей России, а также религиозную политику правительства, направленную на ограничение влияния на русское крестьянство со стороны иностранных поселенцев, исповадавших католичество и протестантизм, и старообрядцев.

По справедливому мнению А.С. Майоровой, специфическая дворянская культура не играла существенной роли в организации культурного пространства в Саратовском Поволжье, в отличие от тех регионов России,

где дворянство с давних пор составляло значительный контингент местного населения. Тем не менее, с конца XVIII столетия в Саратовской губернии стали появляться первые дворянские усадебно-парковые комплексы, наиболее крупными из которых были усадьбы князей Куракиных и Голицыных, довольно быстро, по выражению исследовательницы, ставшие «своего рода трансляторами высоких достижений дворцово-паркового искусства и образцами дворцовых музеев для окрестных дворян»². Именно дворянство было той социальной группой Саратовского Поволжья, которая принимала наиболее активное участие в научной и культурной жизни России указанного периода.

Наибольший интерес представляет раздел рецензируемой книги, посвященный социокультурному развитию Саратова как губернского центра в конце XVIII – первой половине XIX в., поскольку в нем А. С. Майорова продемонстрировала, как происходило превращение маленького провинциального городка в полноценный город, вскоре ставший одним из крупных культурных и научных центров России. В качестве важных факторов и одновременно проявлений этого процесса исследовательница выделила становление институтов распространения и использования знаний – зарождение книжной торговли, появление первых музейных коллекций, открытие библиотеки, начало издания первой газеты – Са-

ратовских губернских ведомостей. Большое значение для преобразования культурного пространства губернского города имело открытие театра в первые годы XIX столетия. Опираясь на источники, А. С. Майорова показала, что новое увеселительное заведение было очень популярным среди «черни», т. е. недворянского местного населения, которое, находясь в театре, могло вплотную соприкоснуться с аристократической жизнью, наблюдая ее на сцене³.

Оригинальный подход к осмыслению культурного пространства региона был использован автором рецензируемой работы в четвертом разделе книги, посвященном особенностям культурного развития уездных городов Саратовской губернии. По мнению А. С. Майоровой, города Саратовского Поволжья в конце XVIII – первой половине XIX столетия можно разделить на три условные группы.

К первой из них исследовательница отнесла города-крепости – Царицын, Камышин и Петровск. В этих городах, ко времени создания Саратовского наместничества уже утративших военно-стратегическое значение, значительный процент местного населения составляли потомки представителей военных сословий. Здесь сохранялись остатки старых оборонительных сооружений, которые способствовали поддержанию интереса местного населения к истории своих городов. В отличие от сельских поселений, в бывших крепостях Саратовского Поволжья

² Майорова А. С. История культуры Саратовского края: Культура Саратовского края до начала XX века (Ч. 1. Конец XVIII – первая половина XIX века). Саратов: Изд. центр «Наука», 2013. С. 120.

³ Там же. С. 170.

существовали традиции городского летописания, проявлялась тенденция к мемориализации предметов, связанных с историей этих городов (например в Царицыне хранились трость и картуз Петра I, которые император оставил местным жителям во время посещения города).

В особую группу А.С. Майорова выделила города Вольск, Хвалынский и Кузнецк, основу экономического уклада которых составляла торговая-промышленная и ремесленная деятельность. По мнению исследовательницы, наиболее ярким примером купеческого, торгового города являлся Вольск (Волгск, Волжск). Здесь ежегодно проводились крупнейшие ярмарки, на которые съезжались купцы из центральных и северных областей России, а также торговцы из восточных стран – армяне, персы, турки, китайцы и т.д. В Вольске было довольно много каменных построек, что свидетельствовало о зажиточности местного населения. Современники, в том числе иностранцы, отмечали чистоту и живописность городка. Уникальность архитектурному облику города придавали два больших собора, по размеру и убранству не уступавшие большим столичным православным храмам.

В городах третьей группы – Аткарске, Сердобске, Балашове и заволжских Новом Узене, Николаевске и Цареве характер экономики и жизненный уклад населения определяло земледелие. Эти населенные места не были городами в полном смысле этого слова: в них практически не было каменных зданий, здесь проживали всего несколько чело-

век, относившихся к купеческому сословию, учебные заведения здесь стали открываться позже, чем в других городах губернии, народная культура определяла повседневную жизнь местного населения.

В заключении А.С. Майорова подвела итоги своего исследования, сделала ряд оригинальных выводов относительно социокультурного развития Саратовского Поволжья в конце XVIII – первой половине XIX в. По мнению исследовательницы, начало активного процесса формирования культурного пространства региона следует отнести к 1780-м гг., когда было учреждено Саратовское наместничество как административно-территориальная единица. С этого времени активизировалась колонизация Саратовского Поволжья русским населением, население региона стало более разнообразным в социальном плане – увеличилась численность дворянства, купечества, мещанства, что послужило причиной ослабления позиций русской народной культуры в регионе. Открытие новых учебных заведений в губернском и уездном городах привело к появлению контингента образованных чиновников и священнослужителей, т.е. местной интеллигенции. В результате административных и социально-экономических преобразований существенным образом изменилось социокультурное пространство региона, расширилось культурное взаимодействие как внутри губернии, между губернским центром и уездными городами, так и вне ее, т.е. губернского города со столицами, откуда стали поступать импульсы к развитию культурной среды в определенных направлениях.

Учебное пособие А. С. Майоровой «История культуры Саратовского края: культура Саратовского края до начала XX века (Ч. 1. Конец XVIII — первая половина XIX века)» является самостоятельной, выполненной на высоком профессиональном уровне работой. По логике построения, структурирования и подачи материала рецензируемая книга является скорее монографией, научным исследованием, нежели учебным пособием в привычном понимании этого термина. Работа А. С. Майоровой основана на анализе исторических источников, в том числе архивных материалов, и критическом осмыслении существую-

щей историографии. Многие положения и выводы, содержащиеся в книге, являются результатом самостоятельной аналитической работы автора и обладают научной новизной. Рецензируемая книга обогащает существующие в историографии представления о развитии русской культуры XVIII–XIX вв., позволяет по-новому осмыслить многие вопросы, связанные с модернизацией культурного пространства России в этот период времени. Работа А. С. Майоровой будет полезна для широкого круга специалистов по культурологии, истории культуры, отечественной истории, региональной истории Поволжья.

А. В. Журавель

Рецензия: Прохоров В. Е. Сермяжные истории. Брянск: Белобережье, 2009. 392 с.; Прохоров В. Е. Воспоминания о лихолетье. Брянск: Белобережье, 2013. 246 с.

Рецензируемые книги, принадлежащие к достаточно редкому в нашей исторической литературе жанру устных историй, рассказывают о жизни крестьян из нескольких сел и деревень на границе Дмитровского района Орловской области и Комаричского района Брянской области в советское время. Эта территория, в прошлом знаменитая Комарицкая волость, осенью 1941 г. была оккупирована немецкими войсками. Летом–осенью 1943 г., во время битвы на Орловско-Курской дуге, эта земля являлась прифронтовой полосой и местом ожесточенных боев во время наступления советских войск.

Автор книг – Владимир Евгеньевич Прохоров, учитель истории средней школы из с. Домаха – является уроженцем этих мест. В течение многих лет он опрашивал стариков, записывал их рассказы, изучал краеведческую литературу, отбирал данные о своей земле, появившиеся в научной литературе и в Интернете.

Ближайшим аналогом и, вероятно, образцом для подачи материала в рецензируемых работах служит знаменитая «Блокадная книга» Д. Гранина и А. Адамовича. Автор не воспроизводит оригинальные записи бесед с респондентами (они неизбежно нестройны и обрывочны), а дает их крайне деликатную литературную обработку. По его словам, он «наме-

ренно сохранил грубый диалектизм речи и просторечные выражения, чтобы через них передать отношение респондентов к событиям своей жизни» (Сермяжные истории. С. 11). Таким образом, в книгах звучат именно живые голоса очевидцев (их имена всегда называются), а не их истолкование автором.

Хронологически материал в обеих книгах неоднороден: рассказы порой начинаются со времен дореволюционных и завершаются 1960–70-ми гг., хрущевскими или брежневскими. Повествуя в основном о своих семьях и своих селах, герои книг нередко «заглядывают» в места довольно отдаленные. Это не случайно: одни уходили на заработки, других раскулачивали, третьих угоняли в Германию, четвертые воевали на разных фронтах Великой Отечественной войны.

В одних случаях автор соединяет свидетельства разных рассказчиков, в других – просто следует за канвой их жизни. По такому принципу построены «Сермяжные истории» (первоначальную версию книги см.: <http://www.kraeved.ru/sermyazhnye-istorii-zhitelei-byvshei-komaritskoi-volosti>; <http://www.kraeved.ru/sermyazhnye-istorii-zhitelei-domakhi-i-drugikh-sel-prodolzhenie>). «Воспоминания о лихолетье» имеют более сложную структуру.

В центре внимания второй книги — события 1941–1943 гг. Две трети ее объема — новые устные истории, построенные по тому же принципу, что и прежде. К этому добавлены еще три части: «Бои не местного значения», «Очевидцы о боях в Аleshинке и Сторожище», «Воспоминания партизан и подпольщиков». В них использованы не только оригинальные авторские материалы, но и сведения из «внешних» источников, в частности, данные об участии в боях на Курской дуге 354-й и 193-й стрелковых дивизий. В некоторых случаях в тематических разделах автор повторно воспроизводит отдельные свидетельства из «Сермяжных историй». Это позволяет дать емкую, разностороннюю картину жизни крестьян во время оккупации и их участия в той войне.

Картина, встающая перед читателями, очень разнопланова и на первый взгляд хаотична: это и подробности семейной жизни, и детали быта, и общие — зачастую весьма выразительные — оценки социальных отношений в деревне, и описания конкретных случаев — смешных и трагических, нелепых и страшных. Переход одного в другое происходит как бы сам собой, так что читатель часто и не знает, как отнестись к прочитанному. Неприукрашенная, непричесанная правда этих «сермяжных историй» завораживает — как работали за «палочки», как платили налоги, как боролись со вшами, как отваром из тех же вшей (!!!) лечили желтуху... Запретных тем для автора и его рассказчиков попросту нет. Кое о чем последние иногда умалчивали, но лишь

потому, что говорить об этом было слишком больно даже много лет спустя.

В центре внимания автора — сами люди, во всех их проявлениях. Мужество и героизм, подлость и предательство описываются внешне бесстрастно и спокойно. Автор избегает эпитетов и оценок; он описывает лишь поступки людей и события, в которые они зачастую невольно вовлечены, но представленные им образы людей и событий чрезвычайно выразительны.

Среди них — не только местные крестьяне-колхозники. Очень интересно представлены, например, оккупанты, причем не только немцы, но и австрийцы, венгры, французы, финны... О пребывании этих, иных, оккупантов в районе Орловско-Курской дуги неизвестно и многим историкам.

Одни из незваных гостей описываются в соответствии с «канонами» — как жестокие захватчики, беспощадно расправлявшиеся с местным населением за любую провинность. Так, в частности, описаны финны, появившиеся в той округе в 1941 г. и занимавшиеся поиском красноармейцев, выходивших из окружения. В 1942 г. в деревне Воронино они («высокие, рыжие, с “черепом” на пилотках») появились вновь — мародерствовали, выискивали тех, кто участвовал в финской войне (Сермяжные истории. С. 275). Карателями были венгры из 102-й охранной дивизии: так, в деревне Угревище они в ноябре 1942 и в марте 1943 гг. расстреляли в общей сложности 170 человек. Автор воспроизводит

в связи с этим воспоминания партизана М. М. Шматкова, «недостреленного» в ходе первой «акции» (Воспоминания о лихолетье. С. 158, 213–214). В мае 1942 г. венгры и поляки, участвуя в боевых действиях с партизанами, расстреляли в селе Игрицком 60 человек. При этом некоторые из венгров через некоторое время перешли на сторону партизан (Там же. С. 227).

Сочувствие оккупантов к местному населению не было такой уж редкостью: в книгах В. Е. Прохорова подобные казусы описываются неоднократно. Так, по воспоминаниям А. С. Каменецкой, не то офицер, не то унтер-офицер Эрнст учил ее, тогда девчонку, немецкому языку, вспоминал о троих своих детях, ругал Гитлера, а в августе 1943 г. при наступлении Красной Армии просил спрятать его... от немцев: «Я в ответ: мол, нельзя – расстреляют. Он, со слезами на глазах, попрощался <...> и ушел к своим» (Воспоминания о лихолетье. С. 24).

Есть в данных работах и кое-какие оригинальные сведения о находившейся по соседству «Локотской республике» и лично о Б. В. Каминском...

Перед автором стояла сложнейшая источниковедческая задача: преобразовать «подстрочник» (исходные, неизбежно хаотичные по фор-

ме, записи) в читабельный текст, не потеряв при этом существенных подробностей и не допуская отсебятины. В. Е. Прохоров справился с ней блестяще: он предпочитал следовать за своими героями, меньше всего думавшими о какой-либо идеологии. Их советское прошлое, разумеется, иногда чувствуется, но рассказчики, дети своего времени, имеют на это полное право.

Таким образом, в сухом остатке мы имеем в своем распоряжении одно-временно и полноценные исторические источники, и прекрасные литературные тексты, которые читаются на одном дыхании, но которые при этом хочется и «смаковать», т. е. читать по отдельным главам.

Конечно, при желании к его текстам историк мог бы и придраться по мелочам, но делать этого мне совсем не хочется – особенно если учесть, в каких условиях готовил автор свои книги. Хотелось бы выразить ему уважение и признательность еще и потому, что В. Е. Прохоров на деле показал лучший пример истинного – совсем не квасного! – патриотизма. Такого рода книги заслуживают быть учебными пособиями, дополняющими систематические курсы советской истории. Тогда нынешние споры о том, какими должны быть учебники по отечественной истории, просто потеряли бы смысл...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белогоорьев Алексей Михайлович, историк, экономист, выпускник исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и аспирантуры института славяноведения РАН, заместитель генерального директора Института энергетической стратегии (Москва)

Ведерников Владимир Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (Санкт-Петербург)

Волобуев Вадим Вадимович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН (Москва)

Голубев Алексей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета (Россия), докторант Университета Британской Колумбии (Канада)

Долгов Вадим Викторович, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Удмуртского государственного университета (Ижевск)

Емельянов Евгений Павлович, историк, ассистент кафедры зарубежного регионоведения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Журавель Александр Васильевич, историк, редактор в издательстве «Старая книга» (Тула)

Кабацков Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заместитель по научной работе директора Пермского филиала ФГБОУ «Москов-

ский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ)» (Пермь)

Каравашкин Андрей Витальевич, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

Киселев Михаил Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН и Лаборатории эдиционной археологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Киселев Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Волгоградского государственного университета (Волгоград)

Костина Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела обработки фондов, комплектования и ведомственных архивов Санкт-Петербургского филиала архива РАН (Санкт-Петербург)

Клейтман Александр Леонидович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории политики Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Волгоград)

Крестьянников Евгений Адольфович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета (Тюмень)

Кучумов Игорь Вильсович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник института этнологических исследований им Р. Г. Кузеева УНЦ РАН (Уфа)

Макаров А.И., доктор философских наук, профессор кафедры философии Волгоградского государственного университета (Волгоград)

Мининков Николай Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой специальных исторических дисциплин и документоведения Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Понарин Павел Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Тульского филиала Международного юридического института (Тула)

Сергеев Всеволод Николаевич, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета путей сообщения (Москва)

Славнитский Николай Равильевич, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург)

Смирнов Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Суслов Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Гуманитарных дисциплин» Казанского государственного технологического университета (Казань)

Стыкалин Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный

сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН (Москва)

Тихонов Виталий Витальевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Токарев Василий Александрович, кандидат исторических наук, доцент института истории и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск)

Фабрикант Маргарита Сауловна, младший научный сотрудник Лаборатории сравнительных исследований массового сознания Экспертного института Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), преподаватель факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (Минск)

Хаванова Ольга Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН (Москва)

Шишков Василий Евгеньевич, соискатель ученой степени кандидата исторических наук, преподаватель 1-го Московского образовательного комплекса (Москва)

Шубин Александр Владленович, доктор исторических наук, руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН (Москва)

Эрлих Сергей Ефроимович, кандидат исторических наук, директор издательства «Нестор-История» (Москва-Санкт-Петербург)